

Иван Егорович Забелин

Домашняя жизнь русских царей

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2572925
Домашняя жизнь русских царей:
ISBN 978-5-699-13829-6, 5-699-13829-3

Аннотация

Частная жизнь московских государей всегда была скрыта плотной завесой тайны от досужих посторонних глаз: гости Кремля видели только ее официальную сторону, а те, кто был в курсе ее подробностей, особой откровенностью не отличались. Поэтому книга выдающегося русского историка, археолога и коллекционера Ивана Егоровича Забелина (1820-1908) «Домашняя жизнь русских царей» без преувеличения уникальна. Внутренний распорядок, уклад быта Московского дворца, взаимоотношения его обитателей прослежены И.Е.Забелиным во всех живописных подробностях, с детальным описанием многочисленных обрядов и церемоний, а также объяснением их высшего смысла и глубинной значимости. Книга И.Е.Забелина основана на подлинном историческом материале, с которым ученый имел возможность познакомиться, долгие годы работая в архиве Оружейной палаты Московского Кремля. Герои этой книги, а также окружавшие их интерьеры, предметы обихода, архитектурные памятники, в том числе не сохранившиеся до нашего времени, представлены в многочисленных иллюстрациях, сопровождающих это издание.

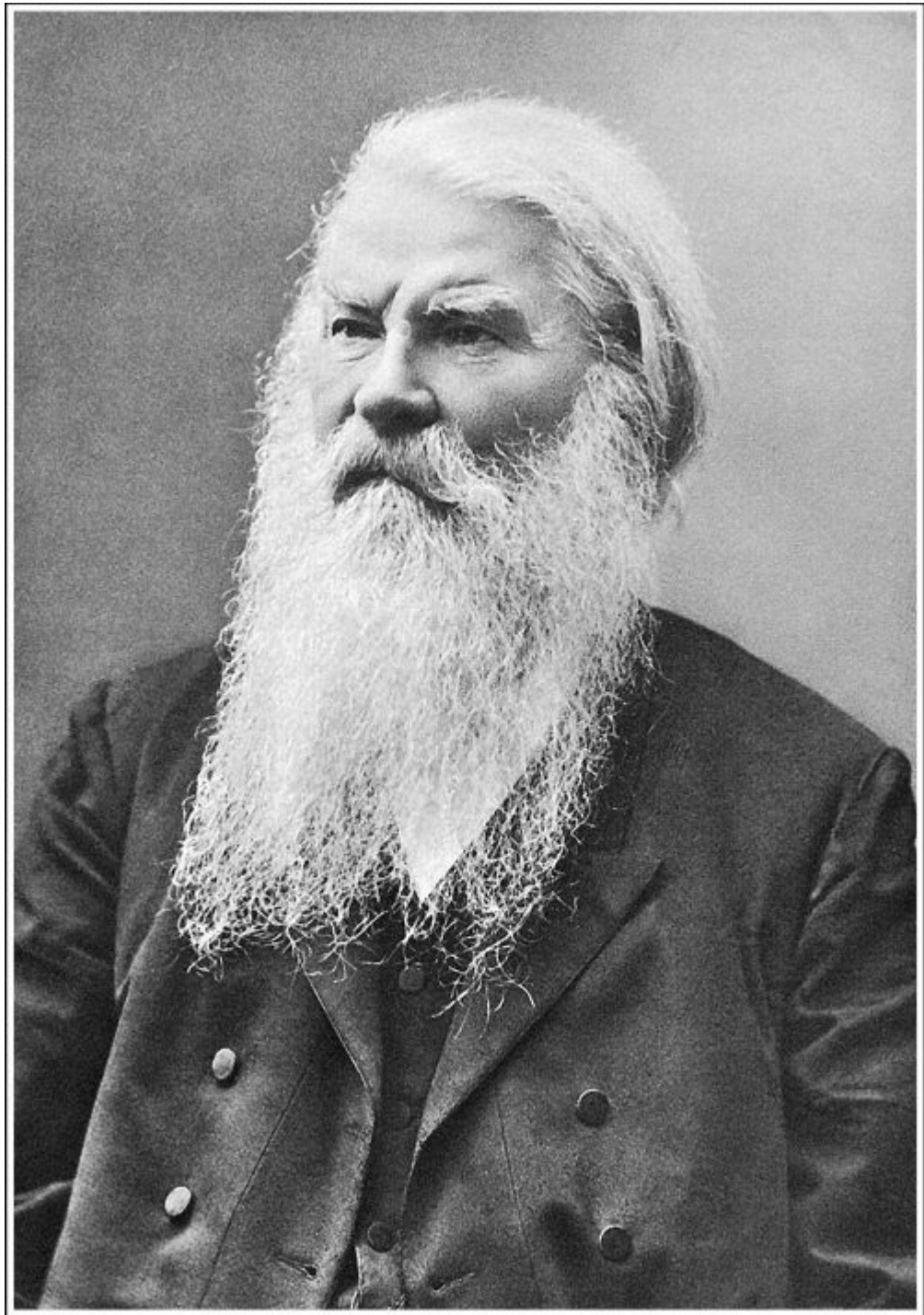
Содержание

Об авторе этой книги	4
Том I	7
Глава I	7
Глава II	104
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Иван Егорович Забелин

Домашняя жизнь русских царей

Об авторе этой книги

Иван Егорович Забелин (1820—1908), выдающийся русский историк и археолог, член-корреспондент (1884), почетный член (1907) Петербургской Академии наук, родился в Твери, в семье бедного чиновника. Его отец, Егор Степанович, служил в должности писца в городской Казенной палате и имел чин коллежского регистратора – самый младший гражданский чин 14-го класса.

Вскоре отец И. Е. Забелина получил должность в Московском губернском правлении, и семья Забелиных переехала в Москву. Казалось, все складывалось как нельзя лучше, однако отец будущего ученого неожиданно умер, когда Ивану едва исполнилось семь лет; с этих пор в их доме надолго поселилась нужда. Поэтому и образование он смог получить только в Преображенском сиротском училище (1832– 1837), где царили «старозаветные, спартанские, суровые и жестокие» методы воспитания. Впрочем, он был любознательным юношей и даже казенная атмосфера сиротского училища не помешала ему увлечься чтением и познакомиться со многими книгами, сыгравшими немаловажную роль в его дальнейшей судьбе.

После окончания училища в 1837 г. Забелин, не имея возможности, из-за своего материального положения, продолжить образование, поступил на службу в Оружейную палату Московского Кремля канцелярским служителем второго разряда. В то время Оружейная палата была не только музеем – в ней находился также богатый архив исторических документов. Иван Забелин не был историком по образованию, однако изучение документов о старинном быте Московской Руси увлекло его, и он всерьез занялся историческими исследованиями.

В 1840 г. он написал свою первую статью – о путешествиях царской семьи в XVII в. на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, – которая была напечатана в приложениях к «Московским ведомостям» только в 1842 г. За ней последовали другие труды – к концу 40-х гг. Забелин имел уже около 40 научных работ и был принят как равный в кругу московских историков-профессионалов. Однако читать лекции, например в Московский университет, его так и не пригласили, поскольку у ученого-практика отсутствовало университетское образование. Впоследствии Киевский университет присвоил Забелину профессорское звание по совокупности его научных трудов; только в 80-е годы он стал почетным доктором Московского и Петербургского университетов.

Работая в Оружейной палате, Забелин собирал и обрабатывал материалы по истории царского быта, а затем публиковал их в журнале «Отечественные записки» (1851—1857). В 1862 г. эти статьи вышли отдельным изданием под заглавием «Домашний быт русских царей в XVI и XVII вв.»; в 1869 г. увидел свет 2-й том – «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII вв.».

Жизнь Московского дворца была прослежена в этих книгах во всей ее повседневной конкретности, с детальным описанием церемониалов и обрядности. обстоятельное исследование обряда жизни царя и царицы переплетается с важными для отечественной исторической науки обобщениями о значении Москвы как вотчинного города, о роли государева дворца, о положении женщины в древней России (глава об этом вопросе издана отдельно в «Дешевой библиотеке» Суворина), о влиянии византийской культуры, о родовой общине.

Продолжением главы I «Домашнего быта русских царей» стала интереснейшая работа «Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве», опубликованная в журнале «Вестник Европы» в начале 1871 г.

В 1848 г. Забелин получил место помощника архивариуса в дворцовой конторе, а еще через восемь лет стал архивариусом. В 1859 г. он перешел в Императорскую археологическую комиссию, где ему были поручены раскопки скифских курганов в Екатеринославской губернии и на Таманском полуострове, близ Керчи, в ходе которых было сделано множество

ценных находок. Результаты этих раскопок Забелин описал в работе «Древности Геродотовой Скифии» (1872) и в отчетах Археологической комиссии.

В 1879 г. Забелин был избран председателем Общества истории и древности и затем товарищем (заместителем) председателя Исторического музея. С 1872 г. он входил в комиссию по постройке здания Исторического музея в Москве, а с 1883 г. и до конца жизни он был бессменным товарищем председателя музея. Поскольку председателем был московский губернатор, великий князь Сергей Александрович, Забелин стал фактическим руководителем музея, заботливо следившим за пополнением его фондов.

Забелин и сам всю жизнь занимался коллекционированием. В его обширное собрание входили рукописи, карты, иконы, эстампы, нумизматика. После смерти ученого вся его коллекция, в соответствии с завещанием, была передана в Исторический музей.

Исследования Забелина были посвящены в основном эпохе Киевской Руси и Московскому периоду русской истории. Глубокое знакомство со стариной и любовь к ней нашли отражение в языке сочинений Забелина, выразительном, оригинальном, необыкновенно красочном и богатом. Во всех его работах также отчетливо заметна характерная для этого незаурядного ученого-самоучки вера в самобытные творческие силы русского народа и любовь к нему, «крепкому и здоровому нравственно народу-сироте, народу-кормильцу». Или, если вспомнить его собственные слова: «Нельзя делить Русь на столетия механически, Русь есть живое, образное пространство».

Вадим Татаринов

Том I

Глава I

Государев двор, или дворец. Общий обзор

Вступление.— Общее понятие о княжеском дворе в Древней Руси.— Двор первых московских князей.— Общий обзор древних хоромных построек в Великой Руси.— Способы построек, или плотницкое дело.— Состав деревянного государева дворца.— Каменный дворец, воздвигнутый в конце XV века.— Его расположение в начале XVI века.— История дворца при Иване Васильевиче Грозном и его преемниках.— Дворцовые здания в Смутное время.— Обновление дворца и новые постройки при Михаиле Федоровиче.— Новые украшения дворца при Алексее Михайловиче.— Расширение и украшение дворца при Федоре Алексеевиче и в правление царевны Софьи.— Расположение дворца и его состав в конце XVII ст.— Запустение и постепенное разрушение дворцовых зданий в XVIII ст.

Старый русский домашний быт и особенно быт русского великого государя со всеми своими уставами, положениями, формами, распорядком наиболее полно сложился к концу XVII ст. Это была эпоха последних дней нашей домашней и общественной старины, когда все, чем была сильна и богата эта старина, высказалось и оформилось в таких образах и формах, с которыми по тому же пути дальше было идти невозможно. Москва, самая жизнеспособная в Старой Руси, в эту замечательную и любопытную эпоху отживала свой век при полном господстве исторического начала, которое ею было выработано и водворение которого в жизнь стоило стольких жертв и такой долгой и упорной борьбы. Политическое единство Русской земли, к которому неизбежно вели московские стремления и предания, являлось уже неоспоримым и несомненным делом и в умах самого народа, и для всех соседей, когда-либо протягивавших руку к нашим землям. Представитель этого единства, московский великий государь, самодержец всея Руси, стал в отношении к земству¹ на недостижимую высоту, о которой едва ли помышляли наши далекие предки.

Похороны древнеславянского князя. С фрески Г. Семирадского

Ничего соответствующего этому «пресветлому царскому величеству» в древней нашей жизни мы не видим. Правда, идея царя была хорошо знакома нам еще с первых веков нашей истории, особенно когда деятельны были наши связи с Византией. Царь греческий представлялся для нас типом самодержавной, ничем не ограниченной власти, типом высокого и великого сана, к которому доступ сопровождался изумительной для простых глаз торжественностью и обстановкой несказанного блеска и великолепия. Обо всем этом мы получили достаточное понятие еще со времени варяжских походов на Царьград². Понятие это не угасало и в последующие века, особенно распространяемое духовенством, греческим и русским, в связи с их частыми отношениями с Царьградом. Книжные люди тех веков, обыкновенно тоже церковники, изредка приписывали этот титул и русским князьям из желания наиболее возвысить их сан и значение, по крайней мере в собственных глазах, из желания сказать нечто верноподданническое в похвалу доброму князю.

Позднее тем же титулом мы стали величать царя Ордынского, потому что как же иначе, т. е. понятнее для всех, могли мы обозначить характер ханской власти и характер его господства над нашей землей. Новое явление мы назвали соответственным ему именем, которое как представление давно уже существовало в умах, с давнего времени соединяясь с довольно определенным и знакомым всем понятием. У себя дома, среди своих князей, мы не находили ничего соответствующего этому имени. И если иногда называли их так, то, как мы упомянули, единственно из особой угодливости и подобиострастия, которыми большей частью руководилась в своих похвальных словах наша старинная книжность. Тип великого князя Древней Руси не был очерчен резко и определенно. Он терялся среди собственно княжеского рода, дружинников и вечевых городов, пользовавшихся почти равной самостоятельностью голоса, власти и действий. Черты этого типа пропадают в общем строе земли. Он не вдруг приобретает даже имя великого и просто именуется «князем» с прибавлением изредка титула «господин», что показывало только вообще властное его значение. Книжники, вспо-

миная апостольское писание, присваивают ему иногда значение «божьего слуги», который «не напрасно меч носит, но в месть злодеям, в похвалу же добродеем». Именуют его «главою земли»; но это были представления отвлеченные, собственно книжные; в действительной жизни им мало внимали.

С именем князя повседневные понятия времени соединяли только значение главного судьи и воеводы, хранителя правды и первого воина земли. Когда правда нарушалась поступками князя, он терял доверие, лишался княжества, а иногда и самой жизни. Вообще он был «стражем Русской земли» от врагов внутренних, домашних, и от врагов иноплеменных. За то земля его кормила, и он сам не простирает своих видов дальше права на это кормление. Кормление вместе с тем обуславливало общее владение землею в княжеском роду и, следовательно, личную зависимость князя, хотя бы и великого, не только от родичей, но даже и от дружинников, потому что и те были участниками кормления и общинного владения землею, участниками в оберегании правды и в защите земли от врагов. Понятно, почему великий князь и для земства становился не более чем наместником, не главой земли, а главой таких же наместников, вождем дружины; понятно, почему и отношения его к земству были так непосредственны и просты. В те простодушные века очень часто слышались на вечевых сходах оживленные речи и споры, в которых люди веча и князь высказывают какие-то братские, совершенно равные отношения. Не станем говорить о том, насколько в этих оживленных беседах обнаруживается сознательно выработанные определения жизни. Может быть, здесь в большей мере высказывается лишь простодушное и прямодушное наивное детство общественного развития, каким отличается вообще первое время в жизни всех исторических народов.

«А мы тебе кланяемся, княже, а по-твоему не хотим» — вот стереотипная фраза, которой выражалось несогласие с княжескими требованиями и притязаниями, выражалось вообще самостоятельное, независимое решение дела. «Тобе ся, княже, кланяем» значило то же, что «ты себе, а мы себе», что по-твоему не делается. Князя, со своей стороны, людей веча не называют ребятами, а обращаются к ним с обыкновенным народным приветом: «Братье!». Так, «Братья моя милая!» — вызывает к новгородцам древний Ярослав³, прося помощи на Святополка⁴; «Братья володимерцы!» — вызывает князь Юрий⁵, прося защиты у владимирцев; «Братья мужи псковичи! Кто стар, то отец, кто млад, той брат!» — восклицает Довмонт Псковский⁶, призывая псковичей на защиту отечества. Все эти речи характеризуют древнейшие княжеские отношения к земству, выясняющие тип древнего князя, каким он являлся в действительности, в народных понятиях и представлениях.

Какое неизмеримое отличие этого типа от другого, который именовался впоследствии великим государем и к концу XVII ст. принужден был обязать народ под страхом великой опалы писать ему в челобитных: «Умилосердися, яко Бог» или: «Работаю я, холоп ваш, вам, великим государем, яко Богу». Много нужно было времени, а еще более гнетущих обстоятельств, чтобы жизнь привела народные понятия к такому унижению. Новый тип созидался постепенно, шаг за шагом, под гнетом событий, под влиянием новых жизненных начал и книжных учений, распространявших и утверждавших его.

Несмотря, однако ж, на расстояние, которое отделило каждого земца от «пресветлого царского величества», несмотря на порядки быта, по-видимому, настолько отличающиеся и чуждые преданиям древности, великий государь, при всей высоте политического значения, ни на волос не удалился от народных корней. В своей жизни, в своем домашнем быту он останется вполне народным типом хозяина, главы дома, типическим явлением того строя

жизни, который служит основой экономического, хозяйского быта во всем народе. Одни и те же понятия и даже уровень образования, одни привычки, вкусы, обычаи, домашние порядки, предания и верования, одни нравы – вот что равняло быт государя не только с боярским, но и с крестьянским бытом. Отличие обнаруживалось только в большем просторе, в большей расслабленности, с которой проходила жизнь во дворце, а главное – в богатстве, в количестве золота и всяких драгоценностей, всяких *цат*?, в которых, по мнению века, несравненно достойнее представлялся всякий сан, а тем более сан государя. Но это был только наряд жизни, нисколько не изменявший ее существенных сторон, уставов и положений, и не только в нравственной, но и в материальной среде. Крестьянская изба, срубленная во дворце, для государева житья, убранная богатыми тканями, раззолоченная, расписанная, все-таки оставалась избой в своем устройстве, с теми же лавками, коником⁸, передним углом, с той же мерой в полтрети сажени, сохраняя даже общенародное имя избы. Стало быть, жизнь во дворце, по существу потребностей, нисколько не была шире жизни в крестьянской избе; стало быть, тамошние начала жизни находили себе вполне соответствующий, наиболее подходящий источник в той же избе.

Сам титул царя: великий государь – может отчасти раскрыть, что новый тип политической власти вырос «на старом кореню». Первоначальное значение слова «государь» было затемнено, особенно в позднейшую эпоху, неимоверным распространением этого значения в политическом смысле, а вместе с тем – заученными понятиями и представлениями о государстве и государе как отвлеченных теоретических идеях, о которых наша древняя действительность, почти до самой реформы, очень мало или и вовсе не мыслила. Только во второй половине XVII ст. мелькает мысль о *вотчем народе*, как говаривал царь Алексей, все еще считавший Московское государство своей вотчиной⁹.

Прежде всего нужно заметить, что в древнее время титулов в собственном смысле не существовало. Все теперешние титулы есть, собственно, исторические памятники давней действительности, смысл которой трудно воскресить. Между тем в древности каждое имя заключало в себе живой, действующий смысл. Так, слово «князь», которым земля именovala каждое лицо, принадлежавшее роду Рюрика, было словом, вполне и точно определявшим истинный, живой смысл, какой возникал из характера княжеских отношений к земле. Права, достоинство князя как известного общественного типа были достоянием только лиц княжеского же рода и никому другому не могли принадлежать. Когда род увеличился и простое обычное достоинство князя потребовалось возвысить для лиц, стоявших почему-либо впереди и, следовательно, выше других, тотчас же к имени «князь» стали прибавлять прилагательное «великий», что значило «старший». Этим титулом жизнь обозначила, что достоинство князя, от раздробления на мелкие части, утратило прежнее значение, измельчало, износилось и что, следовательно, наступила новая фаза в развитии княжеских отношений. Тот же путь прошел и титул великого князя. Сначала он обозначал только старшего во всем роду, позже – старшего в своей волости, а к концу фазы почти все князья, имеющие самостоятельные владения, стали именоваться великими. Таким образом, снова обнаружилось измельчание великокняжеского достоинства.

В. Васнецов. Призвание варягов

К XV веку не только тверской или рязанский, но даже и пронский князь уже именует себя великим князем, и именно в то время, когда поступает в подручники, в службу господину *осподарю* (Витовту). Это новое имя явилось на смену прежнего, отжившего имени и начало новую фазу развития земских понятий о достоинстве князя. Понятие «осподарь, государь» развилось уже на иностранной почве, из элементов, которые были выработаны самой жизнью. Оно, по свойству своих жизненных сил, уже в самом начале показывало, что стремится совсем упразднить первоначальное общее, и притом пришлое достоинство князя, упразднить само понятие об этом достоинстве, что в точности и случилось, когда эта фаза достигла полного развития. В XVII ст. многие князья рода Рюрика смешались с земством и навеки забыли о своем княжеском происхождении. Таким образом, тип древнего князя, переходя в своем развитии из фазы в фазу, к концу пути вовсе разложился, угас, оставив от себя одно имя как исторический памятник.

В древнейших жизненных отношениях рядом с именем «князь» существовало другое, такое же типичное имя «государь». Вначале оно служило названием частной, домашней жизни, наименованием хозяина-собственника и, само собой разумеется, отца семейства, главы дома. Еще в «Русской Правде» словом «государь, осподарь» обозначается, вместе со словом «господин», хозяин собственности, домовладелец, вотчинник, вообще «сам», как часто теперь выражаются о хозяине и как в древности выражались о князьях, державших свою независимую волость, именуя их самодержцами. «Основой» называлась семья в смысле независимого самостоятельного хозяйства, которое и до сих пор на юге носит название осподы, господарства. «Господою» называется Новгород в смысле правительственной, судной власти; «осподою» назывались собирательно судьи, начальство и вообще господская власть. «Господарь», следовательно, было лицо, совмещавшее в своем значении понятия о

главе дома, о непосредственном правителе, судье, владельце и распорядителе своего хозяйства.

В. Васнецов. Двор удельного князя

Домострой XVI века для наименования хозяина и хозяйки не знает другого слова, как «государь», «государыня» (изредка также «господарь, господарыня»). Свадебные песни величают «государем» батюшку, «государыней» – матушку. В том же смысле московские удельные именуют своего отца и мать «князь», не придавая еще этого титула великому князю и чувствуя его только именем «господин».

Приводя эти указания, мы желаем только напомнить, что именем «государь» обозначался известный тип жизненных отношений, именно властный, обратная сторона которого выставляла противоположный тип раба, холопа или вообще слуги. «Осподарь» был не мыслим без холопа, так как и холоп не был бы понятен без осподаря. Как тип частного, собственно домашнего строя жизни, он существовал везде, во всех народностях и во все времена, существует повсюду и в наши дни, более или менее смягченный распространением гуманного, то есть христианского просвещения. Почти везде этот тип пересилил другие общественные формы быта и стал во главе политического устройства земли как исключительное, единственное жизненное начало. Естественная его сила всегда сохранялась в народных корнях, в господстве того же типа в частной, домашней жизни, в понятиях и представлениях народной массы. Изменялось свойство этих корней, изменялся в своем виде и характере и этот тип.

Когда в древнекняжеских отношениях общее владение землею и частый передел этого общего владения отжили свое время, а земство еще не успело выработать себе прочной политической формы, которая могла бы как твердыня защищать его от княжеских захватов и отчинных притязаний, князья мало-помалу, по праву наследства, стали делаться полными собственниками своих наследственных волостей, а вместе с тем, по естественной причине,

стали приобретать и новый титул, обозначавший очень верно существо самого дела, т. е. их новое отношение к народу.

Угощение митрополита и его причта князем (Из «Сказания о Борисе и Глебе»)

Народ, вместо изветшавшего, уже только почетного титула «господин», начал называть их «государями» т. е. не временными, а полными и независимыми хозяевами собственности. Прежний титул «господин», сделавшийся выражением обыкновенной вежливости и почтения, имел и в самом начале довольно общее значение, по крайней мере, более общее, чем слово «государь», которое в отношении к слову «господин» точно так же обнаруживало новую фазу в развитии «господина», т. е. вообще лица властвующего, и в первое время не было даже и титулом.

Перенесение мощей (Из «Сказания о Борисе и Глебе»)

Оно очень определенно и точно обозначало известный всем предмет, известный склад жизни, известный разряд людей, пользовавшихся самостоятельным исключительным значением, и потому с такой разборчивостью отличалось от титула «господин», особенно в то время, когда в политических земских отношениях это различие сделалось слишком очевидным, а именно в период борьбы Новгорода с Москвой. Если «господином» — наша древность называла князя и вообще всякое почетное и почему-либо высшее лицо, то «государем» она обозначала по преимуществу только лицо владеющее, самодержавное в отношении его хозяйства, его семьи и собственности. Вот почему к имени «осподарь» стали прибавлять и титул господина:

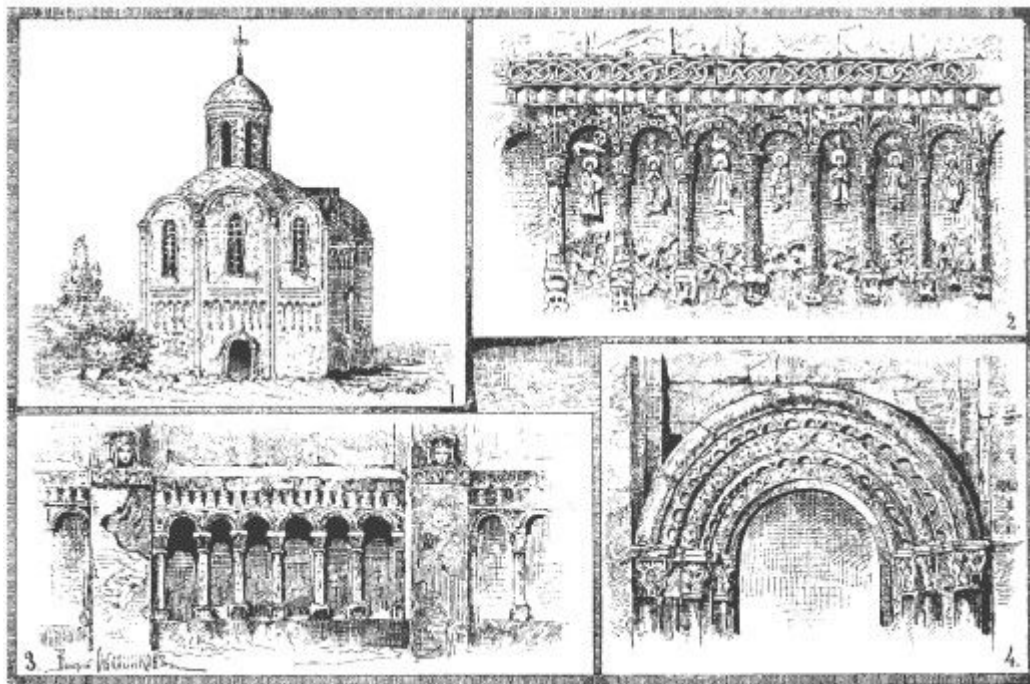
«господин государь Новгород Великий», «господин государь князь великий Московский».

В частной сфере каждый хозяин дома был таким «осподарем» — самовластителем, и против этого не только никто не спорил, но всякий старался, с помощью предания и книжного учения, поддерживать и распространять такое значение владыки дома. Когда же это господарское начало явилось действующим и в сфере общих земских отношений, его не поняли или, вернее, не желали понимать. Отсюда-то и выходила борьба отдельных вотчинников — князей отдельных самостоятельных волостей, или земель, борьба, более или менее продолжительная и суровая, в зависимости от того, где она возникала, т. е. где памятнее и крепче была вечевая или господарская старина.

В замене прежнего выражения «княжить», которым обозначали свойство, характер княжеских отношений к народу, явилось новое слово «государить», выражавшее совсем иной смысл, иной характер этих отношений. Точно так же и слово «княжество», определявшее деятельность, строй и порядок тех же отношений, а вместе с тем и саму землю, на которую распространялась эта деятельность, заменено было новым — «государство», имевшим новый смысл, весьма отличающийся от прежнего. Дальнейшее политическое развитие присвоило этому последнему слову гораздо более общее значение, упразднив в его значении все личное, частное, так сказать, местное, именно то понятие, с каким великий князь Иван Васильевич вопрошал новгородцев, «какого они хотят государства?».

Как только идея господарства распространилась по всей земле и все самостоятельные князья-вотчинники стали именоваться государями, когда даже и самому Новгороду уже присваивался титул господина-государя, тотчас же потребовалось отличить первенствующего государя от остальных, на которых этот первенствующий имел вотчинные права и смотрел как на подчиненных. Подобно тому как в прежнее время старший из князей приобретал, в отличие от младших, титул великого, так старший, главный государь, государь над государями, стал именоваться великим государем, также великим государем земским, когда его хотели отличить от других государей, имевших частное значение, каковы, например, были митрополиты и архиепископы, которым народ также присваивал титул государей и осподарей; наконец, великим государем Русским, *всяя Руси*

Значение такого государя над государями приобрел, как известно, государь Московский. Но, как ни высоко было это, уже политическое, значение титула, существенный его смысл несколько не изменился и оставался долго тем же, чем был вначале, т. е. чем был в частном домашнем быту народа. Великий государь Московский с распространением своего политического могущества, присоединив к прежним новые, более соответственные своему значению, титулы царя и самодержца, на деле, в действительности, оставался все тем же государем, осподарем.

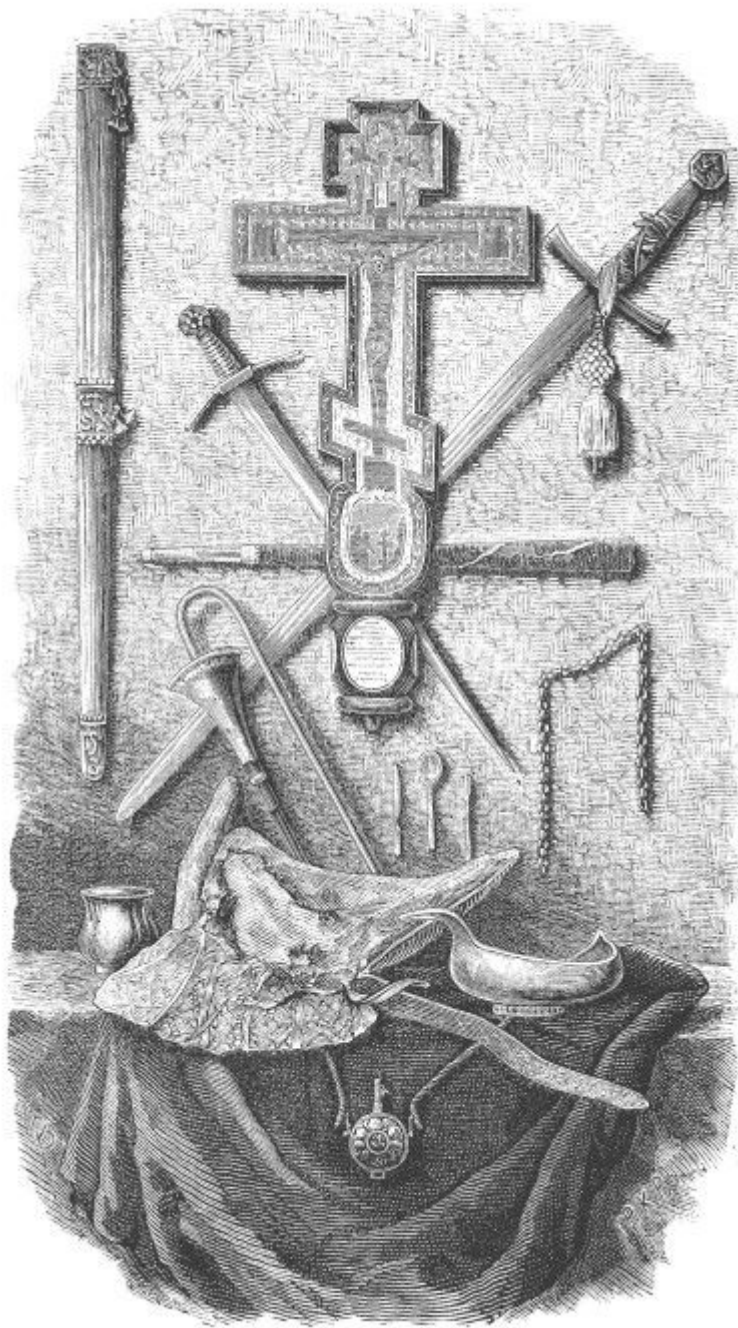

Владимирские древности (*Владимир-на-Клязьме*):

1. Дмитриевский собор XII в., построенный великим князем Всеволодом Георгиевичем в 1194 г. и реставрированный в царствование императора Александра II. 2, 3, 4. Архитектурные украшения владимирских и суздальских храмов

Мы хотим сказать, что в простом и удобопонятном, а главное, наиболее точном и верном смысле, это был помещик с широкими царственными размерами жизни, которые явились почти незаметно, сами собой, как необходимое, совершенно неизбежное условие новых политических отношений и потребностей. При этом нельзя забывать, что новые потребности и отношения развились по преимуществу на почве иностранных отношений, на почве жизни с соседями. Дома, в отношении к народу, они никогда не могли бы вырасти с такой силой и с таким размахом. Здесь, как всегда и во всем, большом и малом, выразилось простое повседневное стремление казаться перед другими более достойным. Лишь для чужих нужно было представлять это необыкновенное величие сана, обставлять азиатскими декорациями, торжественностью, блеском каждый шаг, особенно в приемах и проходах иноземных послов и гостей. Только перед чужими нужно было возноситься, проявлять свое могущество, неисчислимое богатство,— одним словом, показывать себя с достоинством, которое возвышало бы значение, силу и славу народа.

Действительно, царственная обстановка московского государя, царственные формы и порядки его быта, как и высота его сана, вырастают постепенно, по мере того, как усложняются, развиваются наши заграничные отношения, по мере встреч, знакомств и столкновений в общей политике иностранных государств, а особенно наших соседей, перед которыми Москва никогда не думала выглядеть отстающей. Ее задачей было во что бы то ни стало перегнать этих соседей, для начала хотя бы внешним величием, внешним могуществом, ибо о могуществе внутреннего развития тогда и соседи мало еще помышляли.

Новгородские древности. Гравюра XIX в.

Отличительная черта ее политики именно в том и заключается, что она привыкла во всех трудных обстоятельствах больше надеяться на себя, на собственные силы и средства, не отыскивая опоры где-нибудь по сторонам. Этим-то путем и было достигнуто политическое могущество и первенство.

Но, как ни были широки и царственны размеры быта, усвоенные по этому пути московским государем, в общих чертах, в общих положениях быта и даже в мелких частностях, они нисколько не удалились от обычных исконных, типичных очертаний русской жизни. Московский государь оставался тем же князем-вотчинником, которым почти за четыреста лет до реформы он начал свой исторический подвиг.

Вотчинный тип отражался на всех мелочах и порядках его домашней жизни и домашнего хозяйства. Это был простой деревенский, следовательно, чисто русский быт, несколько не отличавшийся, в основных чертах, от быта крестьянского, свято сохранявший все обычаи и предания, весь строй и все начала древней русской жизни в той ее форме, какая была выработана веками для отдельного, единичного частного хозяйства и домоводства, для отдельного, независимого существования русской семьи, более или менее зажиточной и домовитой. Сквозь по-азиатски великолепные, ослеплявшие блеском и богатством декорации царственного сана виднелась до крайности простая и наивная, свойственная всему народу действительность, равнявшая в этом смысле особу государя с последним сиротой его государства, т. е. со всяким хозяином-домовладельцем из посадских слобод и крестьянских деревень, не говоря уже о помещиках и вотчинниках из служилого сословия, где тип государя-хозяина являлся основным определением жизни и всех условий быта. Иначе, впрочем, и не могло быть, ибо начала, истоки жизни были по всей Русской земле одни и те же; и там, и здесь, на севере, как и на юге, ничем существенно не различались и потому складывались в один и тот же строй и порядок, в одну и ту же форму. Спешим оговориться и напомнить, что здесь мы говорим не об общественных политических началах жизни, а только о домашних, о началах жизни единичной, а не общей; только о доме, о дворе.

Сама так называемая государственная служба, в простом смысле, представляла только вид службы вотчиннику, службы лицу, а не отвлеченному понятию Отечества или государства. Быстрое развитие вотчинного типа на московской почве втянуло в себя и древнее дружинное начало, пользовавшееся до того времени равным правом самобытности и самостоятельности. Друзья-товарищи походов очень скоро обратились в слуг, и имя слуги сделалось самой высшей наградой за службу вообще. Древнее выражение «страдать за Русскую землю» заменилось новым: «служить Государю».

Таким образом, то, что в древнее время представляло только условие частной домашней жизни, условие, не имевшее никакого особенного значения для земства, а именно — служба лицу, с развитием вотчинности, или господства, приобретает, вместе с лицом самого господаря, общеполитическое значение. Князедворцы, княжие слуги, вытесняют дружинников, становятся впереди, потому что впереди всей земли становится и тип вотчинника-господаря, не признававший, по существу своих стремлений, никаких других прав и преимуществ, смотревший на все с точки зрения полного самовластного владыки и хозяина. Дружинное начало, за которое так держались древние князья-дружинники, так чествовали и берегли его, видя в нем почти единственную опору для своих отношений к народу, князь-вотчинник признает чуждой, непонятной и враждебной формой жизни и прилагает отчаянные усилия, чтобы искоренить и саму память о нем. Он чествует и бережет только верных, прямых своих слуг и вносит в уже ветхую среду славной и сильной некогда дружины имя слуги как высшую почесть. Торжество господарских идей вполне выразилось в понятиях, поступках и убеждениях грозного царя Ивана Васильевича, характер которого будет еще понятнее, если мы представим его обыкновенным вотчинником-господарем, каких и в его время, и в гораздо более позднюю эпоху было немало в Русской земле. Он не слишком понятен для нас лишь по размеру, в котором обнаружились господарские стремления, требования и поступки. Его приснопамятная челобитная к великому князю всея Руси Симеону Бекбулатовичу, в которой он именует себя Иванцом Васильевым Московским, раскрывает до очевидности господарский взгляд и на служилое сословие народа.

Этот Иванец «бьет челом, просит милости освободить его перебрать людишек бояр и дворян,, и детей боярских и дворовых людишек: чтоб

иных прочь отослать, а иных оставить... освободить его выбирать и принимать изо всяких людей... Просит указать, как ему своих мелких людишек держати, просто, без крепостных записей, или велишь на них полные (кабалы) имати»,—

заключает челобитчик, выражая тем в полной мере свой господарский крепостнический взгляд на боярство.

Действительно, служба бояр и вообще сановников по существу была тем же, чем служба домовных людей. Они были обязаны служить до последней физической возможности, обязаны были каждый день с утра рано являться во дворец, челом ударить государю, и их без причины поздний приезд всегда влек за собою гнев и немилость государя. Без спроса у государя они не смели выехать из Москвы даже в ближайшие свои подгородные села и дачи, хотя бы на один только день, для гулянья или для какого дела. «Да не токмо для гулянья своего отпрашиваются,— присовокупляет Котошихин¹⁰,— но, когда прилучится им которого дни друг у друга быти в гостях, на свадьбе, или на крестинах, или на именинах, и они отпрашиваются по такому ж обычаю». Царь Алексей Михайлович в своей шуточной челобитной к боярам, зовя их на медведя, залегшего в селе Озерецком, и прося непременно приехать на охоту, делает в шутках каждому попреки, кого чем одолжал:

«А я всем вам поступался, кто о чем бил челом»,— и, обращаясь между прочим к князю Куракину, замечает: «А ты, боярин князь Федор Семенович, бивал челом по часту в деревню, и я тебя всегда жаловал, отпускал... и вы папаятуйте все скорую мою милость к себе... »

Некоторые свадебные чины XVI ст. указывают, что без спроса у государя бояре едва ли могли жениться, женить своих сыновей и выдавать замуж дочерей. По крайней мере, они также строго соблюдали обычай являться к государю на другой день свадьбы со всем свадебным поездом. Узрев государя, сидевшего в шапке, все кланялись в землю. Государь спрашивал про женихово и про невестино здоровье, причем жених опять кланялся в землю. Царь благословлял молодых иконами, наделял их дарами и угощал весь поезд романеей¹¹ и медом.

Царь Алексей Михайлович в молодости

В свои именины каждый боярин ехал к государю челом ударить и подносил ему свой именинный калач. С такими же калачами он обходил все царское семейство, подносил царице, царевичам и царевнам. То же самое делали жены и дочери бояр на царицыной половине. Бояре и все сановники вменяли себе в особую честь и почесть получать каждый день с царского стола, от обеда и от ужина, поденную подачу и ставили себе в большое бесчестье, когда эта подача, по ошибке или по какой другой причине, до них не доходила, размышляя, что ни царского гнева над собой, ни вины за собой не ведают, а в подаче перед своей братией обесчещены. Строгость наказаний (батоги, тюрьма) за подобные неисправности в рассылке подач указывает, как важно было значение их для боярской чести и спеси. Все это черты обыкновенного повседневного вотчинного быта, которые идут из глубокой древности, из первобытных патриархальных отношений господаря-домовладыки к своим домочадцам.

Боярская одежда XVI—XVII вв.

Вотчиннический, господарский тип московских князей обозначился даже в самом устройстве их стольного города Москвы. В сущности это была помещичья усадьба, обширный вотчинников двор, стоявший среди деревень и слобод, которые почти все имели какое-либо служебное назначение в вотчинниковом хозяйстве, в потребностях его дома и домашнего обихода.

Некоторые иностранцы, бывавшие в Москве в XVI и XVII ст., вовсе не ошибались, когда весь Кремль принимали за царский дворец, говоря, что он обнесен каменной стеной. Действительно, первой основой Кремля, а стало быть, всей Москвы, был княжий двор или, в самое древнее время, княжий стан с необходимыми хоромами, или клетями, на случай приезда. Когда князья переехали в эту усадьбу на постоянное жилье, она стала мало-помалу обстраиваться и увеличиваться. Возле двора была построена церковь (Благовещения-на-Сенях), как было в Древней Руси у всякого княжьего двора и как впоследствии было почти у всякого сколько-нибудь зажиточного вотчинникова двора. Вблизи двора, в разных местах, находились службы и дома дворовых людей, также со службами. Вот первоначальная Москва, основной камень ее распространения и устройства. Условия нашего древнего общества, особенно при владычестве татар, были таковы, что без стены или какого-либо тына – острога – вокруг подобной усадьбы спокойно и безопасно жить было нельзя. Страшны были не только иноплеменные, но еще больше – свои, одноплеменные, враги.

А. Васнецов. Основание Москвы.

Постройки первых стен Кремля Юрием Долгоруким в 1156 г. 1917 г.

Известно, что в Древней Руси даже каждый монастырь был обнесен хотя бы деревянной стеной. Сначала, без сомнения, и Москва была обнесена тыном. Но уже в 1156 г. вел кн. Юрий Долгорукий закладывает Москву – град на устье реки Неглинной, выше реки Яузы. Град, город в древнем смысле, означает стены, следовательно, первые московские городские стены были построены в 1156 г. Первый значительно разбогатевший московский вотчинник, Иван Данилович Калита¹², рубит на месте погоревшей новую дубовую стену города (1339), остатки которой, толстые дубовые бревна, при последних перестройках кремлевских зданий были найдены в земле со стороны Неглинной. Внук Калиты, еще более разбогатевший и усилившийся, закладывает стену из белого камня (1367). Но богатство, сила и хозяйство растут, ширится, привлекает население. У стены возникают торговые и ремесленные слободы, возникает целый посад на берегу реки, пониже княжеского двора, ибо торговая дорога идет снизу судоходством по реке. Между тем через сто лет каменные стены уже обветшали, и сама черта города для раздобревшей жизни стала тесноватой. Великий князь Иван Васильевич строит новый город, т. е. собственно стены, и строит не на прежней основе, а с прибавкой, т. е. расширяет место и, сверх того, укрепляет город бойницами, стрельницами, тайниками, башнями. Такие постройки очень ясно выразили, что сила московского вотчинника стала не только крепкой, но и грозной. Он и сам называется уже Грозным.

Вообще, история Москвы как города потому и любопытна, что она, так сказать, по пятам идет за развитием московского государства, с его зарождения как частного, особого, собинного княжеского хозяйства и до его окончательного расширения на всю землю, когда это хозяйство-государство приобретает уже общее земское, политическое значение, становится формой политического быта народа.

А. Васнецов. Старая Москва. У стен деревянного города. 1904 г.

По мере распространения земского значения Москвы, само собой разумеется, она все более и более тянет к себе и земские общие элементы жизни: торговлю, промышленность, всякого рода службу. Посады и слободы растут; слободы образуют в разных местах новые особые малые посады, так что старый посад, в отличие от новых, именуется уже Великим посадом и в 1535—1538 гг. обносится также каменными стенами с названием Китай-город, который назывался также Красной стеной. Приобретаемая крепость и стойкость самодержавных идей постоянно влечет за собою и материальную крепость города, гнезда этих идей. В XVI веке Москва делается в действительности сердцем почти всего северо-востока Европы, все к ней притягивается, как к жизненному центру. Население возрастает, можно сказать, не по дням, а по часам, чему в значительной степени способствует и ненавистная всей земле московская волокита и проесть¹³, приказное, подклетное¹⁴, т. е. чисто вотчинное управление землей, которое немилосердно волочит людей к этому центру, заставляя их ходить — волочиться за своими делами — целые месяцы и годы.

Около стен Кремля и Китая скоро образуется новый большой посад со сплошным населением. Сначала он укрепляется земляным валом и называется Земляным городом, а в 1586—1593 гг. обносится также белокаменными стенами и называется *Белым Царевым городом*; «царевым», может быть, потому, что в этих стенах население состояло по преимуществу из служилого и дворового сословий; или же потому, что здесь жило население свободное, собственно государево, в отличие от загородного, среди которого были целые деревни и слободы крепостные, принадлежавшие боярам и духовенству. В то же время и вокруг Царева города устраиваются сплошные посады из упомянутых деревень и новых слобод. Для защиты и безопасности этих посадов и особенно в страхе от нового нашествия крымского хана в 1591

—1592 гг. срублены деревянные стены с башнями и весьма красивыми воротами, стоившие, по словам Маскевича¹⁵, многих трудов и времени.

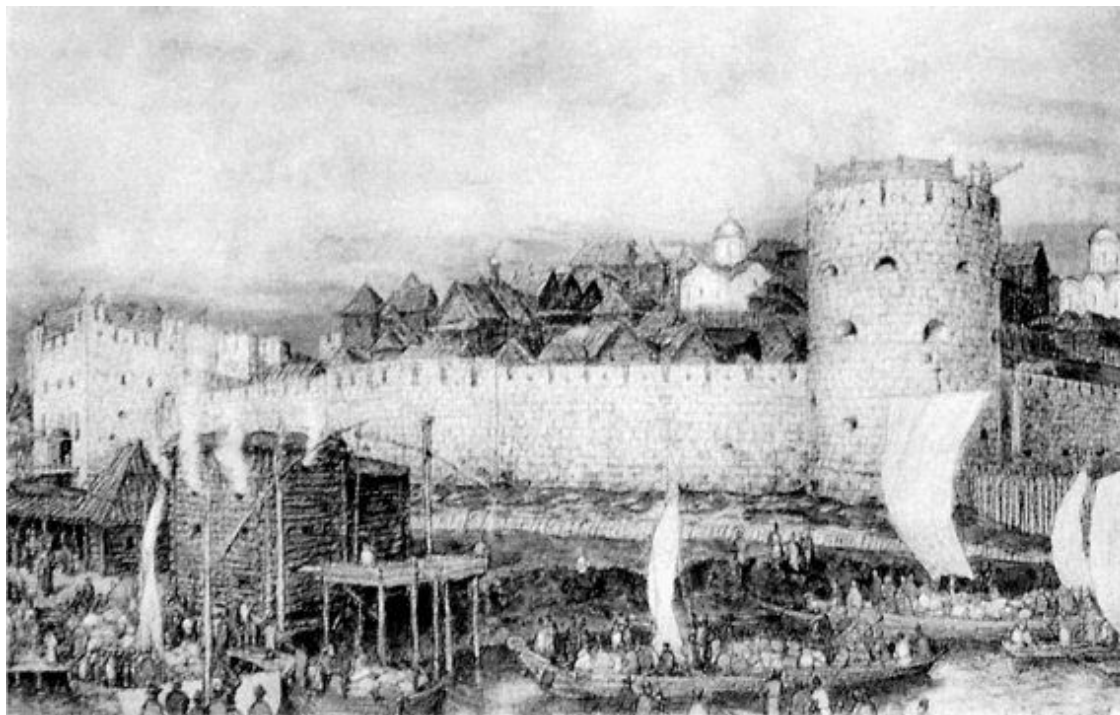

А. Васнецов. Основание Москвы. Постройки первых стен Кремля в XII в. 1903 г.

Все пространство, которое было обнесено такими стенами, называлось Скородомом, может быть, по мелкости здешних домов, собственно изб, и скорости, с какой они ставились после пожаров и других опустошений, ибо такие избы продавались всегда готовые, срубам, в лесных рядах. Вероятно также, что настоящее прозвание Скородома могло быть Скородум, в значении «стен, скоро выстроенных (вокруг всего города в один год) или скоро задуманных к постройке», как это и случилось по поводу нашествия в 1591 г. крымского хана. На некоторых иностранных планах Москвы XVII ст. он прямо и обозначается: Skorodum. В Московскую Разруху, во время *междоусобицы*¹⁶, стены Скородома сгорели. Вместо них царь Михаил в 1637—1640-х гг. насыпал высокий земляной вал, отчего Скородом стал называться уже Земляным городом и даже Земляным валом и сохранил это название до сих пор.

Несмотря, однако ж, на такое быстрое расширение города, особенно в течение XVI ст., он нисколько не изменял своему первоначальному, чисто вотчинному типу. Он все-таки оставался большой усадьбой великого господаря-вотчинника, так что и само его расширение обуславливалось расширением потребностей и нужд этой усадьбы. Целые слободы и улицы существовали как домовные дворовые службы, удовлетворявшие только этим потребностям. Из таких слобод и улиц состояла почти вся западная часть города, именно та часть, которую отделял для своей опричнины царь Иван Васильевич,— все улицы от Москвы-реки до Никитской. Здесь возле реки находилось Остожье с обширными лугами под Новодевичьим монастырем, где паслись табуны государевых лошадей и на Остоженном дворе (улица Остоженка) заготавливалось в стогах сено на зиму. Здесь же, в Земляном городе, были запасные конюшни и слобода Конюшенная с населением конюшенных служителей (улица Ста-

роконюшенная), а в Белом городе – аргамачьи конюшни и Колымажный двор (подле Каменного моста).

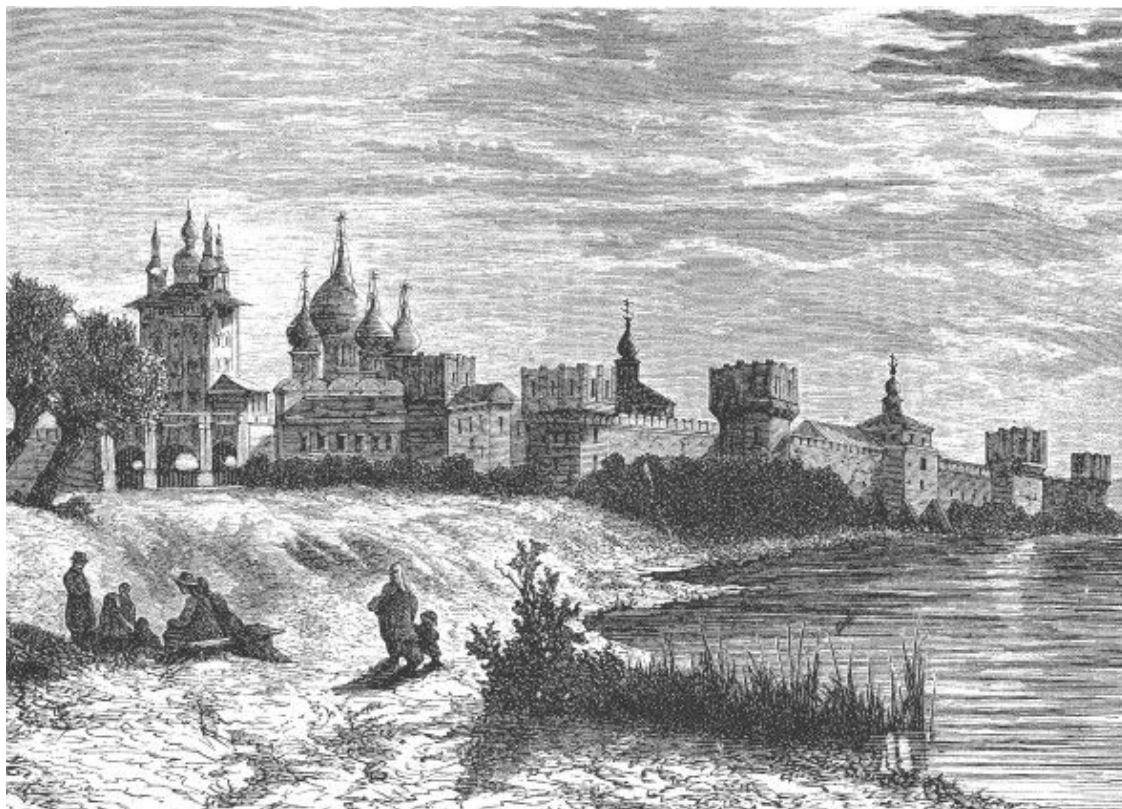

А. Васнецов. Московский Кремль при Дмитрии Донском

У Дорогомилова перевоза, впоследствии моста, на берегу реки находился государев дровяной двор, готовивший запасы дров (церковь Николы-на-Щепах). Под Новинским стояла слобода кречетников, сокольников и других государевых охотников (церковь Иоанна Предтечи в Кречетниках). Пресненские пруды издавна служили садками для царской рыбы. За ними, на Новом Ваганькове, стоял потешный псаренный двор, перенесенный сюда со Старого Ваганькова, находившегося подле Кремля, недалеко от Боровицких ворот. Улица Поварская с переулками Столовым, Хлебным, Скертным и т. п. была населена приспешниками и служителями царского стола. Улица Никитская, или Царицына, с Кисловскими переулками (прежде слобода Кисловка) была населена *чином*, или штатом служителей и служительниц царицы: постельницами, мастерицами (швеями), боярскими детьми и т. д. Огромная и самая богатая из старинных московских слобод Кадашево (церковь Воскресения в Кадашах, напротив Кремля, за рекой) потому и богатела, что занималась, с большими льготами, только *хамовным делом* – изготовлением для царского обихода так называемой «белой казны», т. е. полотен, скатертей и т. п. Тем же занималась и слобода хамовников (церковь Николы в Хамовниках).

Напротив Кремля и Китая, на той стороне реки, поселены были садовники, выращивающие для царского обихода всякие овощи; а на этой стороне, где теперь Воспитательный Дом, находился Васильевский дворцовый сад. Воронцово (церковь Ильи Пророка на Воронцовом поле) издревле было загородной государевой дачей. Повторим снова, что жизненным центром Москвы был государев вотчинников двор, обстроенный деревнями, слободами и посадами, столько же на удовлетворение его собственных нужд и потребностей, сколько вследствие сосредоточения возле этого двора всякой власти и, стало быть, сосредоточения потребностей и нужд народа. Сам план Москвы (похожий, вообще, на паутину), расположение ее улиц и переулков, из которых первые, как радиусы, бегут к центру – Кремлю, а другие

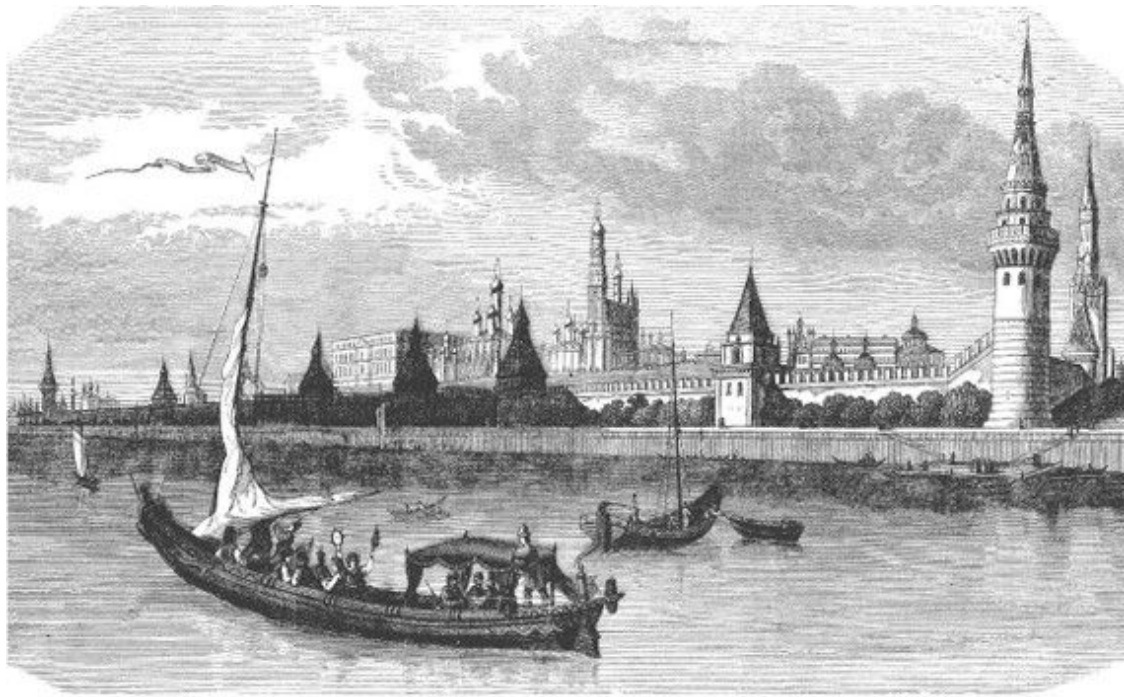
постоянно огибают этот центр, может наглядно свидетельствовать, куда тянула жизнь и что управляло даже общим расположением городских построек.

Москва. Новодевичий монастырь

Двор московского князя-вотчинника первоначально был построен на высокой крутой горе, при впадении в Москву-реку речки Неглинной. Крутой угол этой горы, спускавшийся к Неглинной, теперь не существует: его несколько раз сравнивали и срывали и в последнее время привели в теперешний довольно отлогий вид; в первые годы XIX ст. еще трудно было и въезжать, и всходить на эту гору, а в прежнее время, без сомнения, она была с этой стороны еще круче. С горы открывался обширный и живописный вид на Заречье, один из тех, которыми так богаты вообще берега рек Московской области, и в особенности берега Москвы-реки.

В то время как князья стали здесь строиться, гора была покрыта боровым лесом, чему свидетелями служат остающиеся до сих пор названия Боровицких ворот и дворцовой церкви Спаса-на-Бору. Здесь же, напротив ворот, стояла другая церковь, Рождества Иоанна Предтечи на Бору, сломанная при постройке нового дворца, о которой летописец рассказывает, что она в том бору была и срублена, и была первой древнейшей церковью Москвы и первым ее соборным храмом при Петре-митрополите, который вначале и жил возле нее. Есть также свидетельство, что это место было заселено еще в глубокой древности.

Московский Кремль в XVI в.

При постройке здания теперешней Оружейной палаты, примыкающего к Боровицким воротам, были найдены на материке два серебряных витых обруча (гривны) и две серьги, принадлежащие еще языческой эпохе и весьма сходные с подобными же вещами, находясь в курганах Московской области. Древнеславянские городища и городки устраивались именно на таких горах, при слиянии двух рек, с отлогим исходом с восточной стороны, таким же, как и на этой Кремлевской горе.

Если церковь Иоанна Предтечи была первой в древнем городке Москвы, то и первый княжий дворец нужно искать возле этой же церкви, и притом с западной ее стороны, так что его местоположение еще ближе к Боровицким воротам и к острому углу бывшего здесь некогда берегового острога, или косогора. Позже, в XIII веке, когда население увеличилось и княжеский двор по тесноте места должен был отодвинуться дальше к востоку, он устроился на месте нынешнего Большого дворца пред новой церковью Благовещения на княжих Сениях. По легендам, постройка этой церкви относится к 1291 г.

Как бы ни было, но первое, древнейшее, заселение Кремля сосредоточивалось у Боровицких ворот, на бору, или в бору, на высоком остроге речки Неглинной и Москвы-реки.

Русские князья, прокладывая свой путь в эту лесную землю, без сомнения, становились там, где уже было жилье. Москва лежала на одном из таких путей и, по-видимому, самом главном, так что при проезде с юга в Суздальскую землю миновать ее было нельзя. По всей вероятности, с первых же княжеских походов в эту землю Москва сделалась их становищем, может быть, очень любимым за красоту места, а также за хорошую охоту. По крайней мере, первое летописное известие о ней есть в то же время известие о пире, об «обеде сильном», которым в 1117 г. угощал князь Суздальский Юрий Владимирович Долгорукий князя Северского Святослава, ходившего тогда завоевывать Смоленскую область по реке Протве. Выбор места для «сильного обеда» указывает, что Москва и в то время уже представляла необходимые усадебные удобства для княжеского пиროвания. При этом должно заметить, что дело было раннею весной, 5 апреля, в Похвальную субботу¹⁷, следовательно, пир не мог происходить в шатрах, как часто случалось у князей в летнюю пору, и, без сомнения, происходил

в избах и клетях на княжьем становом дворе. Таким образом, заселение князьями Москвы мы можем отнести ко времени их первых походов и путей в Суздальскую землю.

К сожалению, о древнейшем московском княжьем дворе почти нет никаких известий ни в летописях, ни в современных им актах. В первое время своей жизни, до половины XIV века, Москва не имела собственных летописцев: все ее события этого времени записаны летописцами других городов, например, новгородскими, суздальскими и др., которые вносили в свои сборники известия о Москве большею частью случайно, мимоходом, нисколько не касаясь частных, домашних дел этой небольшой великокняжеской вотчины, еще мало обращавшей на себя внимание. Притом и все более или менее значительные события того времени сосредоточивались преимущественно около Владимира, Новгорода, Рязани и других сильнейших городов; Москва же оставалась в глуши своих лесов малозаметной деревенькой; поэтому не только о княжьем московском дворе, но даже и о самом городе мы не встречаем в летописях XIII и XIV ст. никаких особенных подробностей. Впрочем, это обстоятельство едва ли может затруднять нас: общее понятие о древнейшем дворе московских великих князей мы можем составить себе из летописных известий XI и XII столетий, где княжий двор, нося общие черты на севере и на юге, изображается с достаточными подробностями, по крайней мере, в отношении своих частей. Мы знаем, например, что еще при Ольге в Киеве, кроме княжьего двора в городе, был еще загородный теремный двор над горой, называвшийся так от каменного терема: «бе бо ту терем камен». На этом-то дворе, по свидетельству Нестора, совершилось мщение Ольги над древлянами за смерть Игоря; здесь погибли лучшие мужи древлян «в яме великой и глубокой», нарочно для этого выкопанной. Может быть, здесь же была и та *истопка*, мовница, баня, в которой другие мужи древлянские, по замыслу Ольги, «творили мовь», т. е. парились, по древнему русскому обычаю, и потом были сожжены. На этом же теремном дворе при Владимире погиб и брат его Ярополк. В 980 г. Владимир, еще язычник, поставил на том же холме, вне этого *отняго* теремного двора, кумиры своих богов: Перуна, Хорса, Дажбога, Стрибога и пр. После крещения при княжих дворах ставились уже божницы, православные храмы.

Впрочем, этот каменный терем, упоминаемый почти на первых страницах нашей древнейшей летописи, был, конечно, большою редкостью в то время, потому что все тогдашние постройки были по преимуществу деревянные; но, как имя, этот терем дает понятие, что и в то время, в первой половине десятого века, состав княжьего двора был такой же, какой существовал и в позднейшее время. Терем составлял только увенчание здания, верхний ярус хором, как общим именем прозывались остальные ярусы и вся совокупность строений.

Нет сомнения, что основой и первообразом древнейшего русского жилища была клеть — связь бревен на четыре угла, строение, уцелевшее в своей первобытной простоте и до наших дней. В таких клетях летом жил и св. Владимир в своем любимом селе Берестове, где в тех клетях и скончался.

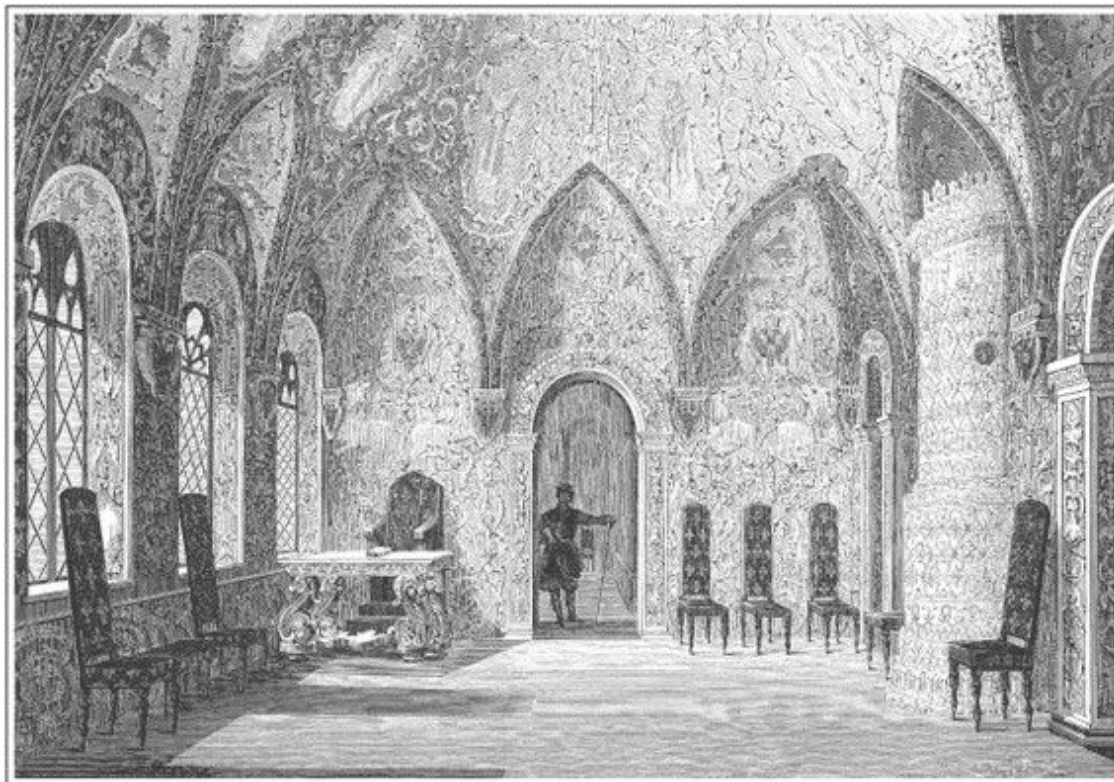
Клеть зимняя, приспособленная для тепла, отапливаемая посредством печи, в отличие от холодной клетки, именовалась *истьбою*, также *истопкою*, что и заставляет предполагать, что из этой истопки образовалось и самое слово «изба», от глагола *топить*, *истопить*; по крайней мере, такой смысл этого слова держится в показаниях наших летописей, и южных, и северных, в которых, при описании событий XI и XII ст., находим: истопку, истопьку, истобьку, истбу, истьбу, истебу, избу теплу.

Деревянный дворец в селе Коломенском в 1640 г.

Как бы ни было, но уже в историческое время в русском языке «изба», «истопка» понимается как «клеть, отапливаемая печью», в отличие от простой, холодной клети. Это была постройка, повсеместно распространенная в нашей более или менее лесной равнине, от Новгорода до Киева, составлявшая коренную типичную форму русского жилища как в простонародном крестьянском быту, так точно и в княжеском, а потом до конца XVII ст. и в царском. Истопка, истьба, изба постоянно упоминается в летописях, когда речь идет о жилищах княжьего двора. В составе княжьего двора упоминается также горенка (1152), обозначающая *горний*. – то есть верхний ярус постройки, и вновь свидетельствующая, что древний состав двора неизменно сохранялся и в позднем его устройстве. Но от других, боярских и вообще богатых дворов, княжий двор отличался тем, что в его составе всегда находилась обширная клеть, носившая в то время именование *гريدницы* (в песнях – *гريدня*), от имени *гريدь*, *гريدьба*, как назывался особый отряд княжеской дружины, главным образом в Новгороде. В областном языке *гريدнею* называется и простая изба..

В *гريدнице* Владимир давал по воскресеньям пиры боярам, *гридем*, сотским, десятским и «нарочитым мужам», следовательно, она служила приемной и была самым обширным покоем княжеского дворца. В «Слове о полку Игореве» упоминается о *Святославли гريدнице* в Киеве; в древних песнях *гريدница* носит эпитет «светлая», и в ней обыкновенно стоят столы дубовые. В позднейшее время ей соответствовала, по своему значению, *повалуша*, *Столовая изба*, также *горница*, а по способу постройки – светлица. Другие клети получали свои имена соответственно их назначению в княжеском обиходе: так, были *ложница* или *одрина* – спальня, от слова «одр» – постель. *Божницей* назывался домовый храм князей, в котором они слушали церковные службы, почти всегда на полотах, то есть на хорах, соединявшихся с княжеским дворцом переходами. «Володимир (Галицкий в 1152 г.) пойде к божнице к Святому Спасу на вечернюю и яко же бы на переходах до божницы, и ту виде Петра (посла Изяславова) едуща, и поругася ему: поеха мужь Руский, обьимава вся волости, – и то рек иде на полати (на хоры)». Впоследствии местоположение княжеских домовых церквей обозначается большею частью выражением: *что на сенях*.

Кремлевская палата. XVI в.

Общая характерная черта в устройстве древнего княжьего двора, как и всех других богатых и зажиточных дворов того времени, заключалась в том, что хоромины, избы, клетки ставились, хотя и по две, по три вместе, но всегда отдельными группами, отчего и вся совокупность разных построек во дворе именовалась собирательно хоромами. Княжеский дворец не составлял одного большого целого здания, собственно дома, как теперь, но дробился на несколько отдельных особняков. Почти каждый член княжеской семьи имел особое помещение, отдельное от других строений. Для необходимого соединения таких отдельных помещений служили сени и переходы. Сени составляли вообще крытое, более или менее обширное пространство между отдельными клетями, избами, горницами, как в верхнем, так и в нижнем ярусах всех построек.

Из всех мест летописи, где упоминается о сенях, видно, что они были в верхнем ярусе, где, следовательно, находились и все покои, в которых жили князья. Так как сени представляли важное и притом неизбежное условие в расположении хором, то и самый дворец княжеский в древнейшее время именовался вообще сенями, сенницею.

«Сижь (людьє в 1067 г.) придоша на княж двор. Изяславу же сядящу на сенех с дружиною своею... князю же из оконця зрящю и дружине стоящи у князя.... (в 1095 г.) Итларєви в ту ноцъ лежащю у Ратибора на дворе с дружиною своею – на сенници...– И седишим всей братьи у Всеволода на сенех, ирече им Всеволод... – В то же время Борис пьѣшет в Бѣлогороде, на сеньници, с дружиною своею и с попы с Бѣлогородьскими.. – Петр же поеха в град и приеха на княж двор, и ту снидоша противу ему с сеной слугы княжи вси в черних мятлих... и яже взиде на сени, и види Ярослава, сядяща на отни м.есте в черни мятли и в клобуце, такоже и вси мужи его, и поставища Петрови столец, и сяде...»

В этом же значении должно принимать и выражение: *у государя на снях*, весьма употребительное в XVI и XVII столетиях.

Мы упоминали уже, что князья, как потом и цари, занимали всегда верхние ярусы дворца, который от этого в XVI и XVII ст. назывался вообще *Верхом*; выражение: *у государя в Верху* – значило то же, что «во дворце». В нижних этажах древних княжеских хором, под клетями, находились *порубы*. В позднейших редакциях летописей «поруб» заменяется словом «подклет». В этих-то подклетах и вообще в нижних этажах жили княжьи слуги, отроки, дети и все лица, составлявшие княжий двор и называвшиеся поэтому дворянами. К хозяйственным постройкам княжьего двора принадлежали погреб, медуша – погреб с вытопленным из сот медом; бретьяница – погреб с бортевым медом¹⁸; скотница – кладовая со всякою казною.

Некоторые из древнейших княжих дворов, по своей красоте, а может быть, по красивому местоположению, назывались красными, а двор великого князя Юрия Долгорукого в Киеве за Днепром даже именовался раем. В отношении наружного вида дворцов мы имеем свидетельство «Слова о полку Игореве», где упоминается о златоверхом тереме великого князя Киевского Святослава.

Вот те краткие известия о древнейшем княжьем дворе, которые находим в летописных свидетельствах X, XI и XII столетий. Несмотря, однако ж, на эту краткость и отрывочность первоначальных указаний о княжьем доможителе, мы видим, что древнейший княжеский быт в этом отношении очень мало изменился и в последующие века, а что еще важнее, он был одинаковым и на севере, и на юге, ибо на севере жил тот же княжеский род, который в те времена переходил туда с юга, перенося с собою все условия, потребности и порядки своей жизни. Без всякого сомнения, дворец первых московских князей содержал в себе много сходного со всеми другими княжескими дворцами того времени: по крайней мере, в состав его входили те же самые части, какие указаны нами выше. Это вполне подтверждают известия последующих столетий. Златоверхий Набережный терем и Набережные сени (в смысле целого дворца) Дмитрия Донского, указывая на местоположение великокняжеских хором в Москве, объясняют вместе с тем и их сходство с древнейшими постройками того же рода. «Повесть о Мамаевом побоище» рассказывает между прочим, что весть о приближении Мамаевых сил застала великого князя за пиром в Набережных теремах: пил он чашу за брата своего, Владимира Андреевича¹⁹. Далее, когда московская рать двинулась с князем в поход, повесть описывает плач его супруги: «Княгиня ж великая Евдокия вниде в златоверхий терем в набережный, в свои сени, и сяде под стекольчатым окном на одре... слезы проливающе...» По другим спискам: «...сяде под южными окны... вниде в набережные сени и сядоша о рундуце (стул) под стеклянним оконцем...»²⁰.

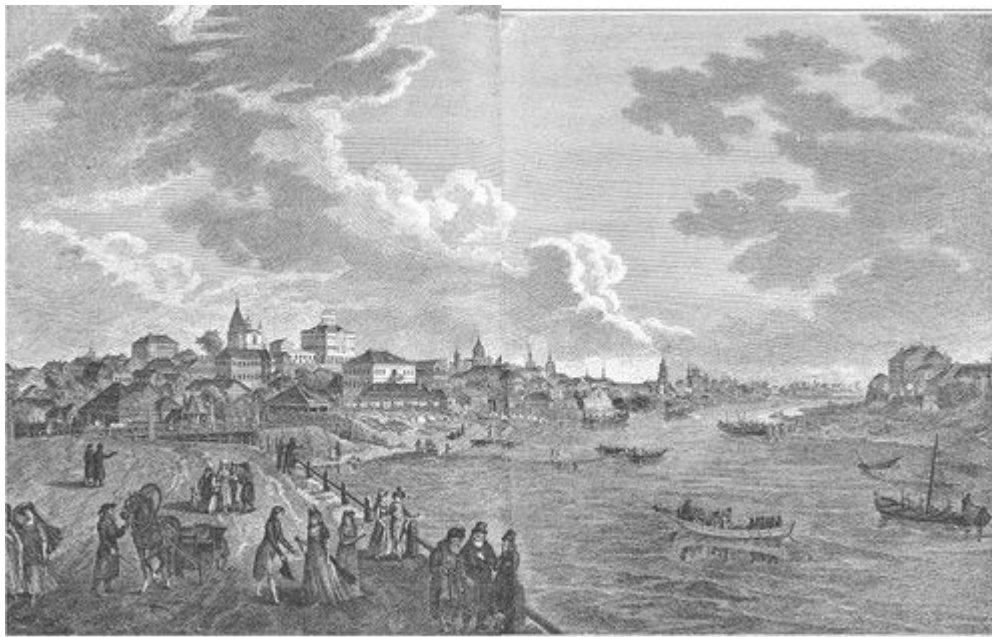

Москва. Крестовая палата в Кремлевском дворце

Несмотря на то что сказание о побоище и, следовательно, эти известия о княжьем дворце относятся к более позднему времени, все-таки они дороги нам как свидетельства, обозначающие хотя бы одною общей чертой сходство московского княжьего двора с древними. Этот Набережный терем находился возле самой церкви Благовещения, которая была первым домовым храмом московских князей. По красоте местоположения и московский княжьи двор мог также называться раем. А то, что он действительно был построен обширно и с великолепием, которое соответствовало вкусам времени и богатству сильнейшего русского князя, свидетельствуют чудные часы, может быть, единственные в то время во всей Русской земле, которые были поставлены в этом дворце в 1404 г. Летописец только потому и сохранил известие о них, что они, отличаясь от обыкновенных предметов, очень удивляли современников. Он описывает их следующим образом «Князь великий (Василий Дмитриевич²¹) замысли *часник* и постави (его) на своем дворе за церковью, за Св. Благовещением. Сии же *часник* наречется *часомерье*; на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и разсчитая часы ночные и дневные; не 60 человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно некако; створено есть человеческою хитростию, призмечтано и преухищрено»²². Другой летописец добавляет, что часы были «чудны велми и с луною...» или с лунным течением, как выражались о подобных часах позднее. Мастером и художником этих знаменитых часов был чернец Лазарь, родом серб, пришедший в Москву с Афонской Горы²³. Часы стоили более полутора ста рублей на тогдашние деньги, сумма по тому времени весьма значительная.

Необходимо упомянуть, что Василий Дмитриевич примерно в то же время выстроил и каменную церковь Благовещения, вероятно, на месте прежней деревянной, постройка которой приписывается великому князю Андрею Александровичу²⁴ в 1291 г. Очень не мудрено,

что вместе с этими сооружениями церкви и часов великий князь вообще обновил свой дворец, украсив его, может быть, новыми зданиями, по обычаю, деревянными, о чем летописец не говорит ни слова по той причине, что подобные перестройки, как дело весьма обыкновенное в княжеском быту, не заслуживали упоминания.

Вид Яузского моста в Москве в конце XVIII в.

С гравюры Делаберта 1797 г.

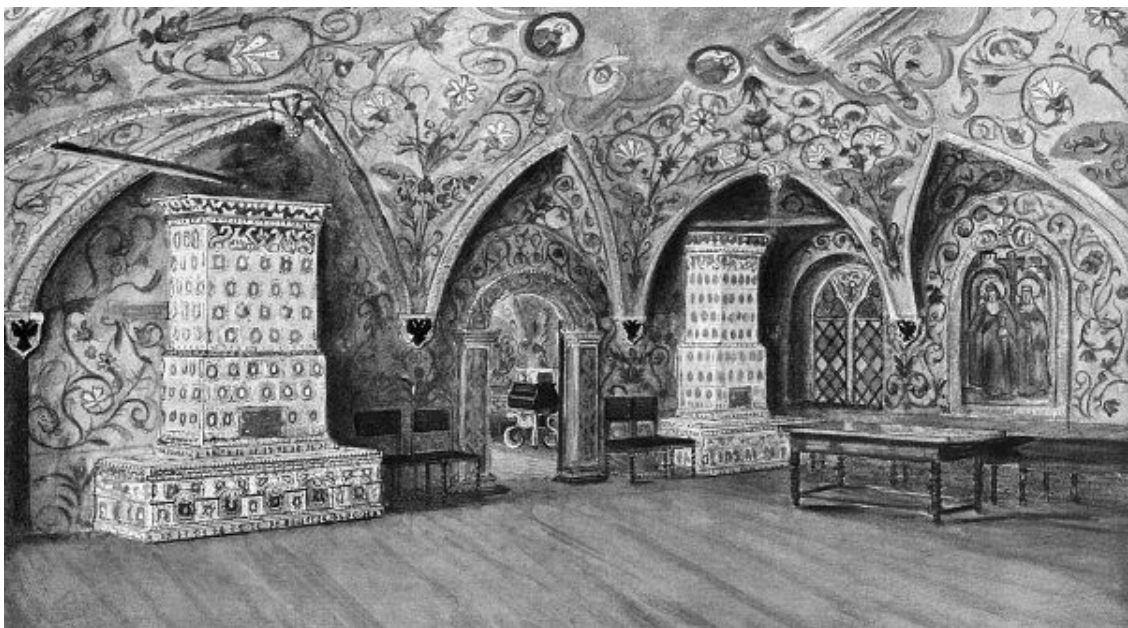
Летописи конца XV века и современные им записки упоминают, к случаю, среднюю горницу, в которой великий князь Иван Васильевич, в 1479 г., по случаю торжественного освящения нового Успенского собора и перенесения в этот собор мощей московских чудотворцев, угощал митрополита и духовные власти. Упоминают еще набережную горницу великого князя (1488), набережный сенник, а также среднюю повалушу великой княгини Софьи Фоминичны²⁵, где представлялся ей посол цесарский Юрий Делатор, в 1490 г., и столовую гридню и повалушу великого князя, записанные летописцем по случаю заключения в 1492 г. несчастного угличского князя Андрея Васильевича²⁶. Здесь одна только повалуша не упоминается более ранними летописцами, что, однако ж, не позволяет заключать, что повалуши не было в наших древнейших постройках, что ее не было и на княжих дворах. В других памятниках старинной письменности, относящихся даже к XII в., упоминается и повалуша, и вдобавок с обозначением, что она бывала расписываема, т. е. украшаема живописью.

«Ты, — обращается одно учительное слово к богатому, — жсивя в дому, повалуши исписав, а убогий не знает, где главы подклонити!»²⁷

Ни один летописец не оставил нам подробного описания древнего русского жилища, которое по типичности своей могло бы заменить нам полнейший свод всех известий об этом; летописцы не знали, что нам будет это любопытно, и нисколько не занимались современным им домашним бытом по той единственной причине, что этот быт был так им близок, так всем известен, что его не стоило и описывать. Но, несмотря на то что летописцы оставили нам весьма мало подробностей о нашем старинном домостроительстве, мы можем безошибочно пополнить их краткие указания известиями позднейшего времени. Это тем более возможно, что народный быт Древней Руси, особенно в отношении образа жизни, нелегко под-

давался посторонним влияниям, нелегко изменялся и даже до настоящего времени сохранил основные черты своего характера. Притом до Петра Великого все население Московского государства не различалось так резко ни в образе жизни, ни в обычаях; следовательно, и домоустройство всех сословий отличалось повсеместным однообразием, сходством, которое сохраняется даже теперь по великорусским деревням.

Мы уже сказали, что первообразом древнего русского жилища была клеть, из которой потом образовалась изба, до сих пор почти единственное жилище нашего крестьянина. Изба и клеть составляли, так сказать, основу его двора. Обыкновенно изба была поземная и черная, то есть курная, срубленная прямо на *пошве* или на *ж>дза.валъе*²⁸, с волоковыми окнами, от 6 до 8 вершков длины и 4 вершков ширины²⁹, которые располагались почти под потолком, для пропуска в них дыма, и походили более на щели, нежели на окна. Волоковыми они называются потому, что их не затворяли, а задвигали, или заволакивали, особой крышкой или доской. У некоторых изб были дымницы, или дымники, вероятно, деревянные трубы, какие нередко встречаются и теперь; впрочем, эти дымницы составляли, кажется, принадлежность белых изб, о которых мы еще будем говорить. Напротив избы у семейных и зажиточных людей ставилась клеть – летний холодный покой, также с волоковыми окнами. Место под общею кровлей, между клетью и избой, называлось сенями. Под клетью, которая в иных местах называлась повалушею и даже горницею, почти всегда был глухой подклет, называвшийся нередко мшаником, в котором помещался домашний скот или кладовая.

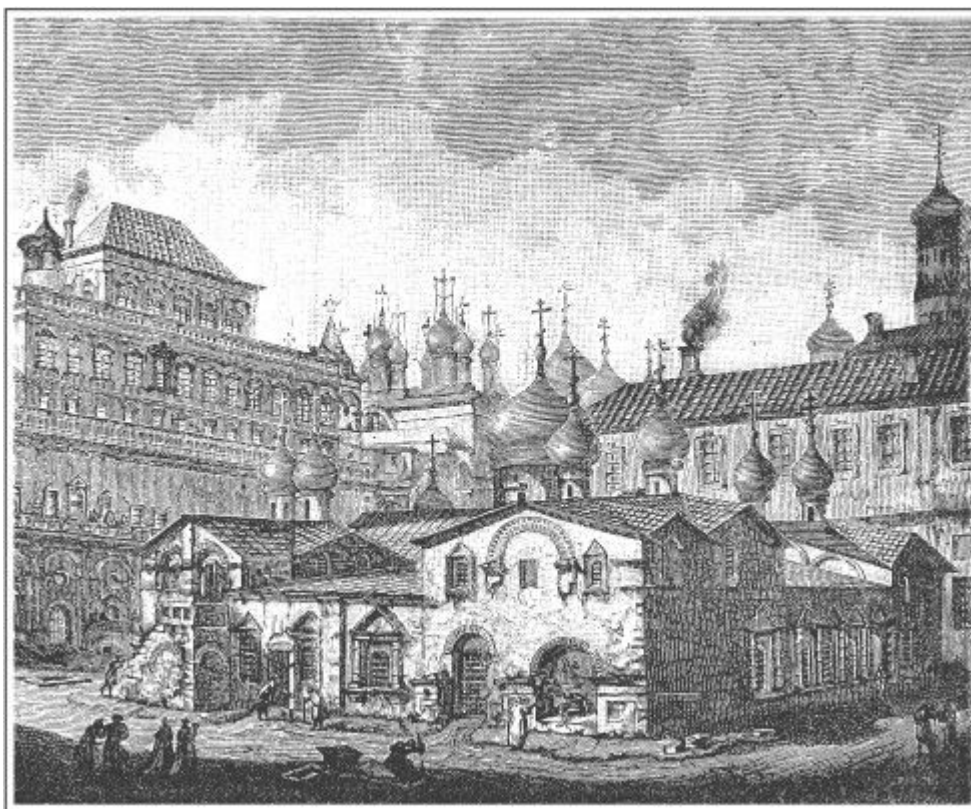

Терем в Москве

Поэтому клеть в отношении к избе стояла всегда выше, отчего, вероятно, и носила название горницы. Вот жилище простолюдина. Мы берем только главные черты, не упоминая о разных подробностях крестьянской избы и клетки, о принадлежностях крестьянского двора, собственно о *дворище*, как в древнее время называлась вся совокупность таких принадлежностей, вообще о дворовом и огородном строении, потому что все это с незапамятных времен и донныне существует почти без изменений.

У людей других сословий, у богатых гостей, дворян и, наконец, у бояр, постройка и расположение хором изменялись по мере потребностей, какие составляла жизнь каждого лица, хотя в главных чертах она и сохраняла первобытный тип избы и клетки простолюдина. Вместо черной, поземной избы, здесь ставилась изба белая, также поземная, но с той только

разницей, что дым из нее проходил в трубу, дымницу, а не в дверь и не в волоковые дымовые окна, как бывает в избе курной. Впрочем, большей частью такая изба строилась на подклете, почему и называлась горницей, как верхний, горний покой в отношении к подклету; в этом случае она была всегда с красными³⁰, косячатыми окнами, при которых, однако ж, допускались и малые волоковые, располагаемые обыкновенно по сторонам красных, но чаще в боковых и задних стенах горницы. Сверх того, горница отличалась от избы печью, которая здесь была изразцовая, муравленая, круглая или четырехугольная, вроде голландской, совершенно отличная от избной, так называемой русской печи. Горница и сама изба разделялись нередко перегородками на несколько комнат. Нередко две-три или четыре клетки, или горницы, ставились вместе и назывались собирательно двойнями, тройнями, четвернями, смотря по количеству связанных таким образом клеток, вообще хоромами в собственном смысле, а каждая такая клеть отдельно – комнатой и горницей.

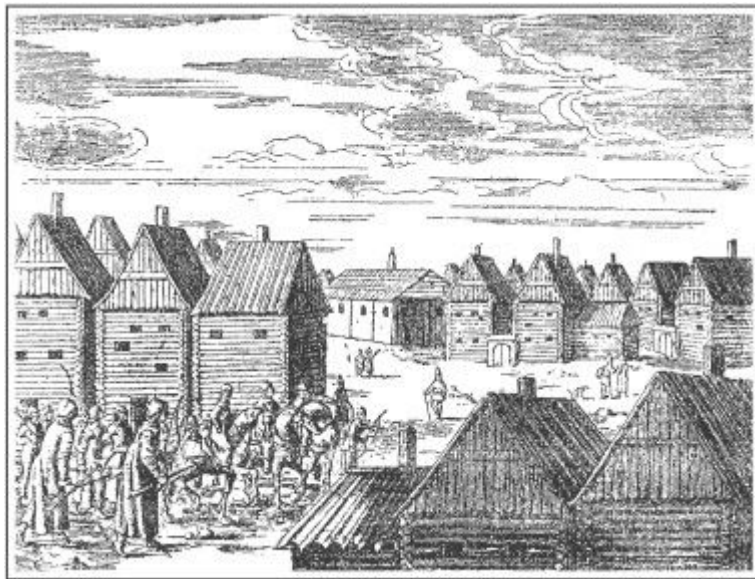

Терема в Москве

Что же касается подклетов, то это были нижние этажи древних хором; они носили разные наименования, смотря по своему назначению: в них помещались людские, кладовые или казенки, в которых хранилась казна, то есть имущество, и пр. В первом случае они были жилые с волоковыми окнами и с печами, во втором – глухие, т. е. нежилые, иногда без окон и даже без дверей, потому что ход в них бывал только с верхнего этажа.

В больших хорах обширные сени соединяли горницу или комнаты с повалушею, или повалышею, которая всегда ставилась отдельно от жилых хором, с передней их стороны, также на жилом или глухом подклете, в два или в три яруса. Это был обширный летний, т. е. холодный, покой, соответствовавший клетям в крестьянском дворе и служивший большей частью в качестве столовой или вообще приемной комнаты. В иных случаях повалыша служила также для сохранения разной домашней рухляди. В богатых и особенно в государевых хорах она соответствовала древней гридне, а впоследствии – столовой, т. е. парадной ком-

нате, в которой давались праздники и пиры, принимались гости. С этой, может быть, целью повалуша и ставилась дальше от жилого помещения, и всегда против передней комнаты, так что не имела сообщения с задними клетями.

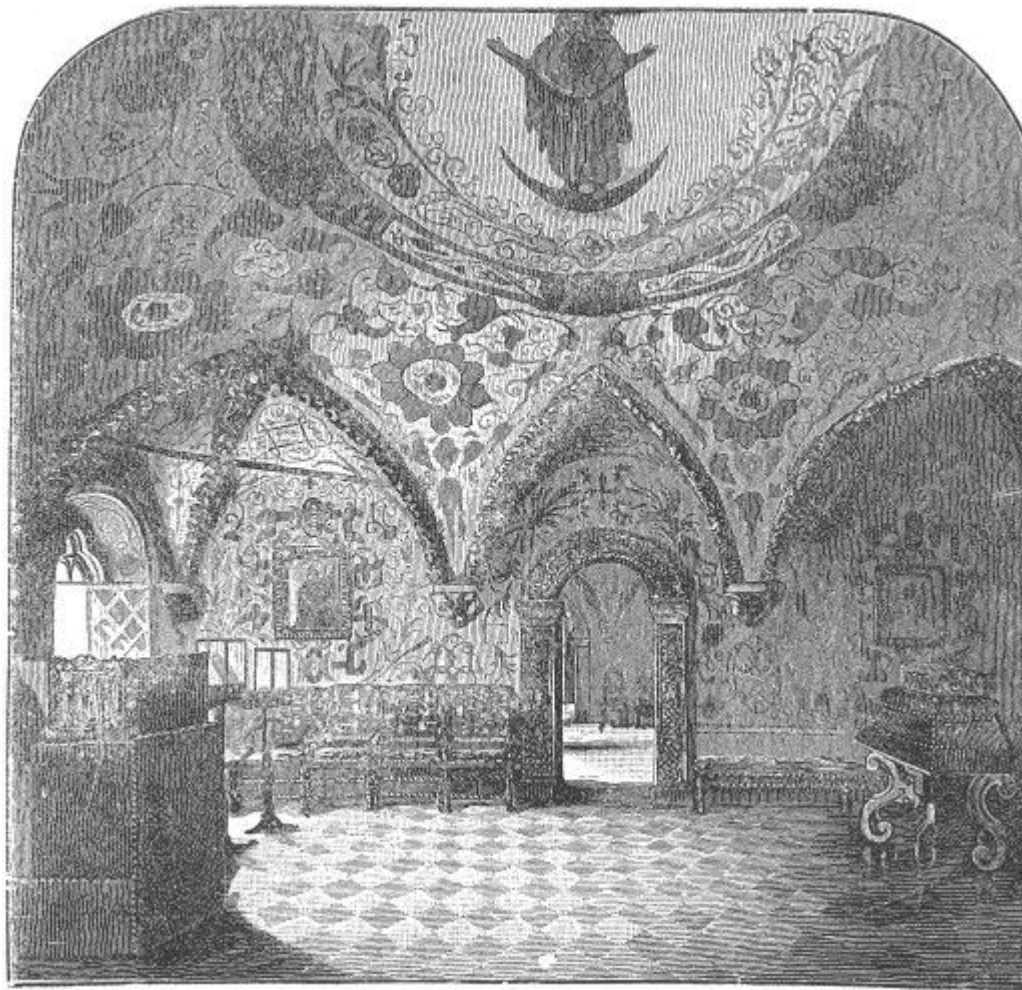
Московская улица в XVII в.

Кроме горницы и повалуши, в состав старинных хором входили еще светлица и сенник. Светлица – та же горница, с одними только красными косячатыми окнами, которых в ней было больше, чем в горнице, и которые, разумеется, давали больше света, чем окна горницы и всякого другого покоя. В светлице окна прорубались во всех четырех стенах или, по крайней мере, в трех, между тем как в горнице были красные окна только с лица (фронтон) или с двух сторон, если была угловая. Светлицы ставились по большей части только на женской половине и всегда служили рабочими комнатами для женских рукоделий, особенно для вышивания шелками, золотом и для белого шитья. Вообще, светлица была комнатой, назначаемой для работ разного рода и для всяких занятий. Сенник, от слова «сени», – также холодный покой, без печи, с немногими волоковыми окнами, служивший летом спальней; от теплых хором он отличался особенно тем, что на его дощатый или бревенчатый потолок, как и на потолок сеней, никогда не насыпалась земля, что было необходимо при устройстве теплого покоя. От этого сенник получал весьма важное значение во время свадьбы: в нем обычно устраивалась брачная постель; а древние обычаи не допускали, чтоб у новобрачных над головами была земля, как такой предмет, который, среди радостей жизни, во время «веселия», как называли свадьбу, мог дать повод к размышлению о смерти.

Сенником и сенницею назывался также и сарай для сена, сеновал. Мы упоминали уже о значении сеней в древних постройках; этим словом называли все части хором, расположенные пред входом в жилые и нежилые покои и соединявшие все отдельные хоромины, т. е. горницы, повалуши, клети, светлицы и т. д. В богатых и государевых постройках, на женской половине хором, сени приобретали значение теперешней залы и потому устраивались обширнее, чем в других частях хором. Здесь сени служили местом для девичьих веселостей и игр.

Сени, находившиеся вне общей кровли, непокрытые или покрытые одним навесом, назывались переходами и крыльцом, если при них была лестница со двора. В горницах и повалушах, преимущественно же в сенях, устраивались чуланы и каморки; в горницах они

служили спальнями, а в сенях – кладовыми. Где-нибудь позади к сеням прирубались *задцы* или *придельцы* для необходимого назначения. Над сенями иногда делался верх, или вышка, светелка, а внизу – подсенье. Верхний этаж древних хором составляли светлые чердаки, известные также под именем теремов и вышек.

Палата в старом Кремлевском дворце

Они устраивались под самой кровлей здания, были со всех сторон открыты, почему и пользовались обширным видом; к ним пристраивались иногда *смотрильни* – небольшие башенки, с которых смотрели на окрестность. Отличительной чертой теремов, или чердаков, были красные, нередко двойные, окна, прорубленные на все четыре стороны терема. В древних народных песнях терем носит эпитет высокого, каким он и был всегда. Около теремов, или чердаков, почти всегда устраивались *гульбища* парапеты или балконы, огороженные перилами или решетками.

Таким образом, наши древние хоромы состояли преимущественно из трех этажей: внизу подклеты, в среднем житье, или ярусе, – горницы, повалуши, светлицы;верху – чердаки, теремка, вышки.

В заключение этого обзора древних деревянных хором нужно упомянуть, что в больших хорах расположение частей не было подчинено никакому особенному, общепринятому плану: они ставились совершенно произвольно, в зависимости от удобства и различных требований, которые условливались значением строившего лица, многочисленностью

его семьи и т. д. Впрочем, как бы ни были обширны хоромы, они всегда сохраняли в своем составе общий тип клетки и избы с их подклетами.

А. Васнецов. На крестце в Китай-городе

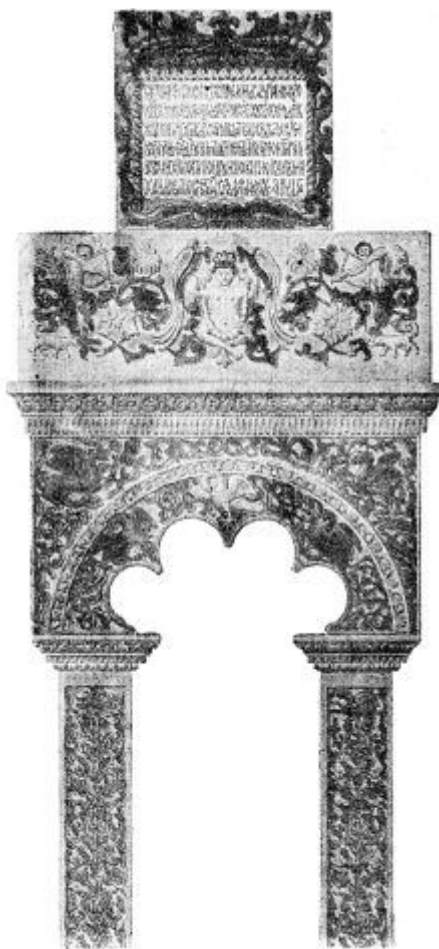
Напомним, что вся Великая Русь была по преимуществу «лесная земля», как ее постоянно называют южные князья, в которой, следовательно, лесной материал был дешевым и поэтому оставался надолго почти единственным строительным материалом. Это обстоятельство препятствовало распространению и улучшению кирпичного производства, нужда в котором была очень незначительна. Деревянные постройки ставились так скоро, были так удобны, соответствовали обычаям и потребностям времени и так были дешевы, что, несмотря на постоянные пожары, опустошавшие в несколько часов целые посады и даже большие города, кирпичное производство не приживалось до тех пор, пока не стал ощутимо дорожать лесной материал. Так, в конце XV века итальянский архитектор Аристотель Фиораванти, приглашенный строить в Москве Успенский собор, вместе с другими итальянскими мастерами начал учить русских делать качественный кирпич. Можно было ожидать, что с того времени кирпичное производство утвердится хотя бы в Москве, где необходимость в каменных зданиях стала с каждым годом увеличиваться. Однако в начале XVII ст. мы принуждены были опять вызвать кирпичного мастера из Голландии и снова учиться тому, чему были выучены почти полтора столетия назад. Так могущественны были не только старые обычаи, но и выгоды, доставляемые дешевизной обычного строительного материала, – дешевизной, неимоверным удобством и скоростью, с которыми строились деревянные здания. Само собою разумеется, что в таких обстоятельствах процветание плотничного дела было вполне обеспечено.

Из простого домашнего мастерства с первобытными приемами, которое так знакомо было почти каждому селянину, оно сделалось в некотором смысле художеством; созидало высокие и обширные церкви о тринадцати верхах, какой, например, была

София Новгородская еще в начале X века, в двадцать стен, какой была Успенская церковь в Устюге (1492), в двадцать пять углов, какой была церковь Св. Николы, «вельми превеликая и чудная во всей Псковской волости»; строило еще более обширные городские стены с башнями и воротами, весьма красивыми, и с тем же искусством выстраивало огромные дворцы и хоромы государевы.

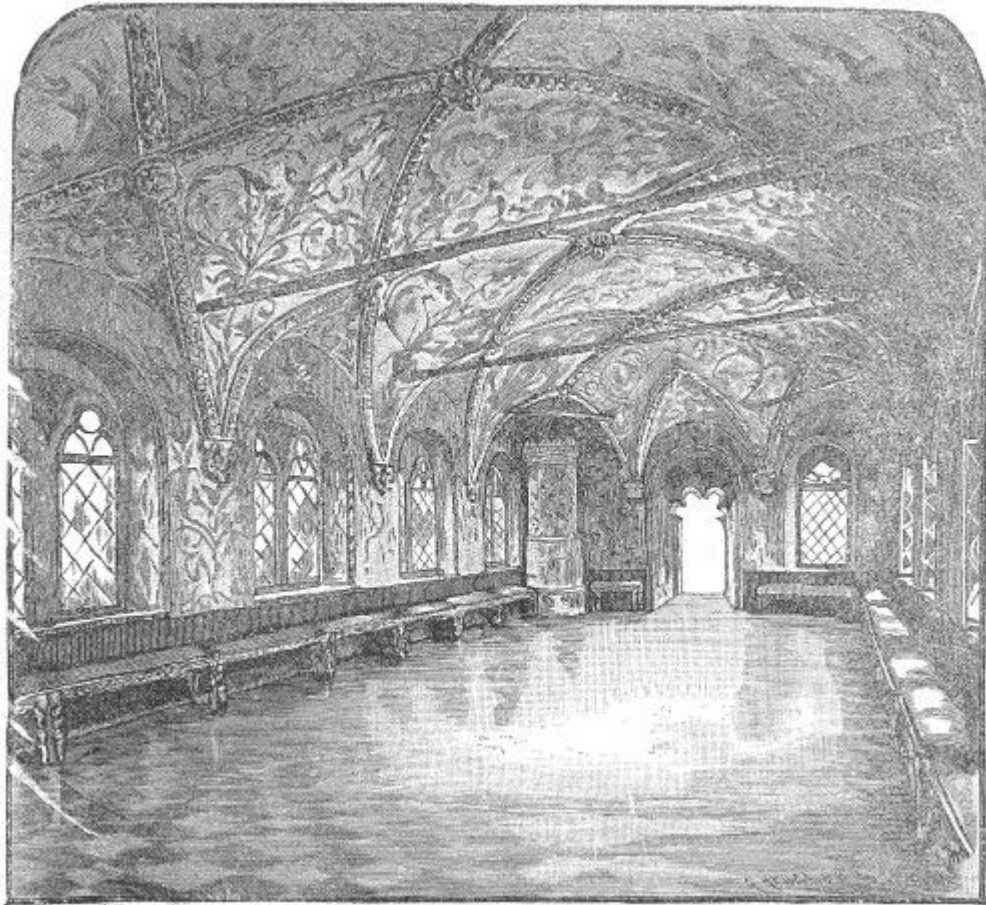
Подобные постройки, конечно, требовали немалой опытности и знания не одной только техники мастерства, но и искусства архитекторского, знания разных механических условий, без которых невозможно было возводить столь обширные постройки.

Доморожденные наши архитекторы того времени и вместе с тем начальники плотничных артелей назывались плотничьими старостами; плотники же назывались иногда и *рубленниками*, от главного занятия в их мастерстве – рубить. Замечательным памятником их искусства, о котором мы можем иметь представление хотя бы по сохранившимся рисункам, служит деревянный Коломенский дворец XVII ст. Зброшенный и оставленный еще с первых лет XVIII ст., он стоял почти без всякой поддержки более 60 лет и был разобран только в 1768 г. Представим несколько подробностей, характеризующих старинное плотничное дело и вообще способы построек.

Двери Теремного дворца

Клеть, как первообраз и основа всякой хоромины, какое бы название она ни носила и как бы обширна ни была, ставилась обыкновенно в четыре стены, из бревен или, при достаточном хозяйстве, из брусьев, т. е. бревен, тесанных со всех четырех сторон. Бревна на углах стен связывались или срубались *в обло* и *в присек*, в лапу³¹ и в замок³², как обыкновенно рубились избы в деревнях; в ус, как вообще рубились хоромы, особенно брусяные: в ус, в брус, также в косяк, в угол. Связанные таким образом по углам, четыре бревна или бруса составляли венец, *ряд*; количеством венцов, или рядов, друг на друга положенных, определялась часто, смотря по толщине бревен, и высота клетки или ее стен: говорили, например, — «вышиною на пятом венце». Складывались, т. е. ставились, клетки или прямо на пошве, т. е. на земле, или же, как бывало в хоромных постройках, на столбах и *режах* или *обрубках*, что называлось «подрубать режь». Режи и обрубы составляли как бы фундамент и рубились клетками, или *избиидми*, иногда, для большей крепости, в две стены. Избы и клетки иногда даже и в царских хоромых рубились во мху, т. е. перекладывались по каждому венцу мхом. Хоромы зажиточных людей и царские конопатились обыкновенно плохим льном, пенькою или паклею; сверх того, потолки и стены обивали иногда белыми полстьми³³ и войлоками.

Коридор в Кремлевском дворце

Мост, или пол, мостили на кладях, или лежнях, половыми досками *в причерт с вытесом*, т. е. ровно и гладко, также *взакрой*, и всегда выравнивали. В подклетах клали мост пластинный или бревенчатый. Подволоку, или потолок, утверждали на матицах³⁴, настилая брусьями или накатывая бревнами, которые также изнутри клетки почти всегда вытесывались в брус или клались в подтес, *взакрой*³⁵. Большие хоромы всегда укрепляли связным железом — скобами, наугольниками, подставами, веретеными гвоздями и т. п.

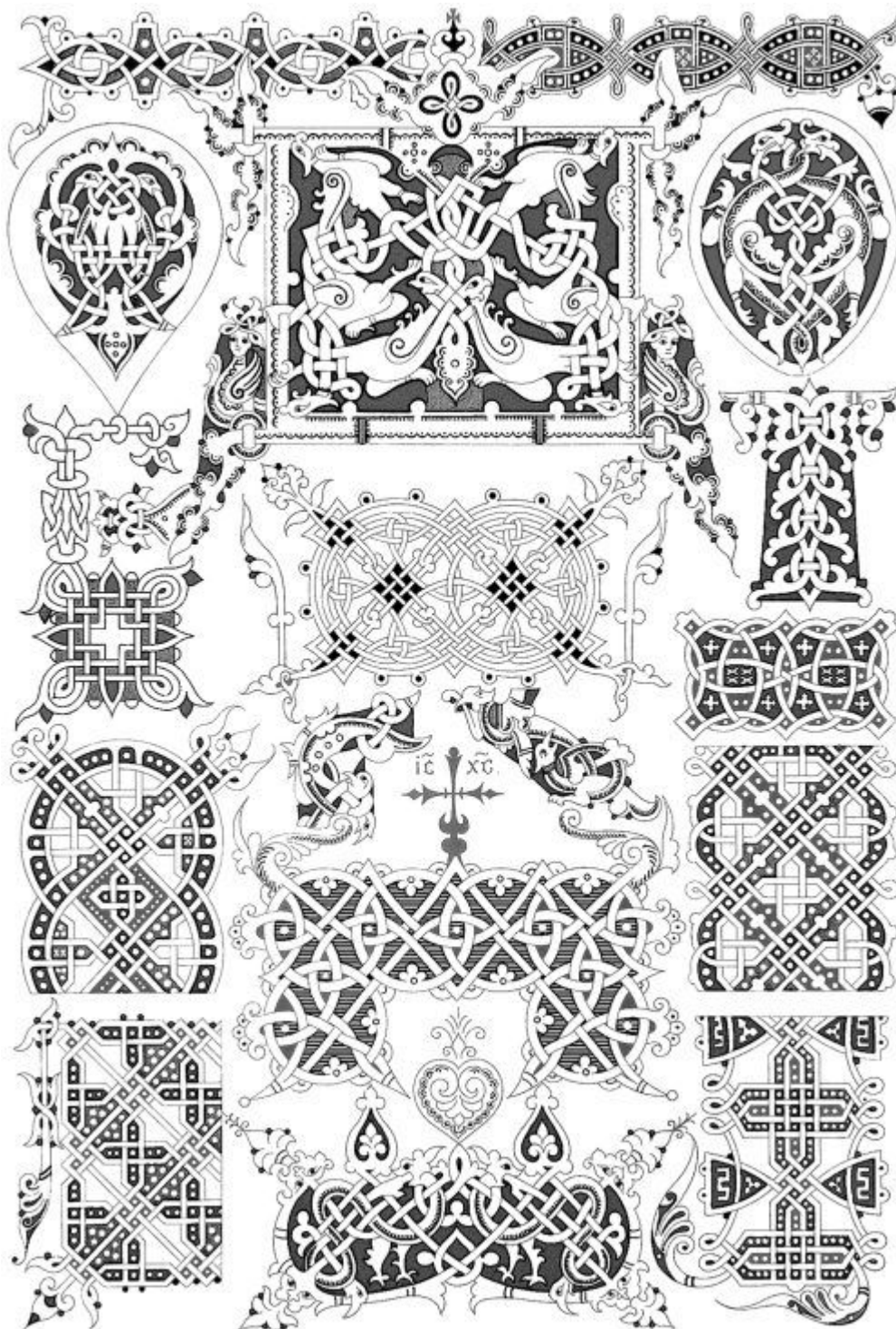
Нарядить нутро – значило отделать клеть начисто внутри, т. е. вырубить и околodить окна красные и волоковые, сколько понадобится: покласть у стен лавки с опушками, на ставках³⁶; устроить, где следовало, коник; навесить двери, сделать опечек, или место для печи, и т. д. К тому же наряду относилась и окончателъная уборка стен и потолка. Стены, особенно если они были бревенчатые, внутри и снаружи обшивались красным тесом взакрой; брусые же отделявались в скобель³⁷ или *выскабливались в лас*³⁸. Потолок точно так же подшивался тесом или липовыми досками взакрой. В жилых клетях потолок сверху вымазывали глиною и по просушке насыпали просеянную землю – черноземом, *наволакивали* землю.

Окно Теремного дворца со стороны Оружейной палаты

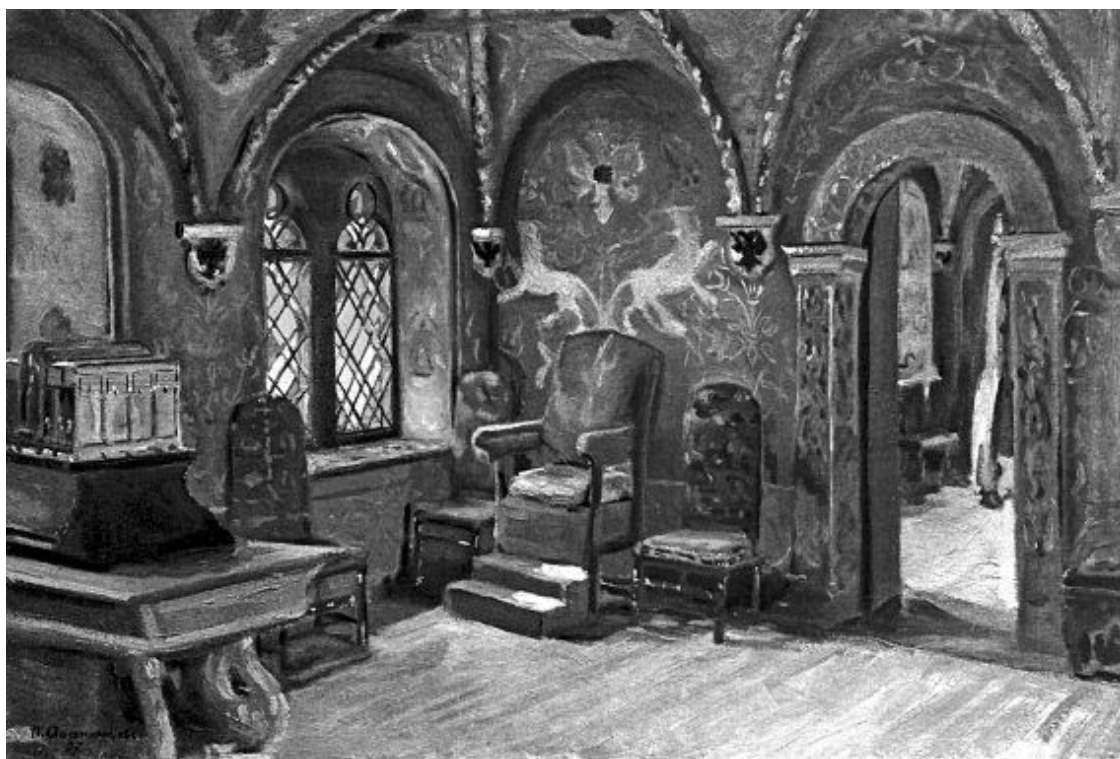
Соединение обыкновенной двускатной кровли состояло из князя, иначе князька, также коня и конька – верхнего продольного бруса, от которого вниз с обеих сторон протягивались *курицы*, или деревья с закрючинами, на коих клались *застрехи*, нижние продольные бруссы кровли, составлявшие ее свесь³⁹. С лица клетки эти деревья, или курицы, закрывались узорочно вырезанными *причелинами*⁴⁰, которые спускались по сторонам *очелья* (фронтон), закрывавшего чердак, или верхнюю подкровельную часть клетки. Затем кровля решетилась *латоками*, или продольными *решетинами*⁴¹, и *подстрелинами*⁴². Связь хоромных кровель, которые большей частью крылись по-полатному, т. е. со скатами на все четыре стороны, также состояла из *князя*⁴³, который опирался на подстрелины и быки⁴⁴, связанные решетинами.

На хоромах кровли крыли в два теса со скалой, т. е. с берестой, которой перекладывали тес, чтобы не проходила течь, что называлось *поскалить'*, иногда крыли *драницами*⁴⁴⁵ со скалой же. Кроме того, тесовые кровли делались в нижней части почти всегда с полицами, т. е. небольшими переломами или отводами вроде полок, предупреждавшими сильный сток воды. Это было необходимо потому, что кровли устраивались очень круто. Под полицы клали желоба большие *охлупные* и малые; устраивали также водяные скаты. По полицам нередко ставили балясы⁴⁶, а сам свес украшали *подзоринами*⁴⁷. Наверху по князю ставили резной гребень с маковицами по краям. В таких кровлях устраивали нередко выпускные, или выводные, окна, освещавшие чердак; а чаще *чердашные слухи*, окна слуховые.

Образцы орнаментации рукописей. XIV—XV вв.

Вообще, кровли в старину служили немалым украшением зданий, особенно в больших, обширных постройках. Они устраивались высокими шатрами в виде башен, сводились в виде бочек, в виде кубов, причем то и другое соединялось нередко вместе, т. е. шатры стояли на бочках. Шатры, кубы и бочки искусно кожушились⁴⁸ мелкими решетинами и покрывались большею частью гонтом (лемехом)⁴⁹ в чешую. Кроме того, верхи хором украшались чердаками, или теремами, род бельведеров, с красными, иногда двойными, окнами на все стороны. Около таких чердаков устраивались гульбища, балконы, огороженные балясами, или перилами, гудками (род балясника). Самые верхние чердаки, или собственно бельведеры, строились или на четыре угла, или же в виде шестерика и осмерика. Верхи чердаков, шатров, бочек, кубов украшались *прапорцами*, флюгерами, а бочки, сверх того, — резными гребнями.

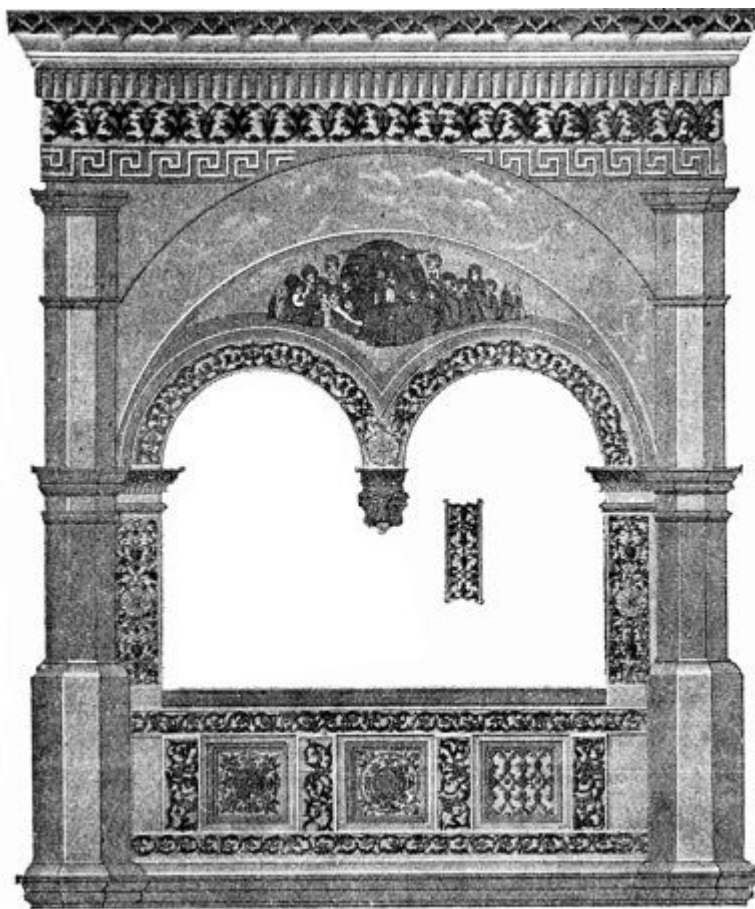
Тронный зал в тереме

Само собою разумеется, что верхние жила, т. е. чердаки и терема, строились легче нижних ярусов и обыкновенно ставились на стойках или столбах, забирались брусьями или нетолстыми бревнами и обшивались тесом взакрой или вкосяк.

Тем же почти способом устраивались и сени. Они ставились также на стойках, или подставках, и обвязывались тесом с брусьями. Двухъярусные сени ставились на лежнях⁵⁰ на подборе бревнами; подбирать — значило ставить бревна в стену стоймя, что также называлось *забирать в столбы*, так обыкновенно устраивались сени исподние, или подсенье; верхний ярус забирался досками вкосяк. Чуланы в сенях забирались тесом взакрой. Крыльцо в малых клетях устраивалось на выпускных бревнах⁵¹; в больших — на подрубах⁵². Лестницы клали на тетивах⁵³, в которых вставлялись ступени, обшиваемые тесом. В зависимости от высоты клетки лестницу всегда переламывали, т. е. делали с отдыхами и по сторонам почти

всегда *опериливали*, т. е. делали поручни, или перила, с балясами, или решетками. В больших хоромах перед лестницею *взрубали рундук*⁵⁴ на один, на два и на три всхода, о трех или более ступенях. Рундук почти всегда покрывался *шатриком* на точеных столбах, который подбирался тесом вкосяк.

Около двора заматывали замет, или заплот, т. е. забор. В достаточных дворах забор рубили из бревен в лапу и в замок, скоблили на оба лица, приводили в черту, чтоб щелей и в углах дыр не было. Забор красился воротами, которые устраивались на столбах, или столбцах, и связывались в один щит, а в достаточном хозяйстве делались створчатые из двух щитов, с калиткою, а нередко и тройные, т. е. с двумя калитками, обшивочные, т. е. обшитые тесом. Почти всегда ворота покрывались тесовою кровлею с полицами, а на князьке украшались резным гребнем или же небольшими бочками и шатриками. По уборке и отделке ворот всегда можно было судить о достаточности хозяина, ибо двор красился воротами, изба – углами, т. е. внутренним нарядом, хоромы – теремом.

Окно Теремного дворца против церкви Спаса

Этих подробностей, которые все, до слова, заимствованы нами из строительных записок XVII ст. (начиная с 1614 г.), весьма достаточно для того, чтоб дать понятие о старинном плотничном деле, а главное – о том, что оно и до сих пор держится на тех же способах и приемах, какие, без сомнения, употреблялись еще в первые века нашей истории. Все плотничные термины сохраняются до сих пор; их почти вовсе не коснулась немецкая, вообще иностранная, техника, и само производство существует без всякой помощи со стороны уче-

ных архитекторов, которые, если бы захотели, многое могли бы заимствовать из этого технического языка, родного и, следовательно, наиболее понятного для всех источника родных же слов-названий.

Выше мы представили общие, типические черты старинных деревянных построек вообще в Древней Руси и особенно в Московской стороне. Эти же самые черты, только в более широких размерах, повторяются и в хоромы московского великого князя. Мы упоминали уже о Набережном тереме, средней горнице, столовой, гридне и повалушах. По этим названиям можно судить и о прочих частях великокняжеских хором они были совершенно сходны с описанными выше. Уклонения от общего характера были весьма незначительны и обуславливались теми требованиями, которые вытекали из жизни великого князя как государя всея Руси. Вообще великокняжеские хоромы, как древнейшие, так и строящиеся во времена царей, соответственно назначению их в домашнем быту государя, можно рассматривать как три разные постройки.

Во-первых, хоромы постельные, собственно жилые, или, как называли их в XVII веке, покоевые. Они были невелики: три, максимум – четыре комнаты, соединенные друг с другом; одна из этих комнат, обычно самая дальняя, служила постельной, опочивальней, ложницей; возле нее устраивалась крестовая, или моленная; другая имела значение теперешнего кабинета и называлась собственно комнатой, и, наконец, первая по входе именовалась передней, но не в таком смысле, в каком употребляется это слово теперь: эта передняя была приемной; нынешней же передней в древности соответствовали сени, которые в государевых хоромы почти всегда были теплые. Эти сени перед передней назывались обыкновенно передними сенями. Точно такие постельные хоромы были, например, у царя Ивана Васильевича; они находились сзади

Средней Золотой палаты, соединялись с нею и заключали в себе передние сени, переднюю и две комнаты, названные «чердак (терем) Государыни Царицы Настасьи Романовны», потому что над ними высился ее терем⁵⁵. Порядок, в каком комнаты следовали одна за другою, бывал различен; но обыкновенно они располагались так: передние сени, передняя, крестовая, комната, четвертая (считая от передней), или задняя; наконец, сени задние. Иногда за переднюю следовала комната, потом третья, четвертая, как было, например, в каменном Кремлевском терему. Когда хоромы были в две комнаты, то за передней следовала комната и потом комнатные, или задние, сени. Если в хоромы было больше комнат, чем здесь перечислено, что, впрочем, случалось редко, то все эти комнаты не носили никаких особенных названий; их просто называли: третья, четвертая, пятая и т. д., или, смотря по местоположению, средняя, задняя, сторонняя и т. п.

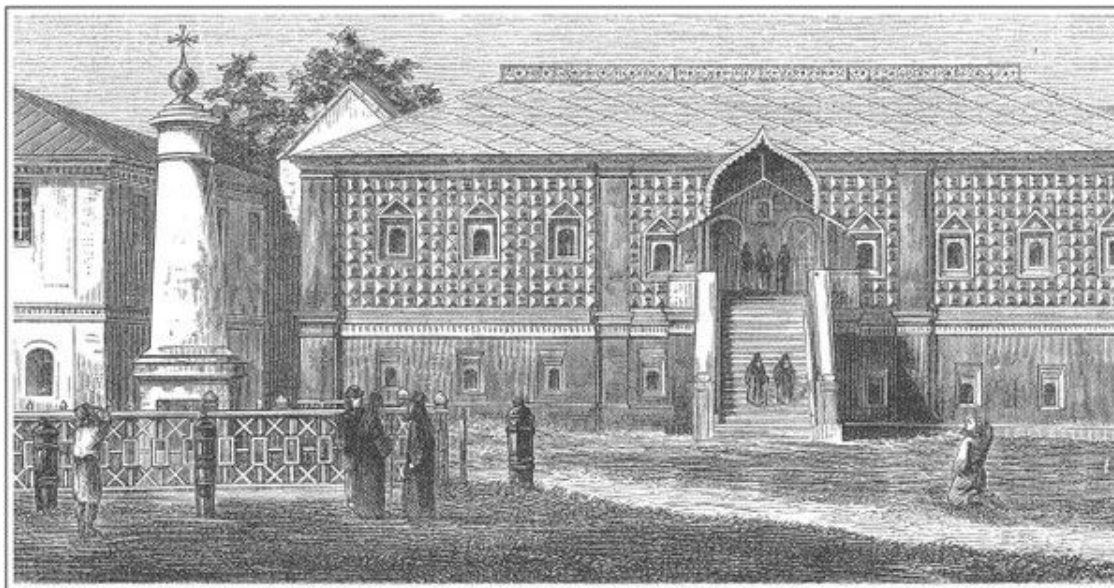
Иногда в комнатах устраивались чуланы, собственно для спальни, имевшие поэтому значение алькова. Вообще же чуланы и каморки, устраиваемые в комнатах и особенно в сенях, составляли, вместе с подклетами, обыкновенные принадлежности постельных хором. Сени и мыльня, принадлежавшие также к постельным хоромы, соединялись с ними сенями или переходами; мыльня же часто помещалась в подклете. Верхний этаж таких хором составляли светлые чердаки, или терема, с частыми окнами, с гильбищами кругом всего здания, украшенные башенками, прорезными гребнями и маковицами.

Княгинина половина, хоромы государевых детей и родственников ставились отдельно от жилых хором государя и, с небольшими изменениями, во всем походили на последние.

Ко второму типу построек государева дворца мы относим хоромы непокоевые, предназначенные для торжественных собраний. В них государь, следуя тогдашним обычаям, являлся только в важных торжественных случаях среди бояр и духовных властей. В них про-

исходили духовные и земские соборы, приемы послов, давались праздничные и свадебные государевы столы,— одним словом, это были в деревянных хоромы парадные залы, которым соответствовали разные палаты выстроенного позже каменного дворца. В соответствии с таким назначением хоромы этого типа были больше прочих и стояли впереди хором постельных, которые помещались обыкновенно в глубине двора. Что же касается названий, то эти хоромы не носили особенных имен, за исключением разве гридни, а были известны под общими именами Столовой избы, горницы и повалуши.

К третьему типу принадлежали все хозяйственные дворовые постройки, службы, располагаемые почти всегда отдельными дворами, или дворцами, которым и давались названия, в зависимости от их значения в дворовом обиходе государя. Известны дворцы Конюшенный, Житный, Кормовой, или Поваренный, Хлебный, Сытный и пр. Что же касается великокняжеской казны, заключающейся обычно в серебряных и золотых сосудах, дорогих мехах, дорогих тканях и тому подобных предметах, то великий князь, следуя весьма древнему обычаю, сохранял эту казну большей частью в споях и подвалах, или подклетах, каменных церквей. Так, из летописей узнаем, что казна вел. кн. Ивана Васильевича хранилась прежде в церкви Рождества Богородицы и св. Лазаря, а казна его супруги, великой княгини Софьи Фоминичны,— под церковью Иоанна Предтечи-на-Бору, у Боровицких ворот.

Дворец царя Михаила Федоровича

Мы уже сказали, что правильного, симметричного плана в древних больших постройках не было, поэтому и великокняжеский дворец по своему расположению представлял огромную массу зданий, раскиданных без всякого соответствия в частях. Довольно полное и наглядное понятие о характере древних великокняжеских и царских жилых построек, или хором, дают описания загородных дворцов XVII ст. Из них особенно любопытно описание Коломенского дворца именно потому, что сохранились его фасады и план, которые во многом могут пояснить описание. План обнаруживает, что дворец состоит из нескольких отделений, или особых хором, соединенных между собою переходами и частично сенями; что постройка этих отделений происходила в разное время, в зависимости от необходимости; что постепенно к старым пристраивались новые клетки, избы, избушки, сени, крыльца, переходы, так что целое лишено всякой симметрии и того порядка в соответствии частей, к кото-

рому приучены теперешние вкусы строителей. Хоромы, крыльца, переходы разбросаны с мыслию не о правильности плана или о его красоте, а об удобствах, какие представлялись местом постройки или отношением и зависимою этой постройки от других отделений дворца.

Со стороны фасада всех построек (с восточной стороны) стояли передние хоромы государевы, состоявшие из пяти жилых комнат, с отдельными сенями при каждом выходе: две впереди – передняя и комната, и три, составлявшие как бы особое отделение, сзади, дальше во двор. Противоположно передней, дальше к северу, стояла большая столовая. Она соединялась с комнатами при помощи весьма больших столовых сеней, над которыми в три яруса возвышались светлые чердаки, или терема, с открытыми галереями, или гульбищами, со всех четырех сторон. Кровля столовой была устроена четырехугольным кубом и на вершине украшена глобусом с изображением орла между львом и единорогом.

Боярская площадка в Московском Кремле (до 1838 г.)

Вид на златоглавый храм Спаса-на-Сенях за Золотой решеткой с лестницей на Боярскую площадку, узорчатое крыльцо с теремами и заднюю сторону Грановитых, или Святых, Сеней

Кровля двух передних комнат крыта бочкою с резным гребнем наверху и прапорцами, или флюгерами. Задние комнаты с принадлежащими к ним сенями покрыты четырехскатною кровлею; над четвертой и пятой был светлый чердак – терем и шатровая кровля, дававшая строению вид башни, тем более что вершина ее была украшена двуглавым орлом. Над рундуками, или отдыхами, площадками крыльца и над сенями возвышались также стройные шатры. Все кровли крыты гонтинами в чешую. Высота этих шатровых строений, или башен, простиралась от 7 до 15 сажен⁵⁶. Нижний этаж хором занимали подклеты, в которых помещались кладовые, жилье для дворовых людей и для стрелецких караулов, находившихся: один возле крыльца, под передними комнатами; другой возле ворот, под столовою.

Еще дальше во двор, за комнатами государя, стояли хоромы царевича с двумя комнатами и с теремами наверху, крытые двумя шатровыми кровлями в виде башен, соединенных

в верхних чердаках переходцами. Далее, за хоромами царевича, стояла государева мыленка, а за нею Оружейная и Стряпушие избы. Из мыленки шла лестница наверх, в сени царицыных хором, которые стояли лицом к северу, сзади хором государевых, и состояли из трех комнат с большими теремами наверху, крытые бочкою, и одну комнату, также с теремами, крытую шатром в виде башни. Обширные передние сени этих хором были покрыты также шатром, а крыльцо – шатром с бочками.

Сзади дворца, с западной стороны, размещались четыре отдельные строения – хоромы старших и младших царевен, каждое из трех комнат, с теремами наверху, с мыленками, стряпушими избышками и другими принадлежностями старого быта, – крытые также шатровыми кровлями наподобие башен. Нижний этаж всех хором тоже состоял из подклетов, которые служили помещением для дворовых людей, для кладовых и для стрелецких караулов.

Хоромы царевен соединялись длинными крытыми переходами с хоромами царицы и с церковью. Точно так же переходами соединялись и другие отделения коломенских хором.

Несмотря на то что Коломенский дворец построен в половине XVII ст., он сохранил неизменными все типичные черты древнейших построек и потому, как мы упомянули, может служить характеристикой как древних, так и современных ему деревянных построек. Вкусы и потребности жизни в допетровской Руси в течение целых столетий были одинаковы. Основной мыслью было жить так, как жили отцы и деды, по старине и по *пошлине*, что пошло исстари, как было при отцах, при дедах и при прадедах. И если прапрадедовский кафтан, переходя к праправнуку, нисколько не менял своего покроя, то в отношении жилищ, в их постройке и устройстве, еще неизменнее сохранились старые привычные порядки и предания, тем более что неизменны были потребности и общий уклад жизни и быта, от которых вполне зависели и все их материальные формы.

Мы увидим, что и каменный дворец, построенный на месте деревянного итальянскими архитекторами в конце XV века, нисколько не отличался от привычного. Вместо деревянных были построены такие же, только более большие, клетки, гридни, горницы, названные палатами. Клеть, изба и здесь послужила неизменным образцом, который не допустил связать в одно целое, в один общий цельный план отдельные комнаты нового дворца, как, например, парадные приемные и жилые покои. Они были по-прежнему размещены по образцу хором, отдельно, как размещались во дворах избы и клетки, в зависимости от местного удобства и неизменных требований и условий тогдашнего быта, которые уже заранее указывали места для той или другой постройки. Традиционными оставались даже названия; так, нижние этажи каменных зданий по-прежнему именовались подклетами, хотя были всегда со сводами и только по своему размещению соответствовали подклетам деревянных хором. Крыльца и при каменных палатах сохранили свое древнее значение хоромного крыла и ставились в точном соответствии деревянным крыльцам, каким, например, было крыльцо при Грановитой палате, названное Красным. Но что особенно напоминало древний характер хоромных строений – это переходы или открытые сени, которые и в каменном дворце, из-за отделенности разных палат и зданий, составляли такую же необходимость, как и в хорамах деревянных.

Мы сказали, что в конце XV века на месте великокняжеского деревянного дворца воздвигнут каменный дворец. Мысль построить каменный дворец возникла вследствие новых потребностей, вызванных новым политическим положением московского государя. В конце XV века великий князь Московский сделался самодержцем всея Руси; к Москве стали посте-

пенно присоединяться разные области Древней Руси, жившие до тех пор независимо, самостоятельно. Мысль о самодержавии московского государя с каждым днем становилась более весомой, более значимой, а вместе с этим и государев дворец в Москве получал совершенно другое значение. Прежние формы, прежние обряды великокняжеского быта становились недостаточными в жизни государя-самодержца. Более того, это новое, государственное направление, только что возникшее в Москве естественным ходом ее истории, было приведено в полную сознательность и определенность с приездом в Москву греческой царевны Софьи Палеолог, с которою великий князь Иван Васильевич вступил в супружество. Последствия этого брака, имевшие важное значение в государственном отношении, не менее важны были и в частном быту московского государя: его двор и дворец с этого времени стали постепенно преобразовываться, заимствуя многое от угасшей Византии. Притом этот брак завязал самые тесные сношения Москвы с европейскими государствами; начались частые приезды иноземных послов, прием которых, при новых политических отношениях московского государя, требовал большей церемониальности, большего великолепия; поэтому новый дворец, более обширный и более соответствующий новым потребностям, был необходим.

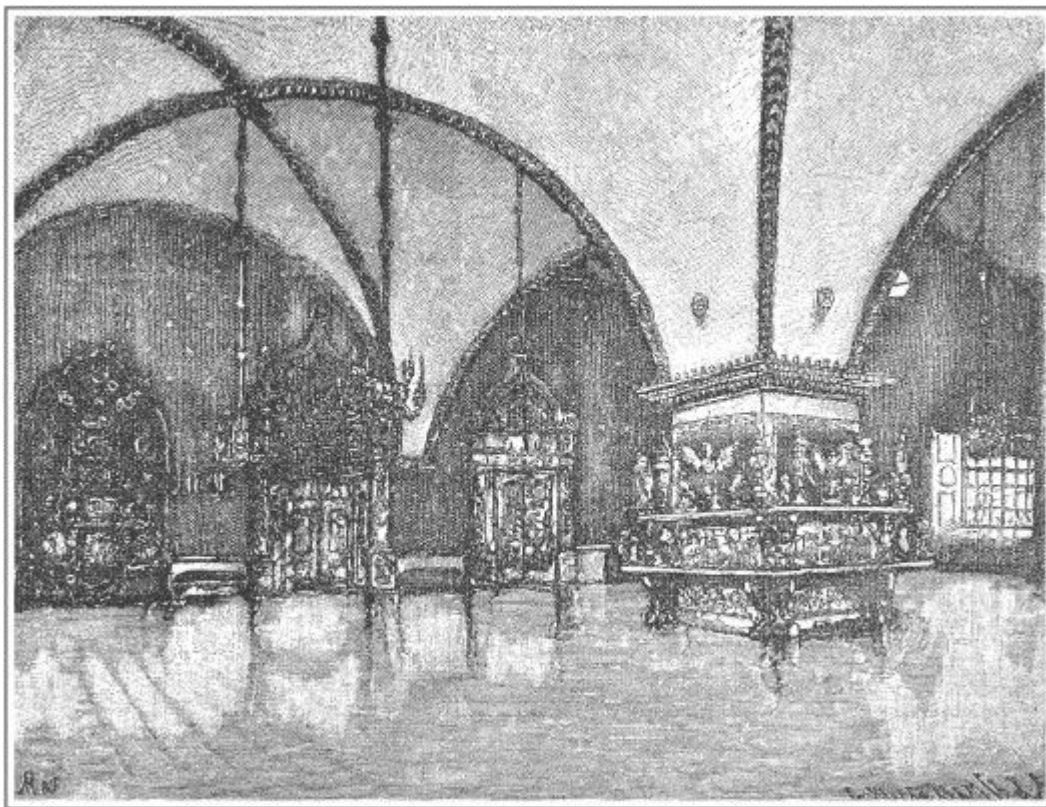
Вообще, конец XV века составляет блестящую эпоху не только в истории государева дворца, но и в истории всего Кремля, который, по мнению некоторых иностранных путешественников XV и XVI веков, являлся дворцовой крепостью. Никогда, ни прежде, ни после, не было в Кремле такой напряженной деятельности в обновлениях и постройках. Соборы и церкви, государевы палаты, городские ворота, стены, стрельницы, башни с тайниками – все это быстро воздвигалось при помощи итальянских зодчих, вызванных специально для этого, и не больше чем за 20 лет внешний вид Кремля совершенно изменился. На месте прежних деревянных зданий были новые, каменные, более обширные, красивые и более прочные. Зубчатые стены со стрельницами, окруженные глубокими рвами, придавали Кремлю грозный, величественный и красивый вид, который с еще большей яркостью обрисовывался на темном грунте деревянных построек тогдашней Москвы и на зелени ее многочисленных садов, или, правильнее, огородов, находившихся почти при каждом доме.

Великий князь Иван Васильевич начал постройку нового каменного дворца с церкви Благовещения, что на Сенях, воздвигнутой еще при великом князе Василии Дмитриевиче. В 1484 г., разрушив дедовскую постройку, он заложил новую, на каменном подклете, который обложил казною, т. е. палатами для своей казны. Более того, с восточной стороны этой церкви, между нею и Архангельским собором, заложил кирпичную палату, также с казнами и с большим белокаменным погребом, известную впоследствии под именем Казенного двора. Таким образом, не нарушая древнего обычая, великий князь и в каменном дворце устроил свою казну подле церкви.

В августе 1489 г. Благовещенская церковь на государевых Сенях была уже освящена. Между тем постройка каменных зданий на дворе великого князя продолжалась. В 1491 г. Марко Руф и Петр Антоний выстроили на площади большую палату, которая сохранилась до нашего времени под именем Грановитой. Эта палата, как передний приемный покой дворца, заменяла древнюю гридню, а в царском быту получила значение главной церемониальной залы.

В 1492 г., 5 апреля, великий князь, переехав со всем семейством из своего старого двора в новые хоромы князя Ивана Юрьевича Патрикеева, стоявшие против церкви Иоанна Предтечи-на-Бору, повелел свой «старый деревянный двор разобрать и нача ставити каменный двор». Между тем в то же время он велел поставить себе свой собственный двор за Архангельским собором, деревянный, в котором временно намеревался поселиться. Но это начало постройки каменного дворца было не совсем благополучно. 28 июня 1493 г., в воскресенье утром, случился один из тех страшных, опустошительных пожаров, которые довольно часто бывали в древней столице и которые почти каждый раз уничтожали все ее деревянные

постройки. Загорелось за Москвою-рекою, и при ужаснейшей буре в один миг ««нечисленно нача горети во мнозех местех»».

Грановитая палата

В Кремле прежде всего загорелся новый деревянный двор великого князя (Патрикеевский) у Боровицких ворот, в котором он только что поселился. Потом занялись житницы под горою, на подоле Кремля; отсюда – новый двор великого князя за Архангельским собором; и все это место с другими близлежащими частями Кремля выгорело дотла. Летопись, описывая этот пожар, говорит в заключение, что «по летописцам и старые люди сказывают, как Москва стала, таков пожар не бывал». Великий князь выехал из опустошенного Кремля на Язу, к Николе Подкопаеву; поселился на *крестьянских дворах* и стоял там до ноября, когда и переехал в Кремль, в новые хоромы, выстроенные для него на пожарище.

Опустошение, произведенное этим пожаром, долго было ощутимо. В несколько часов Москва превратилась в огромное пепелище; жители остались без имущества, без крова; более двухсот человек погибло в пламени. При таких обстоятельствах великому князю вовсе нельзя было думать о сооружении нового каменного дворца: нужно было прежде всего обстроить город, помочь его жителям, которые все, более или менее, пострадали от пожара... Точно так и было. Летописи этого времени не говорят ни о каких значительных постройках, ни в самом Кремле, ни на дворе великого князя. Напротив, находим в них известие только о распоряжениях великого князя, касавшихся городского благоустройства. Еще после пожара, случившегося в Кремле в этот же 1493 год весною, великий князь велел очистить от строений и церквей Занеглименье, близость деревянных построек которого всегда угрожала Кремлю, и на этот раз, вероятно, была причиной его опустошения. Несмотря на жалобы и неудовольствия некоторых лиц, все хоромы и церкви были отнесены от Кремлевской стены на расстояние ста десяти сажен. После июльского пожара, который начался за Москвою-рекою, великий князь также велел очистить от строений часть Замоскворечья, лежав-

шую против Кремля, и в 1495 г. развел там сад, называвшийся в XVII ст. государевым Красным садом и Царицыным лугом.

К сооружению каменного дворца приступили не прежде как через шесть лет после описанного пожара. В 1499 г. великий князь на старом месте снова заложил «двор свой камен, полаты каменные и кирпичные, а под ними погреби и ледники, да и стену каменную от двора до Боровицких ворот». Постройка была поручена новому итальянскому зодчему, «Фрязину Алевизу, от града Медиолама». Но великий князь не дождался окончания возведения этих палат: в 1505 г. он умер. Дворец был готов через три года после его смерти, и в мае 1508 г. его сын Василий⁵⁷ переехал жить в эти новые хоромы. Достойный преемник всех начинаний своего отца, особенно в отношении новых построек, великий князь Василий Иванович, довершив неоконченный дворец, великолепно украсил его вместе с церковью Благовещения-на-Сенях, которую

«повелел (в 1508 г.) подписати золотом, иконы все: Деисис, праздники и пророки, обложите серебром и золотом и бисером., и верх церковный покрыть и позлатить».

Сверх того, он воздвиг на старых местах две новые каменные церкви: одну, в 1514 г., — во имя Рождества Богородицы-на-Сенях, с приделом св. Лазаря, и другую, в 1527 г., во имя Спасова Преображения, на дворце, т. е. посреди своего двора, также с приделами. В 1516 г. великий князь, распространяя хозяйственные постройки, выкопал по течению Неглинной, за Боровицкими воротами, пруды и поставил каменную мельницу.

Расположение каменного дворца весьма трудно определить с достаточной точностью. Больше всего в этом отношении интересна дополнительная статья к свадебному разряду великого князя Василия, бывшему в 1526 г., то есть восемнадцать лет спустя после постройки дворца⁵⁸. Согласно этому акту, первоначальный каменный дворец начала XVI века, несмотря на пожары и беспрестанные перестройки и переделки, в основных чертах своих нисколько не изменился в течение двух с половиною веков и, покинутый царями в начале XVIII столетия, устоял, хотя и в развалинах, до времен императрицы Елизаветы Петровны и даже до начала XIX столетия.

Передний фасад дворцовых зданий или, вернее сказать, лицо дворца, обращено было на площадь, между Благовещенским, Архангельским и Успенским соборами и церковью Иоанна Лествичника, что под Колоколы, на месте которой в XVII веке воздвигнут «Иван Великий». На эту площадь выходили две дворцовые палаты — Большая, стоявшая на самой площади, ныне Грановитая, и Средняя, находившаяся между Большою и Благовещенским собором, к западу от них, на дворце, или на дворе великокняжеском. Перед Среднею палатою было Красное, иначе Верхнее, крыльцо, или Передние переходы, на которые с площади вели три лестницы: одна была, как и теперь, у стены Большой, или Грановитой, палаты, — это та, которую теперь неправильно называют Паевым крыльцом; другая — Средняя лестница, теперь не существующая; третья — Благовещенская паперть. Между лестницею подле Грановитой палаты и Среднею были ворота, которые вели из дворца, т. е. из внутреннего двора, на площадь. Средняя лестница прямо, через крыльцо, вела в сени Средней палаты, которая почти с этого же времени (1517) называется Среднею Золотою и просто Золотою, потому что была расписана внутри золотом. Из этих же сеней двери вели в Столовую избу, которая стояла позади Средней палаты, напротив алтарей церкви Спаса-на-Бору. Подле Столовой избы была лестница вниз, на двор, к Спасу; крыльцо перед этой избою, служившее продолжением Передних переходов, соединяло ее с Набережною палатою, стоявшею напротив западных дверей Благовещенского собора. Далее к западу от этой палаты по линии Кремлевской горы, к Москве-реке, стояли чердаки, или терема.

А. Васнецов. Площадь Ивана Великого в Москве в XVII в. 1903 г.

Посреди государева двора стоял, как мы уже упоминали, Спасский Преображенский собор. Постельные, или жилые, хоромы великого князя и Постельная изба, княгинина половина, примыкавшая к церкви Рождества Богородицы, находились на том самом месте, где теперь Теремный дворец. В то время существовали только два нижние этажа этого здания, построенные Алевизом на белокаменных подклетах и погребах, в одно время с другими палатами. Над этими-то этажами стояли деревянные Постельные хоромы великого князя и великой княгини, или собственно княгинина половина. Здесь же, у церкви Лазаря святого, находилась каменная приемная палата великой княгини, называвшаяся Западной и Задней (1547), по отношению к Передним переходам дворца, т. е. к Красному крыльцу, а также – палатой, что у Лазаря святого⁵⁹, – Лазаревской (1535), когда вел. кн. Елена⁶⁰ принимала царицу Казанскую. Двери из этой палаты вели на Постельное крыльцо, которое примыкало также к сеням Грановитой палаты и соединялось дверью, между этих сеней и сеней Средней палаты, с Передними переходами, или Красным крыльцом. С восточной стороны это здание заканчивалось Наугольной палатой, что от Пречистой (Успенского собора), в которой впоследствии была устроена Царицына Золотая палата. Лестница с Постельного крыльца вела на двор, к Спасу. Поваренный дворец стоял позади Рождественской церкви и хором великой княгини, соединяясь с этими хоромами Задним крыльцом с лестницею. По береговой линии дворец простирался до церкви Иоанна Предтечи-на-Бору, где в палате, что на дворце, в 1537 г. скончался в заключении, в нужде, страдальческою смертью князь Андрей Иванович Старицкий⁶¹.

Вот в кратком очерке расположение каменного дворца, заложенного великим князем Иваном Васильевичем. Воздвигнутый итальянцами по замыслу или, по крайней мере, при

сильном влиянии супруги великого князя, Софьи Фоминичны Палеолог, этот дворец не мог, конечно, во всем подчиниться русским вкусам и потребностям; архитектура его, по современным же свидетельствам, как и следовало ожидать, носила итальянский характер. Что касается его внутренних украшений, то можно также предполагать, что вкус великой княгини Софьи, воспитанной в Италии среди родственников и соотечественников-греков, и вкус довершителя дворца великого князя Василия, воспитанного Софьей, внесли в новый дворец много таких вещей, которых не знала простая жизнь прежних великих князей и которые были необходимы при новом значении московского великого князя как царя. Впрочем, нельзя сказать, чтобы каменный дворец московских государей был совершенно новым явлением в тогдашнее время; потому что в Новгороде, гораздо раньше, мы находим обширный владычный двор, с особенным великолепием устроенный после пожара в 1432 г. архиепископом Евфимием, который выстроил там каменные комнаты, большие каменные палаты и разные другие здания для своего обихода. Некоторые палаты и сени были им подписаны, т. е. украшены стенописью; одна из больших палат, название которой нам неизвестно, была о тридцати дверях! Все эти постройки воздвигнуты были немецкими зодчими, из-за моря, при помощи новгородских мастеров. Может быть, новгородский владычный двор послужил отчасти образцом или примером и для московского дворца. Великий князь Иван Васильевич, побывав под Новгородом, установив там «правду московскую», без всякого сомнения, видел и то благолепие, среди которого жил новгородский владыко и перед которым нельзя было остаться хладнокровным зрителем московскому самодержцу. По крайней мере, после присоединения Новгорода к Москве начинаются все преобразования не только в отношении дворца, но и в отношении самой Москвы, например Кремля. С этого же времени появляются в Москве каменные здания и у частных лиц, например, палата на четырех каменных подклетах, выстроенная митрополитом Геронтием, каменные палаты у Ховрина и Василия Образца и т. д.

При царе Иване Васильевиче, в 1547 г, 21 июня московский дворец сделался жертвою нового, ужаснейшего пожара, который также истребил и всю Москву.

«Загореся храм Воздвижения Честнаго Креста,— говорит летописец,— за Неглинной, на Арбатской улице, на Острове, и бысть буря велика, и потече огонь якож молния, и пожар силен промче во един час Занеглим.енье. И обратится буря на град больший (Кремль)»⁶².

Здесь, на царском дворе, вспыхнули кровли на палатах и деревянные избы государя. Потом занялись и каменные палаты, украшенные золотом; сгорели также Казенный двор с царской казной, Оружничья палата с воинским оружием, Постельная палата, царская конюшня и даже в погребах под палатами выгорело все, что только было в них деревянного. Не устояла и церковь Благовещения Златоверхая. В ней погибли невосвратно Деисис письма знаменитого иконописца Андрея Рублева, обложенный золотом, и все иконы греческого письма древних великих князей, собранные от многих лет и украшенные также золотом и бисером многоценным, т. е. дорогими камнями. Летописец снова замечает, что «таков пожар не бывал на Москве, как она стала именоваться великими князьями, славна и честна быти по государству их». Опустошив весь Кремль, пожар перешел и в другие части города и свирепствовал с такою силою, что, по выражению летописца, «железо яко олово разливашеся и мед яко вода растаяваше».

А. Васнецов. Москва при Иване Грозном. Красная площадь

Государь выехал в село Воробьеве и жил там все время, пока в Кремле ставили для него новые деревянные хоромы и возобновляли распавшиеся от огня палаты. Для украшения Благовещенского собора иконами и царских палат стенописанием собраны были из Новгорода, Пскова и других городов иконописцы, которые и восстановили прежнее благолепие царского дворца.

Возобновив дворец, царь увеличил его впоследствии новой пристройкой. В 1560 г. он велел устроить для своих детей «особный двор и хоромы позади Большой Набережной палаты, на *взруб*е», с храмом Сретения Господня. Потом, в 1565 г., учреждая опричнину, царь задумал было свой *особый* Опричный дворец выстроить позади дворцовой церкви Рождества Богородицы, там, где были хоромы великой княгини и где стоял Поваренный дворец с разными приспешными палатами, с погребами и ледниками, по самые Куретные ворота⁶³, которые вели на Поваренный дворец. Но замысел этот так и остался замыслом, потому, вероятно, что не совсем согласовался с духом опричнины, который требовал изменения старого порядка, между тем как предполагаемый дворец должен был стоять возле кремлевских палат, оставленных за земщиною⁶⁴. По крайней мере известно, что царь велел выстроить себе дворец вне Кремля, за Неглинною, на Воздвиженке, напротив кремлевских Ризположенских (ныне Троицких) ворот, на месте, где был двор князя Михаила Темрюковича Черкасского. В этот дворец он и переехал 12 января 1567 г, но жил в нем недолго, потому что любимым его местопребыванием с этого времени была Александрова слобода, откуда он приезжал только для приема иноземных послов и весьма редко для других каких-либо дел. Покинутый царем, этот Опричный дворец сгорел во время нашествия крымского хана Девлет-Гирея, истребившего Москву ужаснейшим пожаром, во время которого сгорел и Кремлевский дворец. Это было в мае 1571 г.

Летописец говорит, что «в Грановитой, и в Проходной, и в Набережной, и в иных полах прутье железное толстое, что кладено крепости для, на связки, перегорело и переломалось от жару». За остальные годы царствования Ивана Васильевича Грозного о дворце имеем мало сведений. Из известий уже XVII ст. узнаем только, что его хоромы стояли позади Средней Золотой палаты и состояли из, как мы упоминали, «передние сени, переднюю и две комнаты».

При царе Федоре Ивановиче⁶⁵, судя по отзывам иностранных путешественников, дворец был в цветущем состоянии; все приемные палаты в это время были великолепно украшены стенописью. При царе Федоре построена, вероятно, и приемная Золотая палата для его супруги, царицы Ирины⁶⁶, отчего эта палата и называлась Палатой царицы Ирины, Золотой Царицыной палатой и Меньшей Золотой, в отличие от Большой Грановитой и Средней Золотой. Прежде она именовалась просто Наугольной от Пречистой, т. е. со стороны Успенского собора.

Царь Борис Федорович Годунов, во время голода, бывшего в 1601 и 1602 гг., повелел, «чтобы людей питатися», воздвигнуть большие каменные палаты на взруб⁶⁷, «где были царя Ивана хоромы», построенные им для детей. Это было здание Запасного двора, фасад которого опускался по взруб под гору и над которым в XVII ст. находим уже Набережный Красный сад. Здесь же, кажется, были и деревянные жилые хоромы царя Бориса, сломанные по повелению Самозванца.

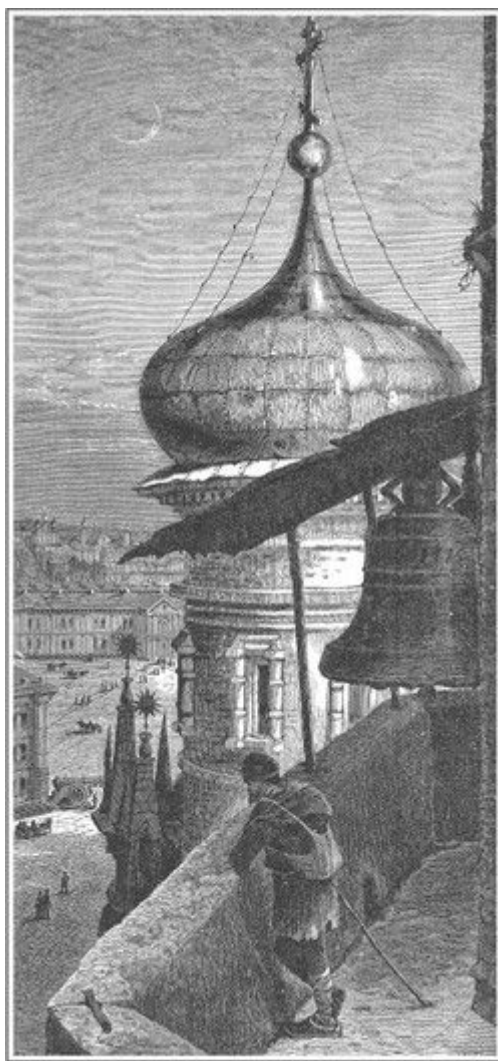
При Самозванце больших перемен в составе дворца не могло произойти, потому что он мало времени пробыл в царских палатах. Известно только, что он выстроил для себя новые хоромы, вероятно, на месте Годуновских, весьма красивые, по свидетельству современников, в польском вкусе; они находились возле Сретенского собора, наверху упомянутого здания Запасного двора, и лицом обращены были к Москве-реке. О постройке этих хором современник и очевидец их Исаак Масса рассказывает следующее:

«Над большую Кремлевскую стеною (т. е. над зданием Запасного двора) Лжедимитрий велел построить великолепное здание, откуда была видна вся Москва. Оно было построено на высокой горе, под которою протекала река Москва, и состояло из двух строений, расположенных одно подле другого и сходящихся под углом. Одно предназначалось для будущей царицы, а другое для царя. (Следует изображение дворца.) Так стоял дворец на верху высоких тройных стен⁶⁸. В этом дворце Димитрий велел позолотить очень дорогие балдахины, стены обить дорогою парчою и бархатом; все гвозди, крюки, цепи и петли дверные покрыть очень толстым слоем позолоты; внутри сделать превосходные печи и украсить их разнообразными произведениями искусства (по дневнику Марины, печи были зеленые и некоторые обведены серебряными решетками); занавесы у окон сделать из отличной ткани алого цвета. Он приказал выстроить роскошные бани, красивые башни и конюшню рядом со своим дворцом, хотя в нем уже была одна большая конюшня. В вышеописанном дворце царь велел устроить множество потаенных дверей и ходов...»⁶⁹

Из этого дворца Самозванец любовался не только видами Москвы, но и разными потехами, которые зимою устраивал на льду Москвы-реки.

Тот же Исаак Масса рассказывает, что «Лжедимитрий, любя воинские упражнения, приказывал строить крепости для осады и обстреливания их пушками и однажды велел сделать для образца крепость, двигавшуюся на колесах, с несколькими небольшими пушками и разного рода огнестрельными снарядами. Он хотел истребить эту подвижную крепость

против татар и этим испугать как их самих, так и их лошадей. И действительно, это изобретение было очень остроумно. Зимой Дмитрий приказал для пробы выставить на льду реки Москвы эту крепость, и рота польских всадников должна была ее осаждать и брать приступом. Это зрелище царь мог отлично видеть сверху, из своего дворца, и ему казалось, что крепость вполне удовлетворяет его желанию. Она была прекрасно сделана и вся раскрашена: на дверях были изображены слоны, на окнах – вход в ад, извергавший пламя; в нижней части на небольших окнах, имевших вид чертовых голов, были поставлены маленькие орудия». Наивный Масса верил, что от такого остроумно придуманного изобретения татары тотчас пришли бы в замешательство и обратились бы в бегство! «Москвитяне, – оканчивает он, – назвали эту крепость адским чудовищем, и после смерти Дмитрия, которого они называли чародеем, говорили, что он на время запер там черта, впоследствии сожженного вместе с этой крепостью (и с трупом Самозванца)».

Вид с колокольни Ивана Великого

Эта замысловатая крепость была не что иное, как больших размеров Гуляй-город, весьма часто используемый в то время в наших военных действиях. Изобретательность Самозванца заключалась только в том, что он расписал красками этот городок в образе апокалипсического треглавого ада, для чего, вероятно, верх городка был устроен в виде трех башен в соответствии адовым головам.

Из описанных выше хором Самозванец, преследуемый по всем комнатам разъяренною толпою, выскочил в окно и упал на Житный двор, который расположен был под горою Кремля, под самым дворцом Самозванца. За несколько часов прежде, по тому же самому пути, отправлен был смелый обличитель его, дьяк Тимофей Осипов: изрубленный немецкою стражею на сених Лжедмитриевых хором, он был свержен оттуда вниз, где стояли житницы⁷⁰.

Царю Василию Ивановичу Шуйскому некогда было заниматься дворцом он выстроил только для себя и для своей царицы новые брусяные хоромы, потому что жить в опальном дворце Лжедмитрия было неприлично новому, законному государю.

После Шуйского настает Московская Разруха, которая не истребила царских палат страшным пожаром, как было прежде, при великом князе Иване Васильевиче и при внуке его, Грозном; но зато опустошила их так, что при вступлении на престол царя Михаила Федоровича дворец представлял самую грустную картину: от прежнего великолепия, которому так удивлялись посещавшие нас иностранцы, остались только голые стены, в самом точном смысле этого слова.

«На царском дворе,— говорит рукопись Филарета,— во святых Божиих церквах, и в полатах, и по погребам — все стояху Литва и Немцы и все свое скаредие творяху».

Так, в Грановитой палате жил известный Маскевич, оставивший нам такую живую картину московских происшествий этого времени. Следы пребывания поляков в царских палатах оставались до царя Михаила Федоровича. При вступлении его на престол все палаты и хоромы были без кровель, без полов и лавок, без окончин и дверей, так что новому царю негде было поселиться⁷¹. Отправившись в Москву в конце апреля 1613 г., он повелел Земскому совету изготовить к своему приезду Золотую палату царицы Ирины Федоровны, супруги царя Федора, с проходными сенями; еще другую палату с сенями же и все так называемые «Мастерские палаты», стоявшие между Золотою и церковью Рождества Богородицы, которые впоследствии составили нижний этаж каменных хором, существующих доньше под именем Теремного дворца. Для своей матери, инокини Марфы Ивановны, царь велел устроить деревянные хоромы супруги царя Василия Шуйского. На постройку этих палат и хором употреблены были, из-за недостатка леса, брусяные хоромы царя Василия. Между тем еще до царского указа Земский совет приготовил для государя палаты: Среднюю Золотую, Грановитую и старые хоромы, в которых жил царь Иван Васильевич, *что слыл чердак* (терем) первой супруги его, Настасьи Романовны. Все это, разумеется, делалось наскоро, при недостатке денег, плотников и леса, нужного для этих поделок. Но, несмотря на такие затруднения, дворец был отстроен должным образом, и молодой царь поселился в нем с матерью в конце апреля 1613 г. Трудно было царю Михаилу восстановить прежнее благолепие дворца. Московское государство, избравшее его, в течение десяти лет постоянно тратило свои силы и к концу было вовсе разорено, так что в начале его царствования не было средств к восстановлению прежнего порядка не только в государстве, но и в самой Москве, которая, как представительница русской жизни, в то время была так же или дотла выжжена, или разграблена до нитки... Предки наши очень верно прозвали эту несчастную эпоху в истории Москвы — Московской Разрухой.

*К. Вениг. Последние минуты Григория Отрепьева.
Самозванец и Басманов в утро 17 мая. 1879 г.*

Постепенно, по мере средств, которые были еще незначительны, царь восстанавливал Москву, причем и дворец также постепенно возобновлялся и устраивался. В 1615 г. иконописцы Ивашка да Ондрюшка Моисеевы расписывали уже в новые большие государевы хоромы, выстроенные еще в 1614 г., подволоки, или плафоны. В 1616 г. в тех же хоромых Серебряной палаты сторож Михалка Андреев делал литую вислую подволоку (потолок, плафон), которая была им же и вызолочена⁷². В январе того же года государь справлял новоселье в этих хоромых и наградил, вероятно, за постройку, плотников Первого Исаева, Салмана Пантелеева, Бажена Родионова. Потом над Золотою Меньшею, или Царицыною, и над Проходною палатами и на Постельном крыльце устроены новые кровли, деланные котельными мастерами, что и заставляет думать, что кровли были медные. В 1619 г., февраля 14-го, в царских хоромых случился пожар, последствия которого неизвестны; но можно догадываться, что царские деревянные хоромы были истреблены, потому что в 1620 г. дворцовый плотничий староста, Первой Исаев, выстроил для государя новые хоромы, новую Столовую избу и Постельную комнату, которые на другой год были украшены знаменьем и письмом, т. е. иконописью, или живописью в иконном стиле, известнейшими в то время иконописцами:

Прокопьем Чириным, Назарьем Савиным, Иваном Паисеиным, Осипом Поспеевым, травником Лукою Трофимовым и другими. В конце ноября того же года справлено в Столовой новоселье. В 1624 г. государь прибавил к своим хоромам две мыленки, избушку и сенничек, а в 1625 г. возобновил церковь Рождества Богородицы-на-Сенях с приделом св. Лазаря. В том же году за двором построены были каменные ледники и пивоварни, а над дворцовыми Куретными воротами – светлица – палата мастерицам, золотым и белым швеям, для которых подле этой палаты выстроено было также несколько деревянных светлиц на подклетах⁷³.

Но только что дворец приведен был в надлежащее устройство, как снова пожар опустошил его в 1626 г, 3 мая. В Кремле, кроме монастырей Вознесенского и Чудова,

*«двор государев и патриарший и в прииизах именных всякие дела
погореша, и казна, и конюшни, и житницы все, и все жила государевы
погореша».*

Но в то же лето, после пожара, дворцовый плотничий староста (так звали наших старинных архитекторов), тот же Первуша Исаев, поставил государю новые жилые Постельные хоромы, в которых 17 сентября царь справлял уже новоселье в новой Передней избе. Потом, в 1627 и 1628 гг., тот же Первуша Исаев выстроил новую Брусную Столовую избу. 23 ноября 1628 г. в ней, по обычаю, было также новоселье: царь угощал бояр обедом, а они, на новоселье, били ему челом, хлебом да солью, да парюю или даже целым сороком собольих мехов, смотря по достатку. Между тем как русский плотничий староста рубил государю новые деревянные хоромы, иностранный архитектор, палатный мастер Джон Талер, в 1627 г. возобновлял Сретенский собор и строил на сенях царицы новую каменную церковь во имя великомученицы Екатерины, на месте прежней деревянной, построенной в 1586 г. и сгоревшей в пожаре, о котором мы упоминали выше⁷⁴. Вообще, после этого пожара каменные постройки следуют одна за другою непрерывно.

По указу государя собраны были в это время из Ростова, Суздаля, с Белоозера и других мест все каменщики и кирпичники «для многих церковных, дворцовых и полатных каменных дел»; вызван был также «Голандския земли немчин, кирпичный мастер Рудирик Мартыс», который в кирпичных сараях под Даниловскою слободою «делал кирпичную ожигальную печь и над печью деревянный шатер, по своему немецкому образцу, и кирпич делал»⁷⁵.

В 1613 г. каменных дел подмастерья Антип Константинов да Трефил Шарутин выстроили на Кормовом дворце каменную поварню, на которую вода проведена была из Москвы-реки посредством водоподъемной машины. В 1633 г. часового и водовзводного дел мастер Христофор Галовой взвел воду с Москвы-реки в Свиблову башню, «а из башни тое воду привел на государев Сытный и на Кормовой дворец в поварни». С этого времени башня стала называться Водовзводною, от водяного взвода, или машины, в ней устроенной и с таким удобством доставляющей тогда еще чистую и здоровую москворецкую воду на царский обиход. Ниже мы увидим, что посредством этой машины во дворце была устроена целая система водопроводов и водовзводов.

Вознесенский собор и Спасские ворота

В 1635—1636 гг. государь выстроил для себя и для детей жилые, или покоевые, хоромы каменные,— что в царском быту для того времени было новостью, потому что собственно для жилья всегда предпочитались хоромы деревянные. Может быть, пожар 1626 г. понудил среди деревянных построек хотя бы одно жилье сделать более безопасным. Эти каменные хоромы были воздвигнуты на стенах старого здания, выстроенного еще Алевизом, а именно над Мастерскою палатой и над палатами подклетными, ряд которых тянулся дальше к церкви Рождества Богородицы. Прежде над этим подклетным этажом алевизовской постройки, между упомянутых двух приемных царицыных палат, Задней и Наугольной, т. е. Золотой Царицыной, стояли Постельные деревянные хоромы, на месте которых и возведены теперь три новых этажа с теремом наверху. Верхний этаж с теремом назначен был для малолетних царевичей Алексея и Ивана, что значится и в надписи, сохранившейся над входом доныне. Терем в то время назывался Чердаком и Каменным теремом, а в начале XVIII века — Золотым теремком, отчего и теперь все это здание называется Теремным дворцом. Все здание, таким образом, сохранило тип деревянных жилых хором и служит любопытным и единственным в своем роде памятником древнего русского гражданского зодчества.

В его фасаде и даже в некоторых подробностях внешних украшений остается еще многое, что напоминает характер древних деревянных построек. Таковы, например, каменные растески и рези в наличных украшениях окон; по рисунку они вполне напоминают резьбу из дерева. Но больше всего особенность деревянных построек, так повлиявшая и на каменные, раскрывается во внутреннем устройстве здания. Почти все его комнаты, на всех этажах, одинакового размера, каждая с тремя окнами, что совершенно напоминает великорусскую избу, до сих пор сохранившую это число окон. Таким образом, Теремный дворец представ-

ляет собой несколько изб, поставленных рядом и в несколько ярусов, с чердаком, или теремом, наверху. Сила потребностей и неизменных условий быта, среди которых жили наши предки, подчинила своим целям и каменное, довольно обширное, строение, которое давало возможность устроиться по плану, более просторному и более удобному для жизни, по крайней мере, по теперешним понятиям. Но само собою разумеется, что оно вполне отвечало тогдашним требованиям удобства и уюта, и мы будем несправедливы, если только со своей точки зрения станем рассматривать и осуждать наш старый быт и все формы, в которых он обнаруживал свои требования и положения. В 1637 г. эти новые каменные хоромы были отделаны окончательно: какой-то конюх Иван Осипов, по ремеслу златописец, наводил уже в это время сусальным золотом, серебром и разными красками на кровлю репы «да в те ж хоромы, во все окна (опроче чердака, т. е. терема) делал слюденые окончины».

В то же время, как строились эти хоромы (1635—1636), с их восточной стороны, над Золотою Меньшею палатою цариц, сооружен был особый домовый храм во имя Нерукотворенного Спаса Образа с приделом Иоанна Белогородского, тезоименитого царевичу Ивану.

В древности, как мы видели, такие храмы, обозначаемые выражением «что на сенях», составляли одно из необходимейших условий каждого отдельного помещения в царском быту. Сенные, верховые храмы находились и на царицыной половине, также у царевен и у царевичей, почему и постройка нового храма в этой части Дворца вызвана была единственно только новым отдельным помещением государевых детей. Площадка между Теремом и новой церковью образовала Передний каменный двор, с которого вниз на Постельное крыльцо вела лестница, запиравшаяся впоследствии золотой решеткой, отчего и церковь Спаса обозначалась: что за Золотою решеткою. Необходимо упомянуть, что и Теремный дворец, и церковь Спаса строили русские каменных дел подмастерья, по-нынешнему – архитекторы: Бажен Огурцов, Антип Константинов, Трефил Шарутин, Ларя Ушаков. В одно время с описанными постройками те же подмастерья выстроили над Куретными дворцовыми воротами новую каменную Светлицу, в которой должны были работать царицыны мастерицы, золотошвеи и белошвеи, со своими ученицами. В последние три года своего царствования Михаил выстроил еще какие-то дворцовые палаты и устроил новые хоромы на Цареборисовском дворе для датского королевича Волдемара, за которого хотел выдать дочь свою Ирину⁷⁶.

Таким образом, царь Михаил в течение тридцати двух лет своего царствования не только успел восстановить старый дворец, но и увеличил его новыми каменными и деревянными постройками, выроставшими по мере размножения царской семьи и развития потребностей быта, который, несмотря на силу предания, мало-помалу все-таки двигался далее вперед, предваряя в некоторых, хотя и незначительных, отношениях приближавшуюся реформу. Его сыну, царю Алексею Михайловичу, оставалось немного дела в отношении основных сооружений. И действительно, в его царствование мы не встречаем особенно значительных построек на царском дворе. Он возобновлял большей частью старое, перестраивал и украшал по своей мысли здания, построенные предками или его отцом. В первое время, когда ему было всего 17 лет, в 1646 г., т. е. спустя год по смерти отца, он построил себе новые Потешные хоромы, которые тогда срубил дворцовый плотник Васька Романов. Из других построек упомянем о более значительных. Так, в 1660 г. была возобновлена дворцовая палата, построенная, может быть, при Михаиле, в которой помещался Аптекарский приказ и Аптека. Каменных дел подмастерье Вавилка Савельев делал в ней окна и двери и

под старые своды подводил новые своды, а знаменщик, т. е. рисовальщик, Ивашка Соловей писал стенное письмо. Палата эта стояла недалеко от церкви Рождества Богородицы⁷⁷.

Царь Алексей Михайлович и его вторая жена Наталья Кирилловна. Гравюра с медали

В 1661 г. вместо старой Столовой избы государь выстроил новую и великолепно украсил ее резьбою, золоченьем и живописью в новом заморском вкусе, по *вымыслу* инженера и полковника Густава Декенпина, который под именем *вымысленика* приехал к нам в 1658 г.⁷⁸ Резные, золотильные и живописные работы исполняли уже в 1662 г. также иноземные мастера, большей частью поляки, призванные в Москву во время польской войны, а именно резчики, вырезавшие окна, двери и подволоку (плафон) – Степан Зиновьев, Иван Мирковский с учениками, Степан Иванов и живописцы: Степан Петров, Андрей Павлов, Юрий Иванов. В том же 1662 г., 1 апреля, на именины царицы государь справил большое новоселье в этой Столовой⁷⁹. Подобным же образом была украшена и новая Столовая царевича Алексея Алексеевича, построенная в 1667 г. В 1668 г. ее расписывали живописцы Федор Лидерский, Иван Артемьев, Дорофей Ермолин, Станислав Куткеев, Андрей Павлов; а резали ученики упомянутых выше мастеров, из которых Иван Мирковский размеривал для резьбы и живописи подволоку⁸⁰.

Так же впоследствии украшены были и новые Постельные хоромы, выстроенные царем в 1674 г. На трех плафонах этих хором государь велел написать притчи пророка Ионы, Моисея и об Эсфири. В 1663 г. каменных дел подмастерье Никита Шарутин отреставрировал во дворце соборную церковь Спаса Нерукотворенного Образа и заново переделал трапезу⁸¹. Без сомнения, трапеза была расширена по сравнению с прежней, потому что домовый храм Спаса при царе Алексее, жившем в теремных покоях, стал соборным и в этом значении заменил для царского двора древние соборы Спасо-Преображенский, Благовещенский и Сретенский. Примерно в то же время, вероятно, произведены были переделки и в теремном здании. В 1670 г. Передний Верхний двор, или площадка, находившаяся между этими покоями и церковью Спаса, была украшена медной вызолоченной решеткой, запиравшей вход с лестницы, которая вела в Терем с Постельного крыльца. Любопытно, что эта прекрасная решетка, сохранившаяся и доныне, была перелита из медных денег, выпущенных перед тем в народ и наделавших столько неудовольствий, убытков, смут и казней⁸².

В 1672 г. над зданием Аптекарской палаты был устроен театр, в котором с осени того же года магистр Яган Годфрид показывал комедию, или *комидейное действо*, со своей труппой из 26 человек комедиантов, мещанских детей⁸³. С этого времени Потешный дворец становится известным как новое особое отделение царского дворца, заменившее упомянутые Потешные хоромы и в особенности Потешную палату, существовавшую до того времени в государевых каменных хоромы именно в подклетном этаже теремного здания⁸⁴.

Ко времени царя Алексея Михайловича можно отнести и постройку церкви Спасова Нерукотворенного Образа, на сенях у царевен, сестер государя Ирины, Анны и Татьяны, хоромы которых стояли сзади дворца, у Куретных ворот, находившихся со стороны Троицкого подворья и Троицких кремлевских ворот. Церковь эта существовала уже в 1669 г., когда, по случаю смерти царицы Марьи Ильиничны, государь подал в нее сорокоуст для поминовения царицы. Она именовалась в это время: Спас, что слово Новая церковь; Спас Новая церковь, что у Троицкого подворья; также Спас у царевен на Сенях. После стали ее обозначать: что у Куретных ворот, что над Куретными воротами.

В истории государева дворца царствование Алексея Михайловича замечательно потому, что с этого времени в царский дворец вошло много разных изменений, которые до этого или очень мало, или даже совсем не были известны. Важные последствия в этом отношении принесла польская война 1654—1667 гг, когда царь сам лично

*«поволил итти на недруга своего и супостата, польского и литовского
короля Яна Казимера, за его многие неправды и за крестопреступление».*

Счастливое начало этой войны довольно известно. Войска, воодушевляемые личным присутствием царя, взяли – кроме многих других, менее значительных городов – Смоленск, Витебск, Могилев, Полоцк, Вильно, Ковно, Гродно; пребывание царя в некоторых из этих городов, и особенно в Вильно и Полоцке, познакомило его с совершенно новым образом жизни. По свидетельству Коллинса, царь с этого времени стал преобразовывать двор, завел даже театр, как мы упоминали. Вызвав из всех посещенных им городов многих ремесленников и художников, он использовал их искусство и труды для украшения своего дворца, для чего и причислил их всех к замечательному в то время дворцовому художественному и ремесленному заведению, известному под именем Оружейной палаты, из которой они получали достаточно большое содержание. Более того, государь отдал им в науку русских учеников, которых они должны были выучить всему, что сами знают.

С этого времени характер украшений дворца во многом изменился. Внутри дворца появились обои (золотые кожи) и разного рода мебель на немецкий и польский образец. Характер резьбы по дереву, так часто используемый во всех внутренних и внешних украшениях дворца, также изменился. Обыкновенную русскую резьбу по поверхности дерева заменила фигурная немецкая резьба во вкусе немецкого рококо, как можно судить по дошедшим до нас памятникам из домашней утвари того времени.

После смерти Алексея Михайловича продолжателем всех его начинаний был его сын, царь Федор, который в недолгое царствование, продолжавшееся шесть с небольшим лет, весьма обновил дворец и расширил новыми постройками. Новые отделения во дворце были необходимы. Царь Алексей Михайлович оставил после себя многочисленное семейство, которое еще при нем требовало более просторного помещения.

Царь Федор Алексеевич

По вступлении же на престол его сына Федора, занявшего жилище своего отца, потребовалось отделить особые хоромы для вдовствующей царицы Натальи Кирилловны с ее малолетним сыном, царевичем Петром. Государевы хоромы стояли у Терема подле западной стены Евдокеинской теремной церкви; сюда же перенесены были и хоромы царицы, и перед хорами был разведен комнатный сад; а дальше тянулся ряд хором царевниных, тоже с садом. На сених у царевен, кроме перестройки их хором, государь возобновил церковь Спасова Нерукотворенного Образа и построил над ее трапезой новый храм во имя Успения Богоматери, освященный в день Успения, 15 августа 1680 г.

В 1681 г. государь построил для своего брата Ивана Алексеевича также новые деревянные хоромы. В то же время (с 1677 г.) царь Федор Алексеевич обновил и свой Каменный верхний Терем со всеми церквами, которые находятся на сених этих хором, соединенные с собором Спаса Нерукотворенного. Возобновлен был также и этот собор и расписан снаружи, со стороны алтарей, *аспидом розными цветами* (под мрамор). Над приделом Иоанна

Белоградского (ныне Иоанна Предтечи) он надстроил небольшой придел в честь Распятия, украсив его медным вызолоченным иконостасом. Церковь Распятия возвышалась в уровень с кровлей Грановитой палаты, так что к ее алтарю был ход с этой кровли.

Затем перестроена была церковь Рождества Богородицы. К ней приделали новую трапезу; собрали с нее главы и по сводам выверстали площадь наравне с площадью, которая находилась у терема под новыми хоромами; на этой площади, устроенной таким образом над церковью и над трапезой, построили новый пятиглавый храм, во имя Сошествия Св. Духа, с небольшим приделом с северной стороны. В 1679 г. государь перестроил также церковь Похвалы Богородицы на новом Потешном дворе, здание которого, сохранившееся доньше, было построено в это же время.

Из больших палат в 1681 г. были перестроены две Набережные, *Ответная* и *Панихидная*. Столовая изба и при ней сад, между Средней Золотой и алтарями Спасо-Преображенского собора, были разобраны и на их месте выровнена площадь. Столовая была перенесена в возобновленную Панихидную палату, которая и именовалась с этого времени Столовою. Между церковью Иоанна Предтечи и Колымажными дворцовыми воротами в двух палатах, где были Резные и Столярные палаты, перенесенные в другое место, помещена царская Аптека.

После смерти Федора Алексеевича, в ноябре 26-го числа 1682 г. сгорела часть обновленного им дворца, примыкавшая ко двору патриарха: деревянные хоромы царя Петра Алексеевича и хоромы царевен; Успенский собор, на котором сгорела кровля и в главах оконницы, так что все значительные иконы и мощи чудотворцев вынесены были в это время в Архангельский собор. В 1683 г. на месте погоревших хором для царя Петра и его матери, царицы Натальи Кирилловны, были выстроены деревянные хоромы, а для царевен Софьи, Екатерины, Федосьи и др., живших после пожара на Потешном дворе, – каменные палаты о трех жителях, т. е. этажах, из которых в нижнем была устроена комната, *где сидеть с бояры – слушать всяких дел*: явление, по тому времени не совсем обыкновенное на женской половине царского дворца, и особенно на половине царевен, но весьма понятное, если мы скажем, что эта думная комната устроена была по назначению царевны Софьи Алексеевны. В одно время с этими палатами, в 1684 г., построена на Кормовом дворце, возле новых хором царя Петра и его Верхнего Красного сада, новая церковь – во имя св. апостолов Петра и Павла, тезоименитых царю. В июне того же года велено было написать в эту церковь местные пророческие и праотческие иконы и сделать иконостас, позолотив его сусальным золотом.

А. Васнецов. Расцвет Кремля. Всехсвятский мост и Кремль в конце XVII в.

В 1682 г. на площадке между теремами и церковью Сошествия Св. Духа выстроены для царей новые Брусяные хоромы. В 1683 г. в Меньшей Золотой палате для подкрепления Верхо-Спасского собора под своды подведены были крестообразно каменные *перететивья*, которые хотя и обезобразили эту древнюю палату, но зато спасли ее от неминуемого разрушения; потом в палатах Грановитой, Золотой Средней, Ответной и других исправлены все ветхости и возобновлено также Красное крыльцо.

В конце XVII ст., пред единодержавием Петра, дворец достиг самого цветущего состояния, какого не достигал он ни в одно из предыдущих царствований. В это время его обширность и относительное величие вполне выразили характер древней царской жизни во всем ее блеске и царственном просторе, и с этого же времени начинается постепенное его запустение и разрушение. В год смерти последнего старинного московского царя Ивана Алексеевича, в то время как Петр работал под Азовом, 6 июня 1696 г. на дворце сгорели государевы хоромы. В 1701 г., 19 июня, новый пожар опустошил весь Кремль. Хотя каменные здания и были возобновлены, но погорелые их стены не были уже достаточно прочными, так что через полстолетия пришли в совершенную ветхость и были разрушены прежде других старинных зданий. Живые следы этого пожара в дворцовых зданиях оставались еще и в 1722 г.

Расположение дворца, сохранив первоначальные древнейшие черты, получило в XVII ст., при увеличении царского семейства, более широкие размеры. Мы уже замечали, что все здания государева дворца по своему назначению делились на три типа: постельные, или жилые, хоромы, палаты, или парадные залы, и, наконец, все здания, в которых помещались различные заведения царского хозяйства. Во второй половине XVII ст. жилые летние покои государя находились в нынешнем Теремном дворце, а зимние – в деревянных хоромашах, стоявших подле Терема, одни у церкви Рождества Богородицы, другие у церкви Живонос-

ного Воскресения; с этой же восточной стороны Терема в разных местах стояли деревянные хоромы цариц и царевичей и больших и меньших царевен. Большие палаты, Грановитая, Золотая и др. примыкали к площади между соборами, а все хозяйственные здания расположены были в разных местах вокруг дворца, так что весь юго-западный угол Кремля, от Тайницких и до Троицких ворот, занят был дворцовыми строениями.

Благовещенский собор в Москве

Лицевая сторона дворца выходила на площадь между соборами, которая, подобно площади Китай-города, также иногда именовалась Красной. На эту действительно замечательную площадь дворец выдвигался самой большой и красивой из своих палат, Грановитой палатой, с лестницей возле нее, которая вела на Красное крыльцо и Передние переходы, простиравшиеся от угла Грановитой палаты до паперти Благовещенского собора. В глубине, между палатой и собором, на середине переходов, стояла Золотая Средняя палата, к которой прямо к дверям ее сеней вела с площади другая лестница, Средняя, известная в конце XVII ст. под именем Золотой лестницы и Золотой решетки. Третья лестница, приводившая на те же переходы Красного крыльца, находилась в паперти Благовещенского собора и называлась Благовещенскою.

Неподалеку от Благовещенской лестницы, между Благовещенским и Архангельским соборами, отдельно стоял Казенный двор, сохранявший государеву казну – серебро и золото в разных вещах, большею частью в посуде, которой украшались по-честные царские столы; также дорогие золотые, серебряные и шелковые ткани; огромный запас сукон и других шерстяных и бумажных тканей; огромный запас мягкой рухляди: дорогих собольих, также куньих, беличьих и других легких мехов, которые употреблялись в то время на одежду. Для отделки мехов во дворе, с южной стороны Архангельского собора, находилась Скорняшная

палата, к которой был и особый ход за собором. Вообще на Казенном дворе сохранялась всякая домовая казна, которая употреблялась на обиход государев, а также в раздачу годового жалованья и в награду за службы. Здесь же в Образовой палате хранилось множество икон, крестов, ковчегов со св. мощами и разной другой святыни. Казенный двор соединялся с дворцом переходами с западной стороны Благовещенского собора и особыми палатами, которые примыкали к собору с южной стороны.

Войдем в старый дворец по главной лестнице у Грановитой палаты. Эта лестница состояла из 32 ступеней и была вымощена ступенным белым камнем, а поверх него железными плитами. Она делилась на четыре доли тремя рундуками, или площадками, отдыхами, в ширину была 3 сажени. По левой стороне от взохода она была ограждена каменными, украшенными резьбою перилами, покрытыми каменною лещедью⁸⁵. У каждой площадки на этих перилах был помещен каменный вызолоченный лев, всего три. Вся лестница была покрыта медной кровлей, которая над двумя нижними площадками была сделана в виде красивых шатров с орлами наверху, а верхняя площадка была покрыта бочкой. Шатер над нижним рундуком, или площадкою, был основан на резных каменных столбах, сомкнутых вверху сводами в виде портика, над которыми красовались золоченые резные орлы.

В пожар 1696 г. шатры сторели и с того времени уже более не устраивались. Вся лестница осталась открытой, хотя само собой разумеется, что древние кровельные шатры лестницы должны были скрывать от всенародных очей торжественные царские выходы из дворца. Эта лестница еще со времен царя Федора Иоанновича именовалась Золотой, вероятно, потому, что была расписана золотом и красками и имела золоченую кровлю, особенно в шатрах. В XVII ст. ее называли, кроме того, Большой и Красной. У входа она запиралась железной решеткой, покрытой также красками и золотом.

По лестнице поднимались прежде всего на Красное крыльцо, как в собственном смысле называлась небольшая площадь перед входом в Грановитую палату.

По линии Передних переходов, начиная от Красного крыльца к Благовещенскому собору, стояли следующие палаты:

Палата Шатерная, кладовая, в которой сохранилась шатерная казна, всякого рода походный и хормный наряд и убор, царские шатры и ставки, выходные государевы места, род балдахинов, и т. п. Окна и двери этой палаты выходили на Постельное крыльцо.

Рядом с Шатерной находилась Золотая Средняя палата.

Позади палаты, на Спасском дворце, стояла Столовая Брусная изба с сенями и с переходами, или крыльцом, которое называлось также Столовым. Она была покрыта высокою шатровою кровлею с орлом вверху, которая с Соборной площади была видна над кровлею Золотой палаты; она построена на месте великокняжеского терема и вначале называлась Малой, в отличие от Большой, т. е. Грановитой. В ней, по древнему обычаю, после царских панихид, бывали сборы большие, или собрания духовенства, которому предлагались здесь царские поминовенные обеды, отчего она и получила наименование Сборной Панихидной. (В ней бывал патриарх и все власти.)

Далее, по Набережной стороне к западу, стояла Ответная Посольская палата, служившая своими стенами продолжением стен Сборной, или Столовой, палаты.

В конце XVII ст. пол в ней был гончарный каменный, набранный узорами вроде мозаичного. В этой палате происходили совещания и беседы бояр с иноземными послами, которые получали здесь царские ответы, или решения посольских дел, отсюда и название палаты Ответной и Посольской. Для того чтобы государю было удобно слушать эти совещания, в

палате был устроен тайник с особым окном и с круглой потайной лестницей со стороны переходов и крыльца к Спасу во двор.

Эти две Набережные палаты и со своими сенями, как отдельная постройка, были покрыты особою общею для них кровлей. С Набережной стороны возле этих палат был расположен Нижний Красный Набережный сад с круглой башней на углу к Тайницким воротам.

Таков был лицевой, передний, отдел дворцовых зданий, заключавший в себе одни только приемные палаты.

Дальше по Набережной стороне дворцовых зданий, через небольшую площадку, стоял Сретенский собор, за которым следовал особый корпус с разными палатами, простиравшийся до церкви Иоанна Предтечи. Возле Сретенского собора и этого корпуса под горой помещался Запасный двор, над каменными палатами которого был расположен обширный Верхний Набережный сад.

Жилые помещения государя и его семейства, под именем Постельных хором, были расположены в сохранившемся до нашего времени так называемом Теремном дворце, частично в его каменных комнатах, а более всего в деревянных хоромашах, находившихся или над самым его зданием, или рядом, соединенным с ним особыми переходами. Необходимо заметить, что здание Теремного дворца составляло, так сказать, становой хребет дворцовых зданий, самую середину всего пространства, занятого дворцовыми постройками. Оно делило это пространство на два отдельные большие двора, из которых один двор, главный, с южной стороны от Терема, был расположен около древней церкви Спаса-на-Бору, с двумя воротами, передними от Соборной площади и задними к Боровицким кремлевским воротам, называвшимися Колымажными. Другой, собственно хозяйственный, или служебный, Задний двор, с северной стороны Терема, простирался к кремлевским Троицким воротам, с одними воротами – Куретными. Он, в свой черед, делился на два двора, или дворца: Кормовой и Хлебный.

С этого двора от Спасской церкви по Постельной лестнице в 42 ступени с двумя рундуками, или площадками, входили на Постельное крыльцо. Так именовалась обширная площадь, занимавшая угол между зданиями Теремного дворца и Грановитой палатой. В длину эта площадь простиралась на 17 сажений, в ширину на 12 сажений. Почти на самой середине площади возвышалась каменная же большая лестница, по которой всходили к государевым покоям в Теремном дворце. В XVII ст. она прозывалась Золотой, также Золотым крыльцом и Золотой решеткой, потому что вверху была ограждена узоловатою, т. е. узорочною, сквозною решеткой, расписанной золотом и красками.

Все обширное пространство площади Постельного крыльца именовалось также Боярской площадкой, потому что здесь обыкновенно собирались и постоянно толпились стольники, стряпчие, жильцы, дворяне московские и городовые, полковники и вообще служилое дворянство или все те, которым был дозволен сюда вход.

Здесь, сходя с Верха, из комнат государя, дьяки сказывали во всеуслышание царские указы о назначениях государевой службы. Стольники, здесь собиравшиеся, в отличие от комнатных, которые, по близости к царской особе, могли входить в его комнаты, назывались площадными.

Шереметев. Посольский двор

В 1677 г. прямо против входа на Постельное крыльцо, у деревянной переграды, отделявшей Боярскую площадку от Золотого крыльца, стояла большая картина, писанная по полотну и изображавшая притчи, т. е., вероятно, что-либо аллегорически-назидательное для собиравшейся здесь дворянской толпы, именно в смысле почтения к месту, которое служило входом в царское жилище.

Обширная площадь Постельного крыльца была расположена перед тем ярусом Теремного дворца, который был построен еще Алевизом над подклетами и белокаменными погребями. Крайняя палата к востоку, выходившая угол в угол к Грановитой палате и, следовательно, к фасаду дворцовых зданий, с XVI ст. становится известной под именем Золотой Царицыной палаты, в которую вход был из ее сеней. В древнее время и в начале XVII ст. эта проходная палата называлась также Жилецкой, так как в ней собирались обыкновенно дежурные дворяне-жильцы⁸⁶. Впоследствии это помещение для жильцов было переведено в подклетный этаж, находившийся под площадью Постельного крыльца, где был старый жилецкий подклет, в котором иногда стегали дворян батогами за неправильные споры по местничеству⁸⁷ и за другие провинности или сажали, здесь же, под арест в глухую палатку⁸⁸.

Жилец 1674 г.

Из тех же сеней Царицыной Золотой палаты налево дверь вела в Мастерскую палату, как называлось целое дворцовое ведомство, сохранявшее и изготовлявшее все наряды и уборы царской одежды, как и одежды царицы и царских детей и всего их постельного обихода. Мастерская палата занимала своими мастерскими и кладовыми ряд комнат, следовавших далее к западу от упомянутых сеней до церкви св. Лазаря, находившейся под церковью Рождества Богородицы. Возле церкви Лазаря, как упомянуто выше, в XVI ст. в этом же этаже Теремного дворца стояла особая палата, Задняя, приемная вел. княгини Елены, матери Грозного. В своих стенах она должна сохраняться и до настоящего времени, обращенная в

помещение для придворных лиц. Вокруг всех помянутых палат протягивались переходы в 3 аршина шириною, соединявшие все помещения между собою.

В XVI и в XVII ст., до постройки Теремных покоев, над этим алевизовским (вторым) этажом дворца помещались деревянные хоромы государевы у Постельного крыльца и царицыны, ближе к церкви Рождества Богородицы, составлявшие третий ярус здания.

С Постельного крыльца в эти хоромы, как упомянуто, вела Золотая лестница, огражденная у самого входа на государев Передний каменный двор золотою узоловатою решеткою с тремя створчатыми дверями, вышиною в 3, шириною около аршина.

Передний двор представлял площадь между церковью Спаса за Золотою решеткою и зданием Терема. Прямо против входа на этот двор с Постельного крыльца в двери Золотой решетки, у переграды, отделявшей двор от переходов в другие церкви, стояла (с 1677 г.) большая картина, писанная на полотне живописцем Ив. Салтановым и изображавшая Видение царя Константина, како явился ему Крест.

Возле этой картины налево находилось каменное Переднее Золотое же крыльцо с лестницею под красивою шатровою кровлею, устроенною над верхнею его площадкою, которое вело в Передние проходные сени (ныне столовая, или трапезная, комната). Из этих сеней входили в Переднюю палату (ныне соборную, или гостиную), называвшуюся иногда, по старому понятию, Переднею избою. Когда в конце XVII ст., вероятно, при царе Иване Алексеевиче, проходные сени переустроены были в Переднюю, то и Передняя была переименована в Крестовую.

Далее следовала комната, собственный кабинет государя, которая при царе Михаиле называлась Золотою, а при царе Алексее Мих. известна была по преимуществу под именем Комнаты⁸⁹.

За комнатою находилась последняя комната, Крестовая, или Моленная (ныне опочивальная), называвшаяся иногда просто третьею. В ней была отгорожена небольшая комната, известная под именем четвертой, где находилась опочивальня, или почивальня, вроде алькова, или по-русски чулан. (Ср. итальянское *cella* – келья.) Возле сеней государевой комнаты и упомянутой четвертой, со стороны Кормового дворца, находились две комнаты, где ставили с кушаньем, т. е. где находился царский буфет.

Верхний пятый ярус этого здания представлял одну обширную залу длиною около 7 сажений, шириною около 3 сажений, с 13 светлыми окнами со всех четырех сторон. Он назывался Каменным Чердаком, или, в собственном смысле, Теремом, по сторонам которого обширные площадки к Спасской и Рождественской церквям и переходы с других двух сторон именовались Верхним каменным двором. Наружные стены Терема и государевых покоев и до сих пор сохраняют богатые украшения из разноцветных изразцов.

В этих хорах воспитывался и жил царь Алексей Михайлович, а потом его сыновья, царь Федор и царь Иван Алексеевичи; в них до первого своего путешествия за границу останавливался иногда царь Петр Алексеевич; последним обитателем Теремов был царевич Алексей Петрович.

У хорм, как следовало в деревянных постройках, был тоже и свой подклетный ярус, третий во всем здании, где находились разные служебные и деловые комнаты и где жили некоторые из ближних людей к особе царя. При царе Михаиле, в малолетство царя Алексея, здесь помещалась и Потешная палата, занимавшая особую комнату под Теремными покоем. Под четвертою комнатою была устроена государева мыленка, в которую государь хаживал по потайной лестнице, сохранившейся донныне. Небольшая палатка, где помещалась мыленка, вся была выложена и опаяна свинцовыми досками, для того чтобы вода не могла пройти сквозь своды в нижний этаж.

Над тем же подклетным этажом, к Рождественскому собору, на уровне Теремных покоев, находилась площадь, на которой стояли хоромы придворных богомольцев, столь любимых царем Алексеем Михайловичем.

Лицевая сторона Теремных покоев была обращена во Двор к собору Спаса Преображения, или к Набережной стороне дворцовых зданий, к югу.

С внутренней, северной стороны, Теремного дворца к нему, именно к государевым покоям и к церкви Спаса за Золотою решеткою, примыкали каменные и деревянные хоромы цариц и царевен, т. е. всей женской половины царского семейства с их домовыми церквями. С восточной стороны их линия примыкала к Патриаршему двору. С Теремным дворцом они соединялись многими открытыми площадками и переходами и крытыми сенями, расположенными на уровне площадей и переходов, какие существовали у Теремного дворца, а потому и самые этажи этих хором высились соответственно этажам Терема.

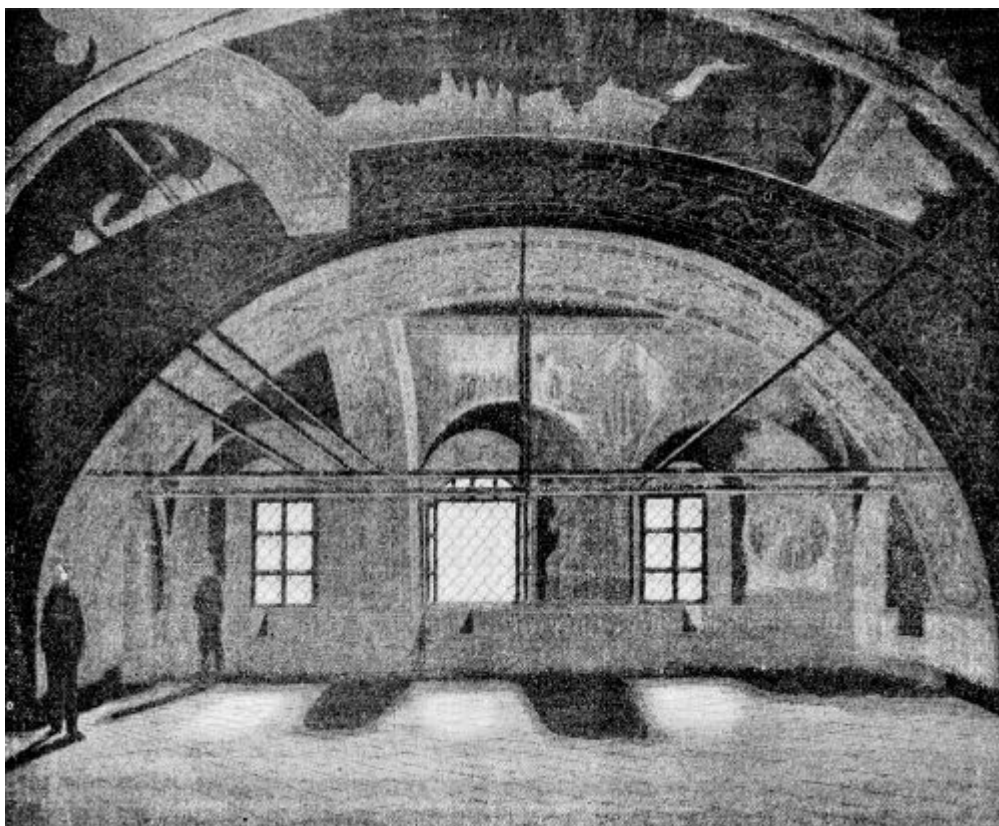
Возле Терема, в уровень с его комнатами, на расстоянии от него 10 саженей, в конце XVII ст. находились хоромы царицы Натальи Кирилловны с малолетним сыном Петром Алексеевичем, деревянные, построенные на каменных стенах и столбах, среди которых помещались их разные служебные палаты. В этом ярусе на северо-западном углу стояла церковь Петра и Павла, каменная, занимавшая место в длину и с трапезою с лишком 9 саженей и в ширину около 4 саженей. Она высилась над всеми другими зданиями внутреннего двора на уровне с Теремом государя. Церковь была пятиглавая, главы и резные железные кресты были вызолочены, кровля была из кованого железа. Напротив алтаря была расположена площадка, на которой был разведен сад, огороженный балясами, с небольшим прудом. Возле народилась еще Потешная площадка царевича Петра. Под хорами царицы в нижнем этаже находилась Мастерская палата царицы и три палаты, в которых жили государевы богомольцы⁹⁰.

В том же направлении, к северу от Теремного дворца, от Золотой Царицыной палаты и стоявшей возле нее церкви св. Екатерины, были расположены к стороне Патриаршего двора хоромы царевен, меньших, дочерей царя Алексея, и больших, старших, их теток, дочерей царя Михаила Федоровича.

Комнаты распределялись по отделам для каждой царевны особо, причем перед каждым отделением или особым жильем находились особые сени. В упомянутом угловом отделении было три комнаты с сенями и небольшими сенцами при самой Наугольной комнате. Второе отделение состояло также из трех комнат с особыми сенями. Затем следовали, как особое отделение, две комнаты, в которых жила старшая царевна Татьяна Михайловна. Возле ее комнат находилась мыльня деревянная, окладенная в каменных стенах.

Такое же почти распределение комнат существовало и в верхнем ярусе хором.

Все комнаты были одного размера, обычного для великорусской крестьянской избы, около 8 аршин в квадрате; каждая рядовая имела по два окна двойных и в угловых по 4 окна, печи изразцовые, полы дубовые, косячатые или кирпичные (косяками или прямоугольниками и квадратами). Обширные сени при каждом особом жилье имели значение наших зал и служили для домашних девичьих игр и разных увеселений. Сени соединялись с нижними помещениями посредством круглых лестниц, находившихся в каждом отдельном жилье.

Золотая Меньшая, или Царицына, палата в Московском Кремлевском дворце

Перед окнами царевен в среднем ярусе их хором был расположен сад, который продолжался и узкой полосой под самыми окнами царевен, быть может, только для устройства цветников.

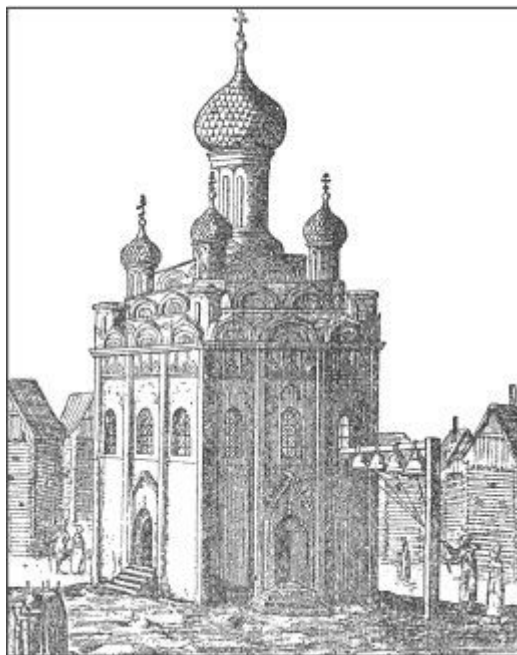
Наискосок от этих хором стоял особый небольшой корпус, в котором в конце XVII ст. жила вдовствующая царица Марфа Матвеевна (Апраксина)⁹¹. В верхнем ярусе было три комнаты такой же меры, обширные сени и по сторонам их еще две комнаты, из которых одна была спальня; в среднем жилье комната да спальня и сени, из которых лестница круглая вела в верхние комнаты и в нижние подклеты. Возле отдельно стояла мыльня и две палатки, одна из них – Стряпушая. В расстоянии двух сажен от этих хором в среднем ярусе стояла церковь Спаса Новая (во дворце, названная так в отличие от Спасского же храма, что за Золотую решеткою), а над нею возвышалась церковь Успения Богородицы. С южной церкви Спаса была устроена небольшая паперть, около двух сажен в квадрате, в которой стояло место царицы Марфы, обитое вишневым сукном. В известные дни, не входя в церковь, царица слушала здесь церковную службу в окно. Для зимнего времени в этой комнатке находилась и печка ценинная⁹².

К верхней Успенской церкви приходом служил верхний ярус царицыных и царевниных хором. Таково было размещение вдовствующей царицы и больших и меньших царевен в верхних ярусах их хором.

Московский Кремль

Нижний, или подклетный, этаж описанных зданий, начиная от Светличной лестницы, заключал в себе: 1. Портомойные палаты, находившиеся возле Куретных ворот. 2. Переходы от Светличной лестницы к Теремному дворцу. 3. С этих переходов направо, под церковью Петра и Павла и под хорами царицы Натальи Кирилловны, находилась Мастерская палата царицы, заключавшая в себе сени, приводившие в палату, где сидели судьи и где было место судейское, обитое красным сукном; потом палату Мастерскую, палату еще Судейскую и три Казенных палаты, где хранилась царицына казна. В портомойных палатах портомой (прачки) мыли царское белье. Над палатами возвышались портомойные решетчатые сквозные чердаки, в которых это белье сушилось, украшенные решетками, прописанными постеклячатоу. На Москве-реке у Водовзводной башни был портомойный плот, где полоскали белье, а на берегу стояла портомойная изба с разными принадлежностями для этого плота. В Кремлевской стене в этом месте находились особые малые ворота, называвшиеся портомойными, потому что через них носили на реку белье.

Успенский собор в Москве

Не более как на четыре сажени от западной стены церквей Спаса и Успения находились Куретные дворцовые ворота, отчего и церкви иногда обозначались выражением, «что над Куретными вороты». Над самими воротами стояла большая каменная Светлица с большими проходными сенями, а подле нее – несколько малых светлиц, в которых работали мастерицы-белошвеи и золотошвеи со своими ученицами. Существовавшая здесь у ворот лестница к этим светлицам и к хоромам царевен и царицы Марфы называлась Светлишной.

Затем от этого угла протягивался длинный каменный корпус в три этажа по направлению к церкви Рождества Богородицы и далее до самых Колымажных дворцовых ворот, стоявших к стороне Боровицких кремлевских ворот и вблизи древнейшей церкви Иоанна Предтечи.

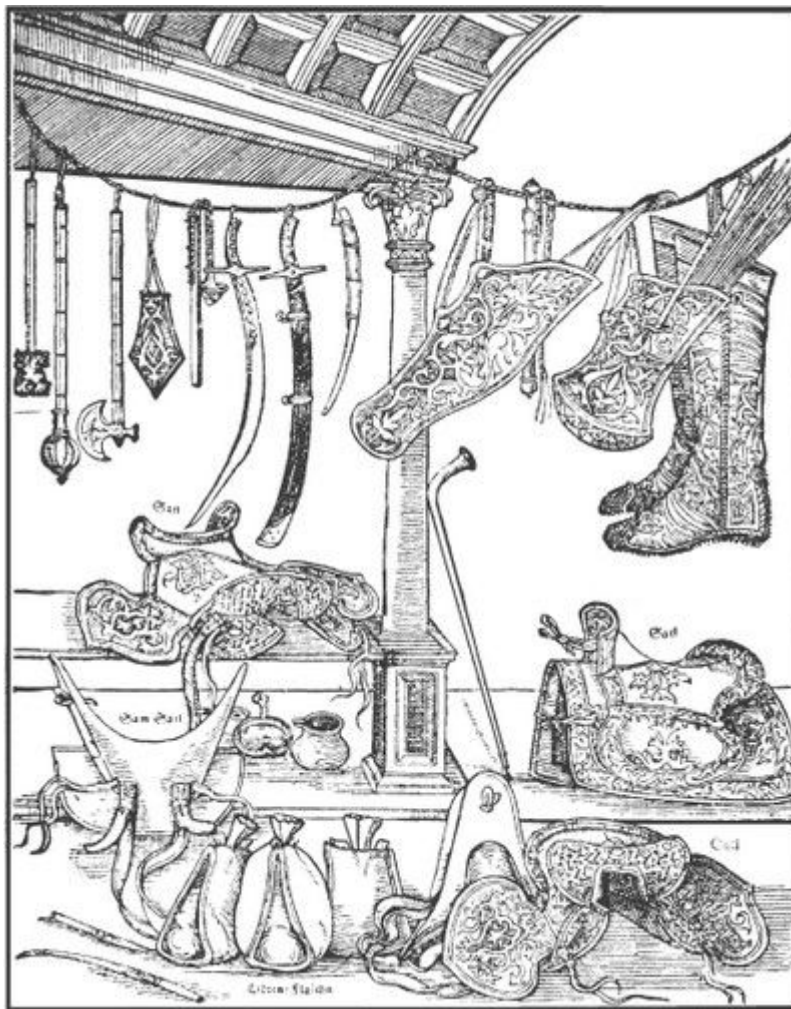
Над самым углом указанного корпуса, обращенном, как упомянуто, к Троицким кремлевским воротам, высились как терем особые Государевы каменные же хоромы, составлявшие самый верхний, четвертый, ярус этого корпуса и расположенные также углом. Они заключали в себе, начиная со стороны Куретных ворот, сени, Переднюю палату, подле нее – Комнату Наугольную, к которой примыкали опять сени к особой Комнате, имевшей и с другой стороны также сени. Окна во всех комнатах были большие, вышиною и шириною по 2 аршина, со слюдяными оконницами. В 1722 г. эти Государевы хоромы, погоревшие во время пожара 1701 г., оставались в полном запустении, не покрытые даже и кровлею. Когда именно и для какой царской особы были построены эти хоромы, неизвестно. Они возвышались над дворцовыми зданиями в уровень с существующим доселе государевым Теремом, подобно наугольным же хоромам царицы Марфы Матвеевны.

А. Васнецов. Красная площадь во второй половине XVII в.

Под этими угловыми хоромами и дальше по направлению к Рождественской церкви в третьем и во втором этажах того же длинного корпуса были размещены палаты разных художеств и ремесел, составлявшие одно ведомство под именем Оружейной палаты.

Оружейная палата с приказом заведовали всею искусственной частью в домовом обиходе царей, как-то: художеством иконописным или живописным, к которому относилось и золотарное дело по дереву; золотым и серебряным делом; резным и токарным делом из дерева и кости; столярным делом; бранным, наводным, резным железным делом и т. д. Некоторые производства, по своей величине или особому значению, составляли отдельные приказы, например, существовал особый приказ Ствольный, приказ Золотого и Алмазного дела, приказ Серебряный и др. Каждое производство помещалось в особых Мастерских палатах и светлицах, которые находились частично в этом же здании, а частично в других отделениях дворца. В Иконной палате работали иконописцы, живописцы, знаменщики (рисовальщики), левкащики, золотари. Для более искусных работ живописных был построен особый Иконный терем, стоявший в Набережном отделении дворца, отчего и назывался Набережным. Там же находились, как было упомянуто, Резные и Столярные палаты. В Золотой палате работали золотых дел мастера и ювелиры; в Серебряной палате – серебряники; в Ствольном приказе – самопальные мастера, мастера ствольного дела, станочного, замочного, сабельного, лучного, стрельного, панцырного, ножевого и разных других дел.

Оружие, конская сбруя и дорожная утварь русских воинов.

Из латинского издания книги барона Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии». Базель, 1556 г.

Собственно Оружейная, или *Оружничья*, палата была дворцовым государевым арсеналом, где в особых комнатах и кладовых хранилось государево оружие, государевы доспехи и всякая оружейная броня, состоявшая из шлемов, или шоломов, шишаков⁹³, булатных шапок – мисюрок⁹⁴ и ерихонок⁹⁵, стальных и булатных зеркал, или лат, кольчуг, юшманов⁹⁶, бахтерцов⁹⁷, наручей⁹⁸, бутурлыков⁹⁹, украшенных золотой насечкой, а нередко и дорогими камнями. Здесь хранились богатые выездные государевы саадаки, т. е. налучи и колчаны, украшенные золотом, серебром, эмалью и дорогими камнями; булавы, пернаты¹⁰⁰, шестоперы, мечи, сабли, кинжалы, ножи, щиты, копья, бердыши, топоры, или секиры, также пищали (ружья), пистолы, даже пушки и т. д. В числе разного боевого оружия здесь же сохранялся запас оружия церемониального, употреблявшегося во время разных торжеств, а именно протазаны, алебарды, копья, кончары (род мечей), посольские топоры и т. п. Кроме того, в Оружейной палате хранились и изготовлялись полковые знамена, государевы великие стяги, прапоры и вообще разные предметы полкового боевого и церемониального вооружения.

Старинное русское вооружение

Для помещения драгоценной оружейной брони и другой различной оружейной казны или всяких дорогих предметов в этом здании была отделена особая, более других, обширная палата, которая так и называлась: Казенною, или Палатою Большой казны. Она была украшена стенописью, а для размещения сохраняемого оружия в ней по местам стояли рундуки (особые поставцы) с гребнями (род карнизов) наверху. Здесь первым предметом среди разного оружия был царский скипетр, золотой, убранный дорогими камнями и покрытый финифтью разных цветов, превосходной работы, быть может, мастеров Оружейной же палаты.

Хлебный дворец изготовлял разного рода печеный и пряженный хлеб¹⁰¹, гладкий, т. е. обыкновенный, и изразчатый, т. е. украшенный разными образцами, печенный в формах в виде различных фигур, каковы, например, были жаворонки, карасы и т. п., и простые: папошники¹⁰², сайки, калачи, баранки, сухари, перепечи, куличи, караваи, а также пироги разных наименований и масленичные ествы¹⁰³, т. е. пряники, и *сахары*, или конфеты.

Приспешные палаты и под ними погребя Хлебного дворца находились у Куретных дворцовых ворот и заключали в себе: Ключную, или Ключничью, палату, в которой сидели степенные ключники – распорядители Хлебного дворцового обихода; палату Купецкую, где сидели купчины, закупавшие всякие хлебные припасы; Светлицу, в которой отпускали хлебные ествы; палаты Хлебные Стряпушие, в которых, в одной особой, пекли про великих государей хлебы приказные, т. е. что государи по желанию прикажут; в других припасали всякого рода хлеб обычный; палаты Мучные с закромами; палаты и сушила, в которых ссыпали разное зерно, пшеницу, горох, крупу, конопель и пр.; *Бурникову избу*, хотя она была такая же палата, в которой пекли для государя папошники, недомерки, кольца ситные; далее палату Овощную, или Сахарную, в которой изготовлялись различные сахара (конфеты), сушеные и обсахаренные фрукты; палату, в которой наливали и сушили яблочные пастилы; разные другие деловые палаты и потом, под палатами, погребя и ледники, сохранявшие масло коровье, ореховое, конопляное, яйца, сметану, творог и всякие припасы

для хлебного печения. Кормовой дворец был собственно царскою поварней, где стряпали (работали) повары, помясы¹⁰⁴, шесники¹⁰⁵, куретники¹⁰⁶, животинники, засыпки¹⁰⁷ и другие.

В числе различных деловых палат, составлявших обиход этого дворца, находились: Ключничья, где сидели распорядители кормового обихода, степенные ключники; палатка, где сидели подьячие; Казенная, в которой сохранялась столовая золотая, серебряная, оловянная и всякая другая посуда; палата Скатертная, где сохранялись скатертные приборы; палата Прodelочная; палата Соляная; мучная; деловые поваренные палаты, часть которых находилась и на Потешном дворце у Кремлевской стены близ Троицких ворот; палата, в которой изготовляли кислые щи; большая палата, что называлась Сушило, где провешивали ветчину и рыбу; Куретная палата, отпускавшая в стол кур, гусей, уток и всякую другую птицу и надзиравшая за Куретным двором, который помещался вблизи задних дворцовых ворот, оттого и прозванных Куретными. Под палатами находились разные погреба: масляный, сметанный, два астраханские, в которых «солили кабаны»; особый погреб, где ветчину солили. Посреди двора на Кормовом дворце было построено высокое сушило, где провешивали ветчину, языки, всякую рыбу и где в нижнем ярусе сохранялись гусиные полотки, икра, сметки, грибы и пр.

Во двор Кормового дворца выходила также стоявшая близ подклетов Теремного дворца Истопничья палата, которая заведовала отоплением царских хором и наблюдала за чистотою как в хоромных сенях, так и на переходах, крыльцах, лестницах, на двориках или площадках и вообще по всему дворцу. Она смотрела также за освещением хором, сеней, крылец и лестниц, для чего заготавливала и хранила фонари, подсвечники, ночники и т. п.; заготавливала умывальную посуду, лохани, кунганы¹⁰⁸, или рукомойники, ковши, тазы и пр. и всякие другие предметы, потребные для царских комнат.

Сытный дворец заведовал хмельным питьем всякого рода, приготавливал и сохранял в особенности различные меды, и свое имя, по всему вероятно, получил еще в древние времена, так как *сытою* обозначался самый первоначальный способ приготовления медового питья, которое состояло из воды, насыщенной медом. Сырой мед доставлялся в царский обиход с *оброчных и данных бортевых ухажьев*¹⁰⁹, конечно, при значительном количестве воска, почему Сытный дворец заведовал также и изготовлением восковых свечей и для церковных потребностей, и для хоромного освещения. Таково было первоначальное дело этого ведомства. Потом это дело распространилось и усложнилось водворением разных других статей питейного обихода, так что Сытный дворец мог с большей точностью называться Винным или вообще Питейным дворцом, однако до последних дней сохранил свое первоначальное древнее имя.

Боярская площадка в Московском Кремле

По словам Котошихина, Сытный дворец занимал при царе Алексее Михайловиче более тридцати погребов и ледников, кроме обширного «погреба, что с заморскими питьями», или Фряжского, который находился под Столовою и Ответною палатами, вблизи Благовещенского собора, отчего и внутреннее крыльцо у этих палат прозывалось также Фряжским. Окнами этот погреб выходил в Нижний Набережный сад. В нем в трех обширных помещениях сохранялись фряжские питья: алкан, тентин, сек, романея, кинарея, мармазея, мушкатель, бастр красный и белый, рейнское, церковное и др., также уксус рейнской, уксус новгородский и, кроме того, лимоны и деревянное масло.

Главный, или в собственном значении Сытный, дворец размещен был в подклетных палатах, погребах и ледниках, находившихся под всем зданием Теремного дворца, под палатами Приемными и Набережными, вокруг всего двора, около церкви Спаса-на-Бору, так что этот собственно церковный двор обыкновенно именовался Сытным двором. И Спасо-Преображенский храм, некогда очень чтимый великокняжеский монастырь, богомолье великих

князей и великих княгинь, теперь, в XVI и XVII ст., становится приходским храмом всех служителей внутренних отделений дворца, именно дворов Сытного, Кормового и Хлебного. Сюда приходили молиться ключники, стряпчие, сытники, повара и другие приспешники, для которых церковная служба совершалась здесь раньше обыкновенного, – «чтоб, справясь, шли всяк на свой приспех».

У Троицких кремлевских ворот стояло несколько каменных житниц с необходимыми запасами для трех упомянутых дворцов; главный же дворцовый Житный, или Житничный, двор находился под Кремлевскою горою, у Водовзводной башни. Всех житниц при царском дворце было до трехсот.

Вообще, на Сытном дворце в ледниках сохранялись, кроме фряжских вин, пива поддельные, малиновые, мартовские и иные, и меды сыченые и красные и белые, ягодные и яблочные, вишневые, смородинные, можжевельные, малиновые, черемховые, мед с гвоздцы¹¹⁰, обарный¹¹¹, приварный, белый паточный, мед боярский, мед княжон и т. д.; браги, квасы яблочные, медвяные, паточные, овсяный, ячный; воды брусничные, гонобобе-левые, малиновые; морсы малиновый, черничный и т. п. Кроме питий, на Сытном дворце сохранялись: виноград, арбузные и дынные полосы, яблоки свежие, яблоки в патоке, в сыте, в квасу, дули свежие¹¹², дули в сыти, сливы и вишни соленые, груши, анис, хмель, бадьян, кишнец, оливы, трава каприс, смокви, финики, рожки, орехи грецкие и т. п.

Вне Кремля, у Водовзводной башни, при впадении речки Неглинной в Москву-реку, стояла мельница; у Боровицких ворот, у моста, другая; у Троицких кремлевских ворот, или у Старого Каменного моста, третья. На этих трех мельницах молотось также царское жито. Один из прудов, здесь бывших, назывался Лебединым, потому что на нем плавали и береглись царские лебеди – первое кушанье того времени. У пруда стоял Лебединый двор. Подле этого места один переулок и теперь носит название Лебяжьего.

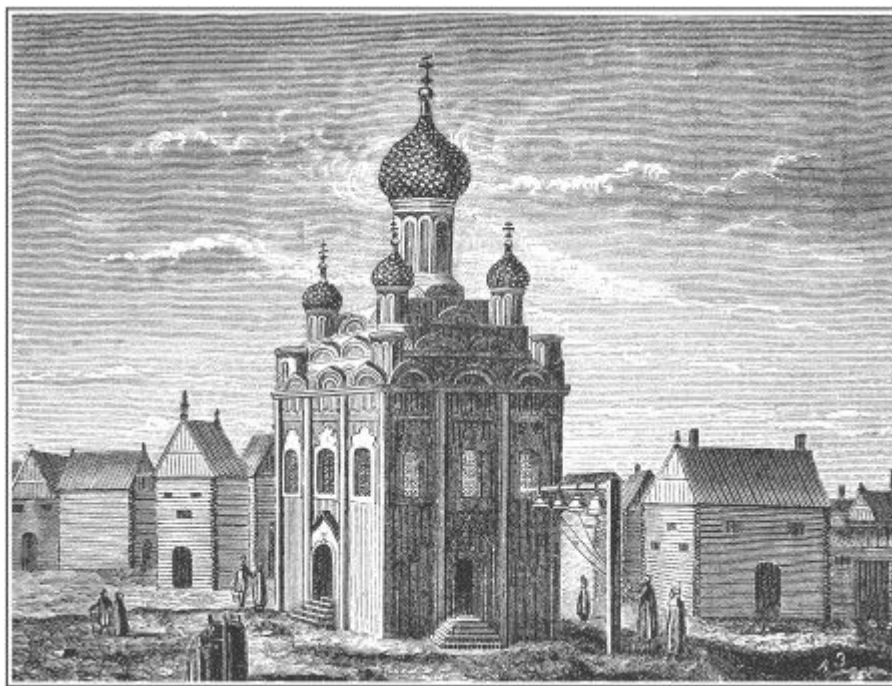
От теремной церкви Рождества Богородицы до Колымажных ворот верхние и средние палаты того же длинного корпуса занимал приказ Большого дворца. Наружная лестница к его палатам, выходящая к Конюшенному дворцу, именовалась Дворцовою, также Каретною.

Колымажные ворота, прозывавшиеся также и Красными, а с конца XVIII ст. Гербовыми, или Гербовою башнею, по изображению на них разных гербов на изразцах и наверху орла с московским гербом, были построены именно в виде башни.

Напротив Колымажных ворот и приказа Большого дворца, вдоль Кремлевской стены, начиная от Боровицких ворот, где ныне здание Оружейной палаты, был расположен Конюшенный дворец.

Далее у Кремлевской же стены был расположен Потешный дворец, заключавший в себе рядом с палатами Конюшенного дворца две палаты поперечных (относительно стены).

Далее к востоку от этого корпуса высился Сретенский собор. Около церкви была крытая паперть. С южной стороны в соборе находился придел во имя Николая Чудотворца с особою трапезною. Собор был построен над проездными воротами, которые вели со двора от Спаса-на-Бору на Запасный двор.

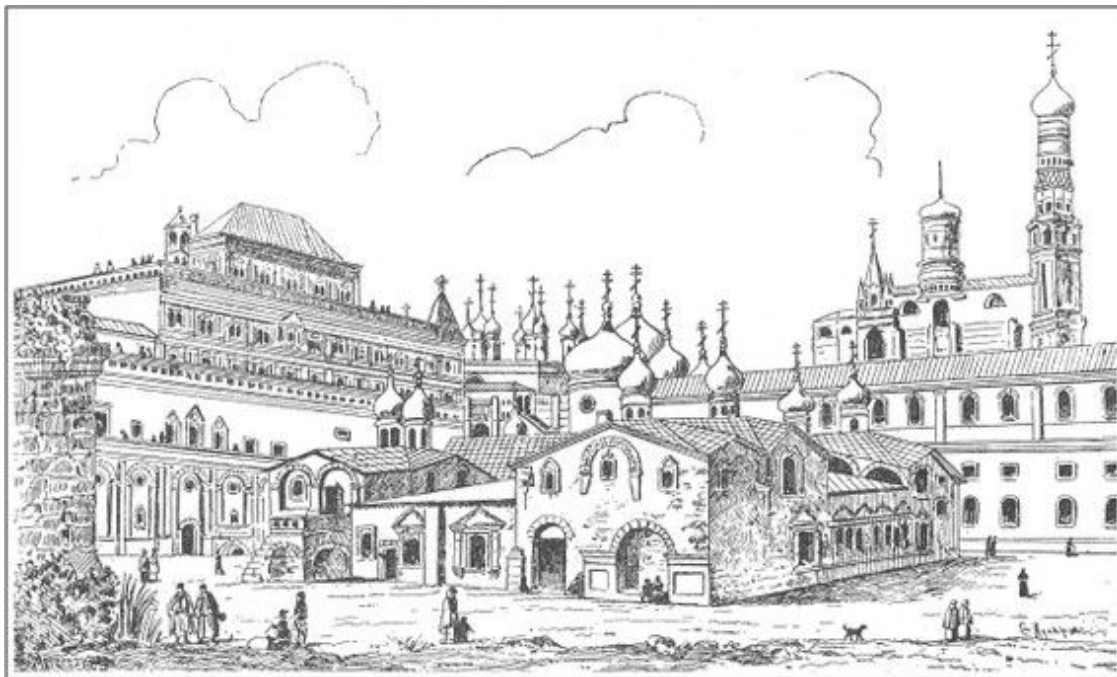
Площадь в Москве в конце XVII в.

Этот Запасный двор, называвшийся в XVIII ст. Комиссариатским двором¹¹³, построенный, как упомянуто, царем Борисом Годуновым, в самой Кремлевской береговой горе, на взрубке, состоял из двухэтажного каменного корпуса, стоявшего внизу под горою лицом к Кремлевской стене.

Впоследствии вместо хором здесь устроен был Верхний Набережный сад над лицевою стороною корпуса и над его одним крылом, стоявшим вблизи церкви Иоанна Предтечи и дворцовых Колымажных ворот, площадью 594 квадратных сажени. Сад был обнесен каменною оградой, украшенной каменными балясами, в которой было 109 окон, или пролетов.

Возле этого Верхнего при царе Федоре Алексеевиче в 1681 г. был разведен Нижний Набережный сад, с набережной стороны Ответной и Столовой палат. Нижним этот сад стал прозываться, в отличие от Верхнего, потому что был расположен ниже Верхнего на целый этаж дворцовых зданий. Он находился в уровень с подклетными этажами дворца. От Сретенского собора в этот сад лестница состояла из 37 ступеней.

На царском дворе в XVII ст. было несколько верховых, т. е. хормных, так сказать, комнатных, садов, которые все назывались красными, в смысле изящных, красивых как в отношении цветов и растений, которыми они были насажены, так особенно по внешней их уборке, по обыкновению весьма пестрой и узорочной. В старину сад составлял необходимую принадлежность каждого сколько-нибудь зажиточного или достаточного хозяйственного двора наравне с другими хозяйственными и домашними статьями. Не мудрено, что и в царском быту мы находим верховой комнатный сад при каждом особом отделении дворца или, точнее сказать, у каждого отдельного хозяйства в царской семье. Так, особые сады находились при комнатах государя, старших царевичей и больших, т. е. старших, и меньших царевен. Все верховые сады были расположены на каменных сводах, над палатами и погребками, почему их можно назвать висячими.

Спас-на-Бору. С гравюры XVIII в.

Известно, что на внутреннем дворе дворца, близ церкви Спаса-на-Бору, со стороны ее алтарей, находился особый сад, который расположен был возле Столовой избы и против государевой Постельной комнаты. В этом саду в 1643 г., после кровопускания у царя Михаила Федоровича, хоронили в ямку его царскую руду (кровь). Это был один из самых старых верховых садов и, может быть, существовал еще при царе Иване Васильевиче Грозном, постельные хоромы которого находились тут же, позади Средней Золотой палаты.

В 1674 г. царь Алексей Михайлович, после всенародного объявления царевича Федора, торжественно прошел с ним через этот сад в хоромы царицы Натальи Кирилловны мимо Царицыной Золотой палаты.

В 1681 г. этот сад вместе со Столовою избой был разобран и на том месте была выровнена площадь. Все садовое строение тогда было перенесено на набережное место за Ответную палату, где в тот год с апреля и был разведен новый Набережный сад, известный под именем Нижнего.

В 1685 г. упоминается о саде, что на верхних хорах на Потешном дворе, который покрыт был тогда сетями, вероятно, для защиты деревьев от птиц.

Подле хором царицы Натальи Кирилловны и малолетнего царя Петра Алексеевича, как обозначено выше, находился также Комнатный сад. В 1682 г., в апреле, этот сад зашивали лубьем (досками) со стороны каменных портомошных палат до Потешной площадки, с которой в сад была сделана тогда же лестница. Эта Потешная площадка была устроена у комнат маленького Петра. На ней будущий преобразователь потешался воинскими играми с малыми ребятками, которые набраны были ему в товарищи. Здесь стоял потешный шатер и потешная изба, представлявшие, может быть, воинский стан; здесь же помещался потешный чулан, обнесенный балясами. Кроме этих построек, на площадке находился рундук с колодами, на которых ставили рогатки и стояли деревянные пушки на станках, или лафетах, полковых и волоковых, расписанных, как и самые пушки, красками и убранных оловянными каймами, клеймами, орлами и другою подобной оправой. Ядра, которыми стреляли из пушек, были обтянуты кожей.

В 1685 г. этот сад перестроен. Он назывался Новым Верховым каменным садом и помещался на каменных сводах. На покрытие площади для сада вышло около 640 пудов свинца, из которого водовзводного дела мастер Галактион Никитин лил доски, покрывал ими своды и прочно их запаивал. В апреле в это свинцовое вместилище наносили хорошо просеянной земли, глубиною на аршин с четвертью, для рассадки растений; сделали гряды и ящики для цветов; огородили весь сад решеткою с баясами и с прорезною дверью и расписали ее черненью (красною краскою). В 1687 г. сюда была проведена вода по свинцовым трубам и водовзводным ларям и устроен прудок. В это время в саду росли уже царьградский орех, грецкие орехи и кусты *сереборинников*¹¹⁴. К зиме их закрывали рядными рогожами и войлоками; орехи сидели в отрубях, или грунтах. Позже этот Красный Верхний сад принадлежал царевичу Алексею Петровичу, который жил здесь же, в отцовских хоромах.

Вообще, все верховые сады были разбиты на несколько цветников и гряд, между которыми шли дорожки для прогулок, обложенные не дерном, а досками, так что цветники и гряды находились, собственно, в ящиках. Кроме того, дорожки между кустами отделялись столбиками, в которые утверждены были грядки, то есть жерди, раскрашенные, вместе со столбиками, разными красками. Черная земля во все сады привозилась из замоскворецких Берсенева садов и даже с мостов, то есть с деревянных бревенчатых мостовых тогдашних московских улиц, которые вообще изобиловали грязью и доставляли отличный чернозем. Из цветов здесь росли пионы махроватые и семенные, коруны, тюльпаны, лилии белые и желтые, нарцица белая, розы алые, цветы венцы, мымрис, орлик, гвоздика душистая и репейчатая, филорожи, касатис, калуфер, девичья красота, рута, фиалки лазоревые и желтые, пижма, иссоп и разные другие, которые росли не только в кремлевских, но и в загородных царских садах.

В летнее время во всех верховых садах висели клетки с канарейками, ракетками, соловьями и даже попугаями. Но любимая нашими предками и преимущественно садовая птица была пелепелка (перепелка). В 1867 г., при царе Алексее Михайловиче, в комнатном саду висело несколько клеток с пелепелками; сетки у этих клеток были шелковые. Такие же пелепелочные клетки висели и в Набережных садах.

Набережные сады были устроены наверху особых каменных двухэтажных зданий, стоявших на самом откосе Кремлевской береговой горы и опускавшихся своими фасадами на уровень Кремлевского Подола. Местность была очень привлекательная по широте обзора и красоте видов на всю Замоскворецкую сторону Москвы.

Нижний Набережный сад был устроен из старого сада в 1681 г. Каменное здание, над которым стали разводить этот сад, тогда же было укреплено со стороны Тайницких ворот каменным быком (контрфорсом). Сам сад был огорожен с Набережной стороны каменной стеной с окошками, а с внутренней стороны – решеткой. В окна также были вставлены решетины. На углу от Тайницких ворот была построена круглая башня и возле нее четыре палаты. В саду был устроен пруд и водовзводный чердак (род беседки). Для цветников сделаны творила¹¹⁵, столбики, репья, причелины.

В одно время с Нижним садом устраивался и украшался и Верхний сад. В 1681 г. в нем устроен был пруд, длиною около 5, шириною около 4 саженой, глубиною в 2 аршина, для чего все место для пруда, как равно и под садом, было выложено свинцовыми досками. Вода в пруд была проведена при помощи свинцовых же труб из Водовзводной кремлевской башни, для чего в саду был построен водовзводный чердак. О местоположении этого пруда и устройстве Верхнего сада мы упоминали выше.

Этот пруд особенно достопамятен потому, что он был, кажется, самым первоначальным поприщем потешного мореходства для малолетнего царя Петра, который плавал здесь в лодках и косягах¹¹⁶, в потешных *карбасах*¹¹⁷ и *шняках*¹¹⁸. В июне 1682 г. плотники делали на этот пруд лодки и тесали тес на изготовление карбаса, а в 1683 г. сюда же сделаны были два потешные карбаса и потешная шняка с чердаками, или беседками, узорочно украшенные резьбою и расписанные красками. В 1684 г. эти потешные суда были починены и вновь куплены у торговых людей. В последующие годы те же потешные карбасы, шняки, суды и стружки появились уже в Преображенском на Яузе и в Измайлове на тамошних прудах.

Потешный дворец со двора

В последующие годы Набережные сады всегда поддерживались в должном порядке, заботливо обстраивались и обновлялись. В 1687 г. возобновлена и приведена в лучшее устройство Водовзводная часть садоводства, для чего у Верхнего сада была выстроена особая водовзводная башня, передававшая воду в сады из Кремлевской башни. Верх ее был украшен часами, а в середине помещалась машина. В 1691 г. оба сада обнесены новыми решетками на столбах с дугами и балясами. Быть может, в эти же годы в садах были построены и Оранжерейные палаты, по шести в каждом саду, которые существовали до пожара 1737 г. Они отапливались муравленными изразцовыми печами и в летнее время от птиц защищались медными сетками.

Что касается растений, которыми были насажены оба Набережные сады, то должно заметить вообще, что старинные наши сады по преимуществу были плодовые, а потому и в Набережных садах, кроме цветов и трав, также большей частью полезных для снеди или лекарственных, собственно аптекарских, росли только плодовые деревья и кусты. В 1682 г. здесь рос виноград и посеяны были арбузы.

В заключение этого обозрения верховых садов должно упомянуть, что цари вообще любили садоводство, которое занимало самое видное место в их домашнем хозяйстве. Все садовое *слетье*¹¹⁹ верховых и Аптекарских садов подавалось для государева обихода в кушанье. Из всех остальных садов, московских и городских, часть поступала также на обиход государя, а остальное продавалось.

Церковь Спас-на-Бору

При обозрении верховых садов мы упоминали о прудах, которые наполнялись водою посредством водовзводной машины, устроенной еще при царе Михаиле Федоровиче, в 1633 г. англич. Галовеем в Наугольной Кремлевской башне, от Боровицких ворот, называвшейся прежде Свибловой, а с того времени получившей название Водовзводной. В нижнем этаже этой башни находился белокаменный колодец с трубою, проведенной из Москвы-реки, из которого вода поднималась лошадьми в верхний колодец, выложенный свинцом. Отсюда уже вода проходила свинцовыми трубами в водовзводную палатку, стоявшую подле Старого Денежного двора, у Верхнего Набережного сада. Из палатки вода шла, также свинцовыми трубами, лежавшими в земле, по разным направлениям, в верховые сады, на Сытный, Кормовой, Хлебный, Конюшенный и Потешный дворцы, на поварни и в разные приспешные палаты, в которых находились особые водоемы, водовзводные лари, выложенные также свинцом и опаянные английским оловом. Водовзводная машина, по свидетельству иностранцев, стоила несколько бочонков золота. Все водовзводное дело с починкою свинцовых труб и разных снастей отдавалось на подряд за 200 рублей на год. С 1683 г. подрядчиком был водовзводного дела работник Галактион Никитин.

Дополним сведения о Конюшенном и Потешном дворцах.

От Боровицких ворот, возле Кремлевской стены, в гору, как было упомянуто, тянулось здание дворца Конюшенного, или Аргамачьих конюшен, в которых стояли государева седла аргмаки¹²⁰, жеребцы, лошади, мерины, иноходцы. Здесь же была и *санниковая* конюшня, на которой стояли санники, каретные и колымажные возники, т. е. упряжные лошади, ходившие в санях и колымагах. Число лошадей на этой царской конюшне достигало 150. Летом большую часть их отводили в Остожье, или на государев *Остоженный* двор, находившийся недалеко от Зачатейского монастыря, в Москве. От него осталось теперь только одно название улицы Остоженки. Отсюда лошадей выгоняли каждый день на обширные в то время московские луга, под Новодевичьим монастырем, где они и паслись под надзором стадных конюхов. Ворота Конюшенного дворца находились прямо напротив Красных, или Колымажных, ворот царского дворца. Они были украшены высокой башней, в которой находились часы. Сами Колымажные ворота названы так потому, что возле них находились сараи с царскими колымагами и разными другими экипажами.

Возле Конюшенного дворца стоял Потешный дворец, бывший двор царского тестя И. Д. Милославского. При нем была церковь Похвалы Богородицы с приделами, мерою и с алтарями. Кроме «комидейных действ», которые здесь были даны в первый раз, о чем мы

упоминали, на Потешном дворе устраивались также и старинные русские потехи, например скатные горы, обыкновенная масленичная потеха. При Петре здесь же в особой палате бывал съезд к славленью, на известные потехи во время Рождественских праздников. Впрочем, к концу XVII ст. Потешный дворец приобрел значение собственно дворца, потому что после смерти царя Федора, при разделении царской семьи на несколько особых партий по родству, этот дворец, удаленный от главного помещения фамилии, возле Терема, послужил весьма приличным отделением для помещения царевен и вдовствующих цариц. С этой целью он был значительно расширен новыми пристройками и великолепно украшен как внутри, так и снаружи. В XVIII ст., когда все другие здания Кремлевского дворца обветшали, только он один служил наиболее удобным жилищем для императриц Анны и Елизаветы во время их приездов к коронации и оставался со значением дворца до конца XVIII ст. В 1806 г. он был отдан для помещения коменданта.

Кстати, сообщим несколько подробностей о башенных часах, которые были совершенно необходимы во дворце из-за многочисленности живших и работавших там должностных лиц, крупных и мелких, обязанных или явиться, или приготовить что ко времени, к назначенному часу. Употребление карманных, или *зепных*, часов в то время было весьма незначительно, частью по их редкости и дороговизне, потому что русского часового производства почти не существовало и русские мастера карманных часов были такой же редкостью, как и самые часы русского производства; а к тому же и немецкие часы, которые все-таки достать было легче, хоть и за дорого, по своему разделению времени не соответствовали русским и, следовательно, были неудобны для употребления. Русские часы делили сутки на часы дневные и на часы ночные, в зависимости от восхода и заката солнца, так что в минуту восхода на русских часах бил первый час дня, а при закате — первый час ночи, поэтому почти каждые две недели количество дневных часов, а также и ночных постепенно изменялось следующим образом, как записано в тогдашних святцах.

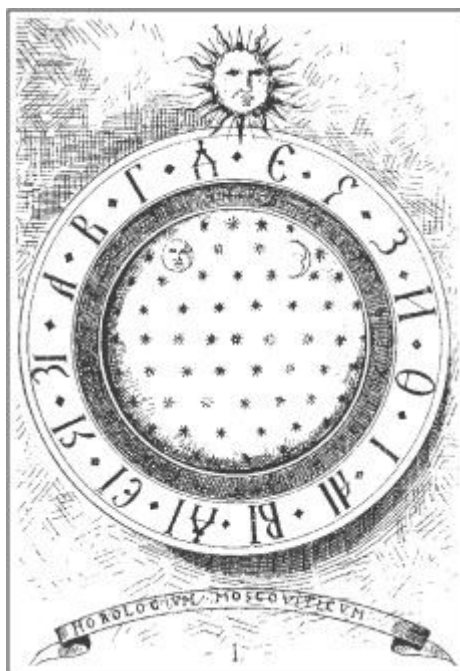
В начале сентября, с которого начинался тогдашний новый год, именно с 8 числа, било 12 часов дня и 12 часов ночи; с 24 сентября 11 ч. дня и 13 ч. ночи; с 10 октября 10 ч. дня и 14 ч. ночи; с 26 октября 9 ч. дня и 15 ч. ночи; с 11 ноября 8 ч. дня и 16 ч. ночи; с 27 ноября 7 ч. дня и 17 ч. ночи. В декабре (12 числа) был возврат Солнцу на лето, и потому часы оставались те же. Затем с 1 января било 8 часов дня и 16 ночи; с 17 января 9 ч. дня и 15 ч. ночи; со 2 февраля 10 ч. дня и 14 ч. ночи; с 18 февраля 11 ч. дня и 13 ч. ночи; с 6 марта 12 ч. дня и 12 ч. ночи; с 22 марта 13 ч. дня и 11 ч. ночи; с 7 апреля 14 ч. дня и 10 ч. ночи; с 23 апреля 15 ч. дня и 9 ч. ночи; с 9 мая 16 ч. дня и 8 ч. ночи; с 25 мая 17 ч. дня и 7 ч. ночи. В июне, 12 числа, возврат солнцу на зиму — часы оставались те же, что и с 25 мая. С 6 июля било 16 ч. дня и 8 ч. ночи; с 22 июля 15 ч. дня и 9 ч. ночи; с 7 августа 14 ч. дня и 10 ч. ночи; с 23 августа 13 ч. дня и 11 ч. ночи.

По такому разделению суток и устраивались наши старинные часы именно в Московской стороне, потому что существовала, например, разница между часами московскими и новгородскими, как замечено и летописцем. Так, в 1551 г., 9 мая, ночью случился пожар в Новгородском Юрьеве монастыре: летописец замечает, что загорелось «в третий час нощи по московским часам, а по новгородским часам — на шестом часе на ношном». Новгородские часы, по этому свидетельству, по-видимому, делили сутки пополам, на две равные части, по 12 часов в каждой, считая первый час также с восхождения Солнца.

Спасские ворота

За редкостью и дороговизной карманных часов, как мы упомянули, в большом употреблении были часы башенные, составлявшие общее достояние жителей каждого города и почти каждого монастыря, потому что и монастыри, особенно удаленные от городов, всегда строили для себя такие же часы.

Старинные часы (или часомеры, как их называли в России в XVI и XVII вв.)

Мы уже знаем, что во дворце московских князей часы были поставлены еще в 1404 г. С распространением города и особенно Большого посада, впоследствии Китай-города, где сосредоточивалась торговля и всякого рода промышленность и где, следовательно, знать время для всякого было необходимо, потребовалось устроить часы и на пользу всех обывателей. Вероятно, прежде всего такие, собственно городские, часы были поставлены на Спасских, или Фроловских, воротах, на самом видном месте для торговых и промышленных людей. А так как Кремль построен треугольником, то весьма удобно было и с других двух сторон открыть городу показание времени, тем более что в этом очень нуждался и дворец государев, назначавший всему час и время, когда приезжать видеть пресветлые очи государевы, когда собираться в Думу, на выход, на обед, на потеху и т. д. Кроме того, расположенные таким образом башенные часы с большим удобством показывали время и для всех служб и должностей обширного дворца. Действительно, в конце XVI ст. в 1585 г., башенные часы стояли уже на трех воротах Кремля, с трех его сторон: на Фроловских, или Спасских, на Ризположенских, ныне Троицких, и на Водяных, что против Тайника, или Тайницких.

Часы стояли в деревянных шатрах или башнях, специально для этой цели достроенных на воротах. При каждых часах находился особый часовник, а при Ризположенских даже двое, которые наблюдали за исправностью и починками механики. В начале XVII ст. упоминаются часы и на Никольских воротах. В 1624 г. старые боевые часы Спасских ворот были проданы на вес Спасскому Ярославскому монастырю, а вместо них построены новые, в 1625 г., англичанином Христофором Галовеем, который для этих часов тогда же выстроил над воротами вместо деревянного высокий каменный шатер в готическом вкусе, украшающий ворота и до сих пор. При этом русский колокольный литец Кирило Самойлов слил к часам 13 колоколов. Часы, следовательно, были с перечаем, или с музыкой.

Мы не знаем, какой конструкции была механика этих часов. *Указные*, или *узнатные*, круги или колеса, т. е. циферблаты, устраивались только с двух сторон, одно в Кремль, другое в город, и состояли из дубовых связей, разборных на чеках, укрепленных железными обручами. Каждое колесо весило около 25 пудов. Срединка колеса покрывалась голубою краскою, лазорью, а по ней раскидывались золотые и серебряные звезды с двумя изображениями

Солнца и Луны. Очевидно, что это украшение изображало небо. Вокруг в кайме располагались указные слова, т. е. славянские цифры, медные, густо вызолоченные, всего 24, между ними помещались получасные звезды, посеребренные. Указные слова на Спасских часах были мерою в аршин, а на Троицких – в 10 вершков. Так как в этих часах вместо стрелки оборачивался сам циферблат, или указное колесо, то вверху утверждался неподвижный луч, или звезда с лучом вроде стрелки, притом с изображением Солнца.

Красная площадь

Трое кремлевских башенных часов одинаково принадлежали как царскому дворцу, так и всей Москве. К тому же и поддержка их, поправка и починка, а также содержание часовщиков производились не из Земского или какого-то другого приказа, а из царской казны, из Казенного приказа. Существование этих часов устраняло необходимость строить часы во дворце, потому что, например, часы Троицких ворот стояли возле всех служб дворца: где чаще всего необходимо было знать время и где, следовательно, его всякий сразу же узнавал без особого затруднения. Впрочем, двое часов находились и в зданиях дворца, одни в башне Набережного сада, другие в башне Конюшенного дворца, о чем мы упоминали.

С XVIII ст. старинные русские часы вышли из употребления. Перестройка их на немецкий лад началась тоже со Спасской башни. В 1705 г. по указу Петра Спасские часы переделаны, «против немецкого обыкновения, на 12 часов», для чего еще в 1704 г. он выписал из Голландии боевые часы с курантами за 42 474 рубля. Часы эти были «с танцами, против манира, каковы в Амстердаме». Ставил их в 1705– 1709 гг. часовой мастер Еким Гарнов (Carnault).

Ф. Алексеев. Вид в Кремле у Спасских ворот. 1800-е гг.

Оканчивая краткую историю башенных часов города Кремля, мы должны упомянуть и о набатах, или особых набатных колоколах, которые находились на тех же трех башнях, где помещались и часы, и посредством которых делалась тревожная повестка на случай пожара. Особым указом 6 января 1668 г. определен был даже и способ, как звонить в эти кремлевские набаты: если загорится в Кремле, указано бить во все три набата в оба края, поспору; если загорится в Китай-городе – бить в один Спасский набат (у Спасских ворот) в один край, скоро же. Для Белого города – бить в Спасский в оба края и в набат, что на Троицком мосту (у Троицких ворот), в оба же края потише. Для Земляного города – бить в набат на Тайницкой башне тихим обычаем, причем указывалось вообще: бить развалом с расстановкою.

С наступлением XVIII века Кремлевский дворец был покинут вместе со всей стариной царской жизни.

Петр оставил дворец еще отроком, вскоре после первого бунта стрельцов. Он переселился тогда со своими потехами в Преображенское, которое с того времени сделалось его резиденцией. В Кремль он приезжал редко, большей частью только по необходимости присутствовать при приеме иноземного посла или на царских праздниках и панихидах и при совершении торжественных церковных обрядов, чего неизменно требовало общее мнение века. Впрочем, и эти приезды год от году становились реже. Сначала от старой обрядности Петра отвлекали его потехи, а потом походы из Москвы по корабельному делу и под Азов, а затем путешествие за границу.

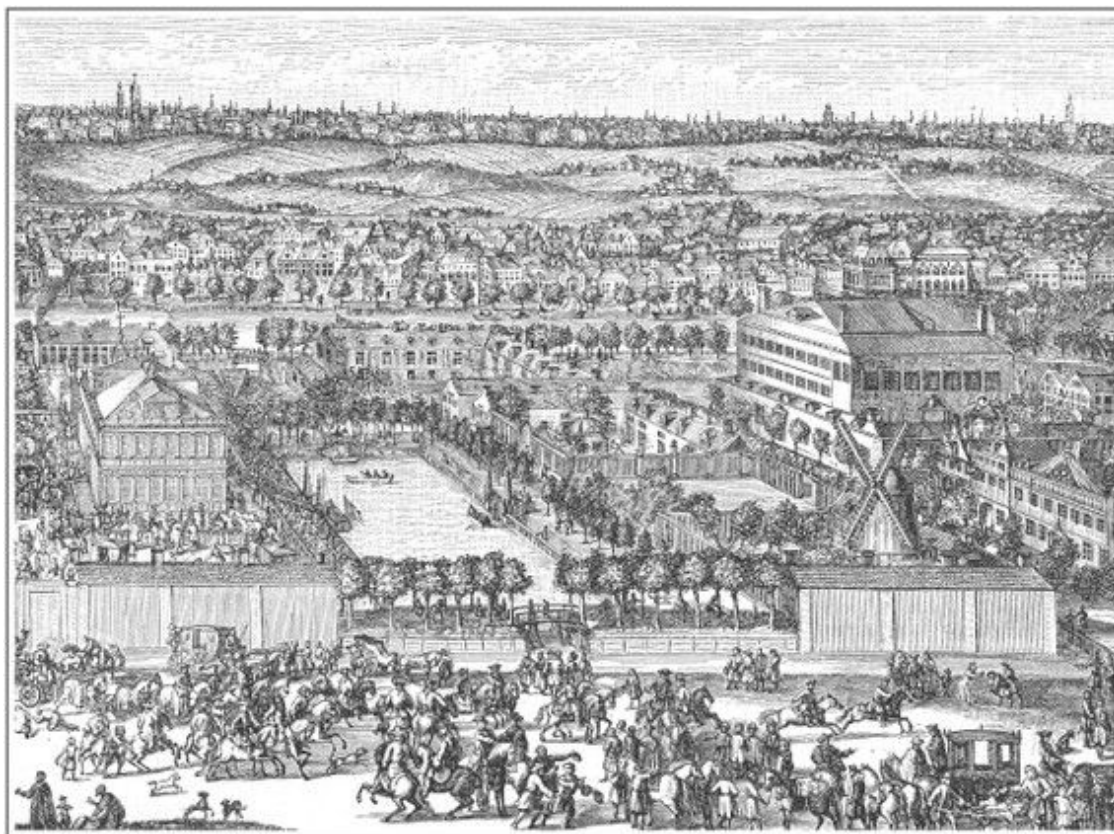

А. Васнецов. Москва в конце XVII ст. На рассвете у Воскресенских ворот. 1900 г.

Во время своих приездов во дворец Петр останавливался обычно в старых хоромах своей матери, построенных при царе Федоре, на внутреннем дворе. Там, в домовой церкви Петра и Павла, он слушал и церковные службы во время празднеств и очень редко делал обычные выходы по соборам.

Точным исполнителем старинных обрядов оставался до своей кончины богомольный брат Петра, царь Иван Алексеевич, живший постоянно в Кремле вместе с царицами и царевнами, которых тогдашние события оставляли еще в покое доживать свой век.

Шведская война, начавшаяся с первых лет XVIII ст., окончательно выселила Петра не только из дворца, но и из самой Москвы. С этого времени дворец был совсем покинут, так что церемониальные выезды царя в Москву, совершаемые в ознаменование славных баталий, направлялись уже не в Кремль, в Спасские ворота, как бы следовало ожидать, а мимо, в новую резиденцию, в село Преображенское, или в Преображенск, как иногда называли эту столицу преобразований.

Немецкая слобода в Москве в начале XVIII в.

Там всегда происходило и триумфование, т. е. победные пиры и увеселения. Старый же дворец, построенный еще отцом Петра, находился на этой стороне Яузы, недалеко от моста, подле Сокольничьей роши, там именно, где и теперь еще остается колодец, бывший некогда дворцовым. Здесь же, на небольшом островке Яузы, стояла знаменитая потешная крепостца Презбурх, иначе Прешпур, первый городок, взятый малолетним Петром с бою. Впоследствии из Преображенска Петр переселился в Немецкую слободу, в Слободской дом, выстроенный сначала для Лефортова, а потом сделавшийся Лефортовским дворцом, напротив которого, на той стороне Яузы, на высоком берегу, стоял дом Головина, послуживший основанием другому дворцу Головинскому (ныне 1-й Кадетский корпус). Эти два дворца в течение всего XVIII ст. составляли местопребывание Императорского двора во время «высочайших присутствий» в Москве.

В Кремлевском дворце, в разных его хозяйственных отделах, великий преобразователь разместил некоторые из своих новоучрежденных коллегий. Так, в палатах возле Предтеченской церкви, у Боровицких ворот, помещена была Ратуша, или Земская канцелярия, и Главный Магистрат; в длинном корпусе Кормового и Хлебенного дворцов – Камер-коллегия, Соляная контора, Военная коллегия, Мундирная канцелярия, Походная канцелярия. Конюшенный дворец отдан был под склады сукон и мундира, амуниции от Мундирной канцелярии и т. д., всего эти разные ведомства заняли 59 палат. Бывшие приемные палаты и жилые здания дворца оставались незанятыми и мало-помалу ветшали и разрушались. Время от времени в них происходили совсем иные, до тех пор невозможные торжества и обряды. В Грановитой палате, расписанной «бытейским» письмом, вместо прежних торжественных посольских приемов теперь, как в весьма удобном пустом помещении, устраивались комедии и диологии. В 1702 г. по случаю свадьбы шута Филата (Ивана) Шанского, в палате была устроена «Диология»; а в 1704 г., по случаю свадьбы другого шута, Ивана Кокошкина, была устроена

«Комедия» на счет Монастырского приказа, для чего с Казенного двора было отпущено (в январе) 150 арш. тафты василькового цвета. Устраивал комедию префект Латинских школ и учитель философии иеромонах Иосиф. Вероятно, при устройстве этих комедий была забележена известью уже ветхая стенопись палаты. Наконец, преобразователь обратил внимание на возраставшее запустение дворца и в феврале 1713 г. повелел

«на его Государеве Дворе церковное и дворовое и хоромное каменное строение и площади и под ними своды и стены и столпы и где что худо и довелось починить или, разобрав, сделать вновь,— осмотреть и описать архитектору Григорью Устинову с подмастерьями шменных дел».

Осмотр обнаружил, что во многих зданиях, в разных палатах, особенно в погребках и ледниках, а также под переходами и площадками стены и своды и столпы после бывшего пожара местами осыпались или обвалились, в иных местах показались расселины. Все это, однако, требовало только мелочной починки, на которую по смете и было назначено 6618 руб.

В мае 1722 г. последовал новый указ государя уже из Военной коллегии, по которому

«велено в Москве в Кремле-городе Его Величества Дом, тако ж и Конюшенный Двор, осмотря, описать имянно: вначале св. церкви, потом жилые и пустые покои и сколько в том числе жилых и пустых, и сколько целых и пустых полат и погребов, и что обветшалых, и какой починки требуют, — и ту опись подать в Государственную Военную Коллегию».

На этот раз осмотр производил строитель Цейхгауза (Арсенала) архитектор Христофор Кондрат с поручиком Иваном Аничковым. Они работали почти целый год и представили опись в декабре того же 1722 г. Опись в подробности засвидетельствовала давнишнее и полнейшее запустение и обветшание всех дворцовых зданий.

Кровли на всех приемных палатах были уже простые тесовые, отчасти гонтовые или драничные, и те все погнили и обвалились. Покои Теремного дворца стояли без дверей, без оконниц, без полов. Все оставалось как после пожара 1701 г.: деревянное сгорело, а каменное, например, резьба, золоченье, стенопись,— было попорчено огнем и частично обвалилось. Повсюду палаты стояли без дверей и оконниц, без полов и без всякого внутреннего наряда, в иных местах с обвалившимися сводами, в иных отделениях совсем не покрытые никакою кровлею, как стояли, например, государевы покои, находившиеся возле Куретных ворот и Светлицы. Очень немногие помещения были восстановлены для жилья служителям или для сохранения каких-либо казенных вещей и припасов. Весь дворец требовал бесчисленных переделок и исправлений. Расход на это дело по смете выведен был в 52 899 рублей. Такую сумму невозможно было достать в то время. Везде деньги были нужны на прямые и неотложные государственные нужды, а здесь требовался немалый расход на возобновление теперь никому не надобной обширной ветхости, которая была уже давно осуждена на уничтожение новым порядком русской жизни.

Как оказывалось, заботы Петра в этом случае ограничивались только устройством некоторых главнейших зданий для задуманной им коронации императрицы Екатерины. Для этой цели именным указом в начале 1723 г. он повелел

«к коронации Ее Величества в Москве Грановитую и Столовую, также и Мастерские палаты (в Теремном дворце) и прочие к тому принадлежащие строения совсем вычинить и исправить так, чтоб в оном, могло, великая публика чинно исправиться».

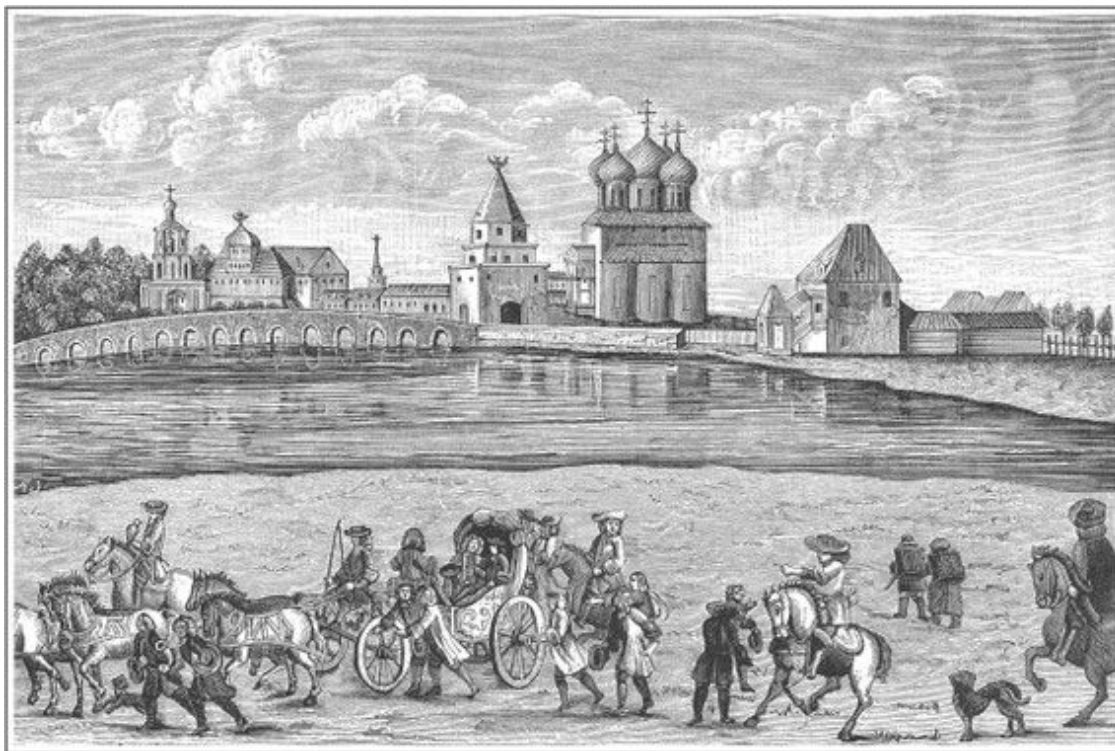
Издержки на это повелено было употребить из сумм, назначенных на строение Цейхгауза (Арсенала). Тогда покрыты были новыми кровлями Благовещенский и Архангельский

соборы и отреставрированы Грановитая и Столовая палаты для церемоний и Мастерские палаты – для пребывания в них государя и императрицы. На все переделки было израсходовано около 15 000 рублей. Как известно, коронавание императрицы совершилось с большим торжеством 7 мая 1724 г. Десять дней продолжались празднества и за Москвой-рекой, напротив Кремля, на Царицыном лугу, где зажигали великолепные фейерверки.

Петр выехал из Москвы 16 июня. Дворец был оставлен по-прежнему на запустение и разрушение. Жить в нем было невозможно. Двор во время приездов в Москву, как мы сказали, пребывал обычно в Летнем (Головинском) дворце на Яузе, об устройстве которого так заботился и сам Петр, его основатель.

Изредка и весьма на короткое время императрицы постанавливались и в Кремлевском дворце, а именно в Потешном дворце, здание которого было еще не слишком запущено. Почти при каждой новой коронации возникала мысль основать пребывание в Кремле. Своей красотой и оригинальными постройками место, без всякого сомнения, очень привлекало каждого нового хозяина. Но как только заканчивались церемонии и пиры, все уезжали в Петербург – и о Москве, и о Кремле забывали по-прежнему до нового приезда. Впрочем, весьма трудно было что-либо и сделать из этих уютных, тесных и беспорядочных строений, стоявших вразброс, где попало, и своим своеобразием приводивших в совершенный тупик петербургские привычки и потребности новой жизни. Вдобавок здания ветшали с каждым годом. Поправка их стоила дорого и с каждым годом становилась еще дороже. Денег жалели, потому что видели мало пользы в возобновлении дворца, в котором жить все-таки было нельзя. Ко времени коронаций возобновляли только некоторые части, наиболее видные и необходимые для совершения церемоний, а именно Грановитую, Столовую, Малую Золотую палаты и Терем.

Императрица Анна, приехав в Москву в 1730 г, остановилась сначала в Кремле в Потешном дворце; но, вероятно, из-за неудобства помещения, она вскоре велела выстроить для себя новый деревянный дворец где-то возле Арсенала, который и назван был *Аннингофом*.¹²¹ Лето она провела в Измайлове, принадлежавшем ее матери, царице Прасковье. Между тем дворец Аннингоф в Кремле был окончен. Выстроенный по проекту известного в то время архитектора графа де Растрелли, он был, по отзыву современников, весьма красив и убран великолепно. Осенью 28 октября, императрица переехала в него на жилье. Однако ж к лету она выстроила себе другой Аннингоф, на Яузе, подле Головинского дома. Там она прожила до возвращения в Петербург и с тех пор там же основала свое пребывание. В 1736 г. туда перенесен был и кремлевский Аннингоф, названный Зимним, в отличие от тамошнего, который был Летним. Впрочем, название яузских дворцов Аннингофом употреблялось, кажется, только в официальных бумагах и, может быть, между придворными. Москвичи по-прежнему называли их Головинским дворцом.

Село Измайлово в XVIII в.

В 1737 г., мая 29-го, Москву опустошил страшный пожар, от которого значительно потерпел и Кремлевский дворец. Кровли на всех церквях и почти на всех зданиях, на Грановитой, Столовой, Ответной и др. палатах сгорели; в том числе над Красным крыльцом медная кровля, крытая по железным связям и по дереву, сгорела и обвалилась. Сгорели Верхний и Нижний Набережные сады. Сгорел также большой корпус Главной дворцовой канцелярии, прежний приказ Большого дворца, стоявший между Колымажными воротами и Рождественским собором, причем большей частью погиб и Архив. Это невосполнимая во всех отношениях утрата для истории царского быта, и особенно для истории древних художеств и ремесел, деятельность которых в XVI и XVII ст. была очень распространена во дворце. Кроме того, и в других палатах вместе с делами с 1700 г. сгорели, без сомнения, весьма любопытные бумаги, принадлежавшие Меншикову и Долгоруким, а также Походной канцелярии Петра.

К новой коронации, при императрице Елизавете, точно так же оказалось, что в московских дворцах из-за их неустроенности нельзя было жить, и не только в Кремлевском, но даже в Головинском и Лефортовском. В декабре 1741 г. был дан указ привести их «в совершенное состояние, как можно было в них жить». Тотчас же начались работы, которые продолжались даже по ночам, и через два с половиной месяца, к концу февраля 1742 г., дворцы были готовы. Приехав в Москву, императрица остановилась в Потешном дворце, где находилась и Аудиенц-камера. Но Кремлевский дворец все-таки не представлял удобств для постоянного пребывания, и императрица вскоре переселилась на Яузу в Зимний дом, а двор – в Лефортовский дворец. В другой приезд, в 1744 г., она также прожила несколько времени в Потешном дворце.

Желая устроить в Кремле более удобное жилище, Елизавета поручила обер-архитектору Растрелли «для строения того дому усмотреть другое место, и чтоб дому быть каменному, а не деревянному». Решено было выстроить дворец на месте Средней Золотой, Столовой и Набережных палат, возле Благовещенского собора. В 1753 г. было построено новое здание в растреллиевском вкусе и названо Кремлевским Зимним дворцом. Этот дво-

рец, состоящий из двух корпусов, малого и большого, впоследствии несколько раз переделывался, обстраивался и распространялся новыми покоем и сломан был уже по случаю постройки теперешнего нового дворца. Между тем другие части дворца все более и более ветшали без починки и поддержки. Такое состояние зданий, особенно тех, которые были вовсе брошены, внушало опасения; следовало, по крайней мере, предотвратить их внезапное разрушение.

С этой целью императрица велела 4 января 1753 г. осмотреть фундамент и погреба под Кремлевским домом. Архитекторы князь Ухтомский и Евлашев 1 мая 1753 г. подали подробные планы всех построек с изложением своих мнений, которыми между прочим объясняли, что «некоторые покои, кои состоят за Золотою решеткою (подле бывшего Патриаршего двора и Троицкого подворья), и площадки и под ними погреба так обветшали и большею частию обвалились, что и для осмотров в те места войти невозможно, и что оные места надлежит разобрать до самых нижних фундаментов, для осторожности других покоев, по близости к тем ветхим местам, ибо от оных и тем покоем причиняется вред, понеже строением так затемнено, что в нижние апартаменты и воздух проходить не может». Все это подтвердил и сам обер-архитектор Растрелли, проверявший осмотр Ухтомского и Евлашева. Он сообщил между прочим, что в «оном Кремлевском дворце всех покоев и с погребам находится до тысячи номеров и немалое число открытых площадок или галерей».

Тогда же было назначено разобрать самый обветшавший и совсем почти развалившийся корпус, примыкавший к прежнему Патриаршему двору и к Троицкому подворью, где были некогда хоромы царевен, также нижние каменные этажи хором царицы Натальи Кирилловны и малолетнего Петра, с домовою церковью Петра и Павла. Эти здания, построенные в конце XVII ст., следовательно, гораздо позднее других, так потерпели от пожаров 1696 и 1701 гг., что не простояли и 60 лет, между тем как другие отделения дворца, а именно Теремный и Потешный дворцы, уцелели, несмотря на переделки и перестройки, весьма часто портившие их своды и стены.

Таким образом, с половины XVIII ст. старый Кремлевский дворец стал понемногу разбираться. Особенному запущению и обветшанию некоторых его частей способствовало и то, что в нем помещены были разные коллегии, канцелярии и комиссии. Еще при Петре было отдано под эти присутствия 59 палат. Почти каждая коллегия переехала не только со своими архивами, чиновниками, сторожами, разного рода просителями, наполнявшими в течение дня занимаемые ею палаты, но перевезла с собою и своих колодников¹²², которые и проживали, без сомнения, в течение многих месяцев и лет в дворцовых каменных подклетах. Все это увеличивало нечистоту, грязь, преждевременно разрушавшие древние здания.

Императрица Елизавета Петровна

Следует также напомнить, что находившиеся в Кремле старые приказы, огромный корпус которых тянулся по окраине Кремлевской горы от Архангельского собора почти до Спасских ворот, как и новоучрежденные коллегии, помещенные во дворце, вызвали потребность в питейном доме, который, неизвестно в какое время, явился в самом Кремле, под горою, у Тайницких ворот. Кабак этот именовался *Каток*, вероятно, по крутизне схода к нему из приказов. Он существовал, можно сказать, втихомолку, несколько лет, пока не был замечен в 1733 г. императрицею Анною, которая 15 февраля того ж года повелела:

«Из Кремля вывести его немедленно вон и построить в Белом или в Земляном городе, в удобном месте, где надлежит, и что со оного кабака в сборе бывало, чтоб то ж число и там толика.я ж сумма сбиралась, где оной кабак построен будет, и для того (т. е. для сохранения количества сбора),

вместо того одного кабака, хотя, по усмотрению, прибавить несколько кабаков, где надлежит, а в Кремле отнюдь бы его не было».

Таким образом, удалено было от дворца одно из безобразий, какие завели было себе кремлевские подьячие. Остальные, т. е. все то, с чем сопряжено было пребывание в Кремле тогдашней коллегии или приказа, существовали еще долго, потому что в Москве, кроме дворца, не было более удобного помещения для этих коллегий и канцелярий.

Императрица Екатерина II, приехав в Москву короноваться, остановилась в новопостроенном Елизаветинском, или Растреллиевском, дворце, а наследник Павел Петрович – в Потешном дворце. По этому случаю для размещения придворных некоторые канцелярии были выведены в наемные дома. Кремлевская старина так понравилась императрице, что тотчас после торжества коронации, а именно 6 октября 1762 г., она через Бецкого повелела «Кремлевский дворец с всеми принадлежностями, а паче старинного строения не переменив ни в чем, содержать всегда в надлежащей исправности».

Екатерина велела (1 февраля 1764 г.)

«при Кремлевском дворце, на месте, где На.бережный сад, построить для Ее Величества покой, того ради определено, архитекторам Бланку и Жеребцову, осмотра, учинить прожекты, каким наилучшим образом, на старых ли фундаментах с прибавлением, или вновь построить, изыскав, в минование напрасного убытка, все способы».

Этот покой действительно был построен возле Сретенского собора, вероятно, из какой-либо старой палаты, потому что он был со сводами и при нем были построены две галереи, Дамская и Кавалерская, и сам собор был убран как домовый храм для этого помещения.

Ф. Рокотов.

Императрица Екатерина Алексеевна.

1763 г. Фрагмент

В комнате, или покое ее величества, стены были обиты зеленым штофом, а пол зеленым сукном. В Дамской стены и пол, а в Кавалерской одни стены были обиты красным российским сукном. Также красным сукном был убран и Сретенский собор; в нем было поставлено и место ее величества, обитое малиновым бархатом и золотым галуном. В таком виде этот покой с галереями существовал в 1769 г., когда уже готовились строить известный крупнейший Баженовский дворец, оставивший на память о себе только проектированные планы и модель. Совершена была даже и закладка этого чуда-дворца; но постройка его окончилась только разрушением нескольких древних зданий.

В это время (1767—1770) разобран был Запасный двор, наверху которого помещались прежде Набережные сады, с примыкавшими к нему башнями и другими строениями, также

Житный двор, здание Старого Денежного двора, за Сретенским собором, и длинный корпус старинных приказов, тянувшийся по горе от соборов к Спасским воротам.

Московский Кремль в начале XVIII ст.
С гравюры Бликланда XVIII в.

Уезжая из Москвы после коронации, императрица приказала перестроить Кремлевский Растреллиевский дворец, а все покои, кроме тех, в которых она останавливалась, и кроме Грановитой палаты, отдать, как и прежде, под коллегии и канцелярии и прочие места. Присутственные места оставались во дворце до тех лет, когда для них было построено в Кремле архитектором Казаковым отдельное великолепное здание.

Когда начальником дворцового ведомства сделался Валуев П. С., Кремль, по его словам, был в ветхом и запущенном состоянии.

«Внутри кремлевских стен была нечистота великая, особенно в зданиях Сената., под соборами (дворцовыми) Сретенским и Рождественским, около бывшего Дворянского банка и Оружейной конторы (все в зданиях дворца) и даже во дворце. Во многих местах ветхие, обвалившиеся здания представляли неприятный вид; при пустых девяти погребках, без окон и дверей, под галереями и кладовыми палатами, в бывшей улице, между Троицкими и Боровицкими воротами, повелено ставить караул, дабы в них не могли укрываться мошенники»¹²³.

Кремлевские старожилы рассказывали, что до 1812 г. мимо так называемых Темных ворот, составлявших некогда проезд под дворцом на Красную площадь к соборам, страшно было и ходить; там, особенно к вечеру, бывал постоянный притон воров и разврата среди страшной нечистоты и вони.

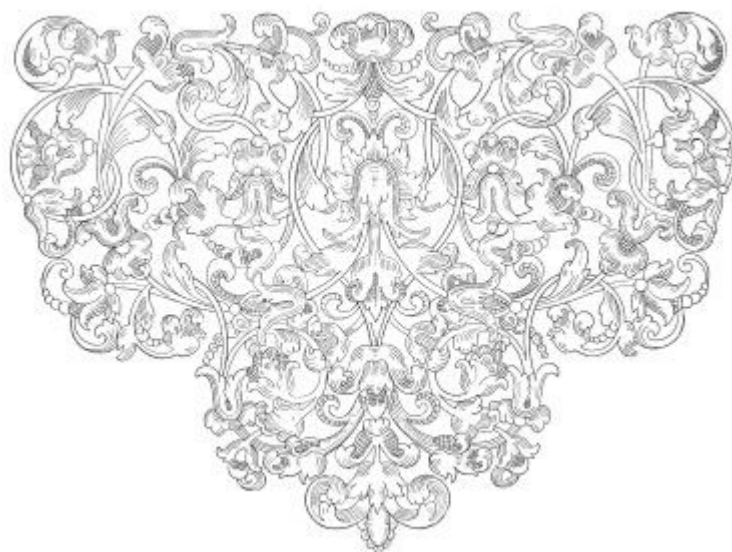
Кстати, упомянем, что в то время возле стен Кремля, за Троицкими воротами, где раньше были заплывшие пруды, овраги и текла Неглинная, сваливалась всякая нечистота почти со всех близлежащих улиц. Старый Каменный мост у Троицких ворот был известен всей Москве как первое разбойное место того времени. Под его клетками, или сводами, особенно под *девятой* клеткой, постоянно жили в самовольно построенных избах всякие вору,

мошенники и душегубцы, так что возле Неглинной в этой местности опасно было не только ходить, но даже и ездить.

Таким образом, Валуев принял Кремль в развалинах, хотя, может быть, и живописных, но в иных местах почти совсем разрушенных. Таков, например, был длинный корпус Хлебного, Кормового и Сытного дворцов, мимо которого запрещено было даже ездить, чтоб от сотрясения мостовой и в самом деле не обвалить всего здания; 30 лет и не ездили по этой улице. Упомянутые дворцы, однако ж, простояли эти 30 лет и были сломаны уже при Валуеве. Если в XVIII ст. дворец постепенно приходил в разрушение от всякого рода нечистоты, то в начале XIX века он окончательно был разрушен для чистоты и опрятности. Валуев был великий, самый горячий охотник до чистоты, опрятности и порядка. Вступив в управление дворцом, он не замедлил представить государю, что многие из кремлевских зданий «помрачают своим неблагообразным видом все прочие великолепнейшие здания», имея в виду соборы и новопостроенный дворец. Он вообще не любил ничего ветхого, ржавого, покрытого цветом древности, что так дорого для археологов, да и вообще для людей, которые в памятниках старого быта не только видят одни ржавые развалины, но чувствуют в них веяние истории, присутствие прожитых идей, которому всегда откликнется развитое образованием чувство уважения к древности.

Если б была полная воля и не мешало некоторое общее уважение к стародавней святыне Кремля, то Валуев скоро превратил бы его в чистую, опрятную и ровную, как ладонь, площадь, оставив на память только те строения, которые или сами по себе имели опрятный вид, или же были способны принять такой вид после реставрации, штукатурки и окраски. Все, что не согласовывалось с этим стремлением или стояло не на месте относительно новопроектированных им улиц и площадей, было разобрано и продано с торгов. За пять-десять лет ломки прежнего Кремля нельзя было узнать. В 1803 г. сломаны часть Потешного дворца, примыкавшая к городской стене у Троицких ворот, и часть корпуса, в котором были Хлебный и Кормовой дворцы; в 1806 г. продан с аукциона и Цареборисовский Годуновский дворец; в 1807 г. сломано Троицкое подворье с церковью Богоявления, где впервые провозглашено было избрание на царство Михаила Романова; в 1808 г. сломаны все здания Заднего государева двора с Кормовым, Хлебным, Сытным дворцами, стоявшими возле этого подворья. На их месте построены Оружейная палата и три Кавалерские корпуса для свиты. Позднейшие переделки и перестройки совершенно очистили Кремль и дворец от многих древних строений. Оставшиеся здания, Грановитая палата, Каменный терем с верховыми церквями и Потешный дворец большей частью значительно переделаны.

Заметим в заключение, что направление, данное Валуевым, коснулось не одних только древних зданий, но и вообще всяких древностей, остатков старой жизни и быта, какими в его время еще полны были кладовые кремлевских и старых загородных дворцов. Все, что не имело цены, т. е. что не было золото или серебро, было также за ветхостью и негодностью уничтожено или продано с аукциона «на Неглинную», как тогда говорилось, т. е. в лавки всякого старья и тряпья, существовавшие на Неглинной в Железных и Лоскутных рядах. В это время невосвратно погибло много таких именно вещей, которые знатоками и археологами ценятся дороже золота. А стремление давать всему опрятный крашенный вид впоследствии было доведено до того, что дубовые двери и ворота во всем городе обязательно стали красить под дуб, а железные древние вещи, как, например, латы, щиты, конская броня, даже пушки, хранящиеся в Оружейной палате, стали красить черной краской с карандашом, под цвет железа. Так были закрашены редкие и превосходнейшие памятники древнего вооружения. Подобным образом закрашивались на стенах древних зданий, например у Каменного терема, прекрасные подзоры и украшения из разноцветных изразцов, или кахлей. Эти украшения, замазанные мелом, охрой или другой краской, иногда на масле, раскрашивали потом красками в древнем вкусе.

Глава II

Государев двор, или дворец. Внешний вид и внутреннее убранство

Внешний вид дворца и наружные украшения зданий.— Резное деревянное дело: древнерусская и немецкая фигурная резьба, вошедшая в употребление при Алексее Михайловиче.— Общий обзор внутреннего убранства комнат, или хоромного наряда.— Комнатная живопись, стенное и подоложное письмо.— Царские места, или престолы, троны.— Меблировка царских палат и хором.— Частный обзор некоторых комнат.— Передняя, Комната, Крестовая, Опочивальня, Мыленка.

Внешний вид дворца в конце XVII ст. представлял чрезвычайно пеструю массу зданий самой разнообразной величины, разбросанных без всякой симметрии, единственно для удобства, так что в строгом смысле дворец не имел фасада. Здания теснились друг возле друга, возвышались одно над другим и еще более усиливали общую пестроту своими разнообразными крышами, двускатными, епанечными¹²⁴, в виде шатров, скирдов, бочек, с резными золочеными греблями и золочеными маковицами наверху, с узорочными трубами, искусно сложенными из поливных изразцов. В иных местах возвышались башни и башенки с орлами, единорогами и львами вместо флюгеров. По свидетельству итальянца Барберини (1565), кровли и купола на царском дворце были покрыты золотом.

Кровля Каменного терема была вызолочена, как можно заключить из того, что в начале XVIII ст. верхний покой Теремного дворца, древний Чердак, или собственно Терем, назывался Золотым Теремком. Некоторые из дворцовых зданий покрывались по тесу белым железом с опайкой английским оловом; но гораздо чаще, особенно на деревянных хоромы, были кровли гонтовые, крытые *по-чешуйному* их красили обыкновенно зеленой краской.

Нигде, однако ж, не проявлялась до такой степени вычурная пестрота и узорочность, как во внешних архитектурных украшениях и разного рода орнаментах, располагавшихся обычно по карнизам, или подзорам, зданий в виде поясов, по углам в виде лопаток или пилястр и колонок; также у окон и дверей в виде сандриков, наличников, колонн, полуколонн, капителей, шпренгелей, гзымзов, дорожников и т. п., узорочно вырезанных из дерева в деревянных и из белого камня в каменных зданиях. В резьбе этих орнаментов между листьями, травами, цветами и различными узорами не последнее место занимали эмблематичные птицы и звери: орел, лев, единорог и даже мифологические – гриф, птица Сирин и т. п.

В древнее время *резное* дело по рисунку и по исполнению отличалось той же простотой, какую и теперь мы видим в украшениях крестьянских изб. Само собой разумеется, что в украшениях княжеских и боярских хором резное дело выказывало больше затейливости и замысла, больше тщательности и чистоты в работе; но характер *художества* в своих приемах оставался тот же. Резное дело с тем же своеобразным народным характером сохранилось до второй половины XVII ст., когда при царе Алексее на смену старине к нам была принесена фигурная немецкая резьба с готической обработкой. Такой резьбой была украшена новая Столовая царя, построенная по вымыслу немецкого инженера-архитектора Декенпина в 1660 г. Затем, в 1668 г., в том же стиле украшены хоромы Коломенского дворца и Столовая царевича Алексея Алексеевича¹²⁵ во дворце Кремлевском резчиками, большей частью поляками или белорусами, вызванными или вывезенными из покоренных перед этим временем белорусских и литовских городов Полоцка, Витебска и Вильны.

С новым мастерством принесено было и много новых снастей, или инструментов, до того времени мало известных русским мастерам. До сих пор эти инструменты сохраняют печать своего немецкого происхождения в своих немецких названиях: гзымзумбь, шерхебель, шархенбь, нашлихтебель, как именовали их в то время. Еще больше таких же немецких, а отчасти и польских имен появилось вместе с самими инструментами. Многие слова русский ремесленник даже и не выговаривал правильно и не нашел собственного, всегда точного и меткого, имени подобным заморским инструментам и снастям, а также и резным фигурам, — так они были новы и чужды по сравнению с его знаниями. С того времени в разных украшениях хором, внутри и снаружи, как и в украшениях разной мебели, появились карнизы, гзымзы или кзымзы, шпленгери, также шпренгери (щиток), каракштыны, или кракштыны (кронштейны), фрамуги (кружало), каптели (капители), базы (подушки), заслупы (род столбов), скринки (киотцы), скрыдла (фигура вроде крыла), штапсалькелен или штапзгалкелен с лескою, штапгалнке с лескою, штапганен с лескою, цыроты, цыротные травы, фруфты, флемованные дорожки и т. п. Такими-то словами стали и русские мастера обозначать разные части новой фигурной резьбы. Вдобавок стали резать резьбу по печатным немецким мастерским лицевым книгам, т. е. по рисункам. В 1667 г. две таких книги, келейные, принадлежащие патриарху Никону, по которым он украшал храмы Воскресенского монастыря, были взяты из монастыря во дворец.

С давних времен до XVI и XVII ст. все такие резы, т. е. наличные и внутренние резные украшения каменных и деревянных хором, расписывались яркими красками и по местам густо покрывались сусальным золотом и частично серебром. Снаружи так украшались по преимуществу жилые и приемные покои, столовые. Мы упомянули уже о кремлевских столовых царя Алексея и его сына и о Коломенском дворце, которые и снаружи были роскошно украшены резьбою, живописью и позолотой, а в Коломенском даже и резные ворота были вызолочены. Такими же украшениями пестрели и жилые деревянные покои Кремлевского дворца. Так как во всех почти хоромах окна украшались резными наличниками и наверху резным шпренгелем (щитком), то эти части по преимуществу и расписывались красками или, в особенных случаях, золотились и серебрились. Не упоминаем об оконных вставнях, которые также всегда расписывались красками и золотились. На них изображали цветы, травы, также птиц и зверей. Обычно их расцвечивали аспидом¹²⁶, т. е. под мрамор. Само собой разумеется, что в том же стиле украшались и наличные стены каменных зданий. Иногда подзоры каменных зданий составлялись из цветных кахелей, испещренных красками. Таковы, например, карнизы, или подзоры, двух верхних этажей Каменного терема и церкви Спаса за Золотой решеткой, составленные из ценинных (синих) изразцов с цветными травами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.